

Зарубежная

фантастика

К. Педлер Дж. Дэвис
МУТАНТ · 59

Научно-фантастический
роман

ИЗДАТЕЛЬСТВО · МИР · МОСКВА

KIT PEDLER AND GERRY DAVIS

**MUTANT 59:
THE PLASTIC EATERS**

NEW YORK, THE VIKING PRESS, 1972

К. Педлер Дж. Дэвис МУТАНТ - 59

Научно-фантастический
роман

Перевод с английского
К. СЕНИНА

Послесловие Е. ПАРНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР» МОСКВА 1975

И(Амер)

П24

Педлер К., Дэвис Дж.

П24 Мутант-59. Научно-фант. роман. Пер. с англ.
К. Сенцова. Послесл. Е. Парнова. М., «Мир», 1975.
313 с. (Зарубежная фантастика).

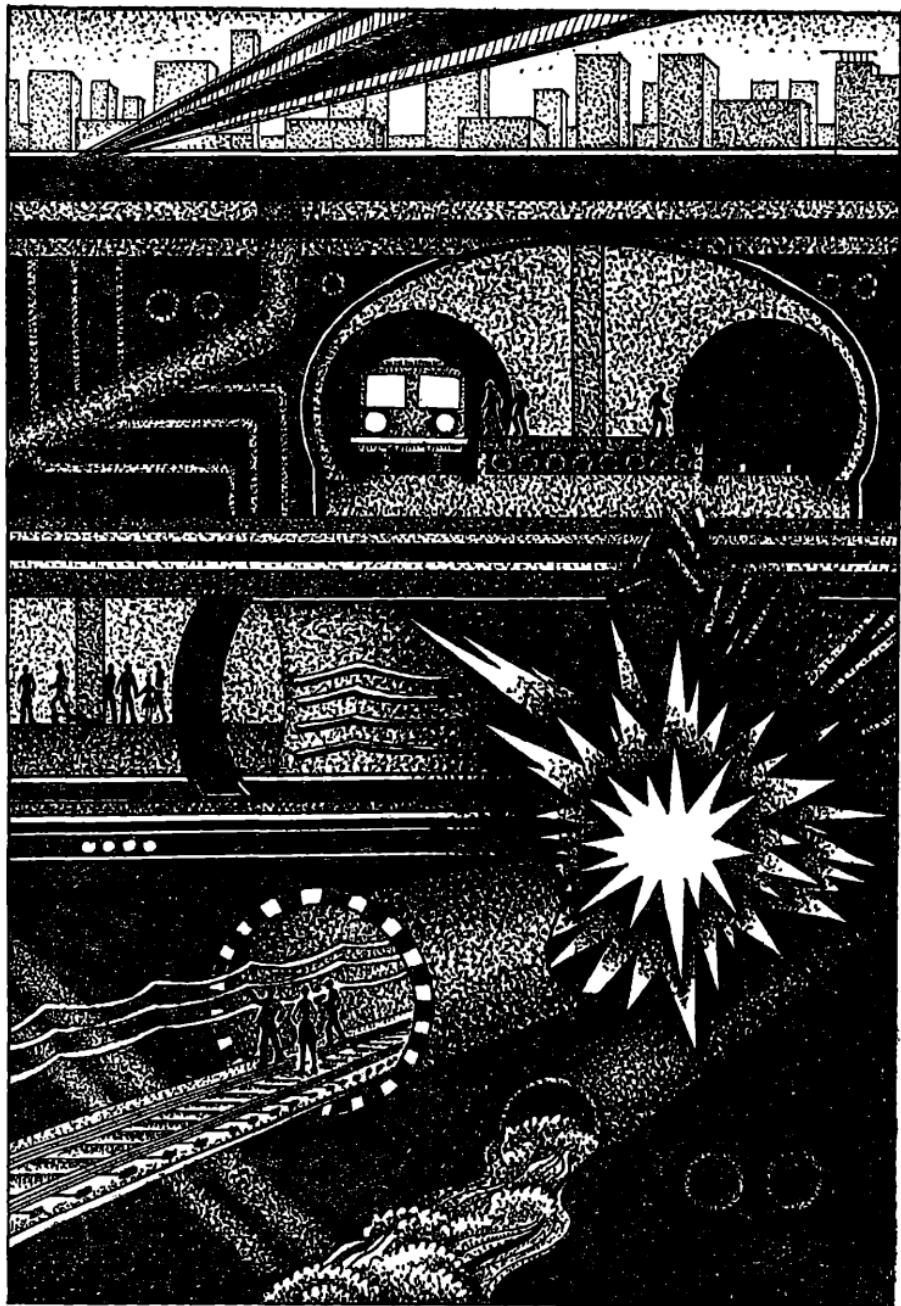
Авторы романа — ученый и журналист. Их содружество не случайно: в произведении речь идет о современной экологии и биохимии, микробиологии и теории полимеров. Главная тема романа — ответственность ученых перед человечеством. Авторы гневно разоблачают дельцов от науки, в поиске за прибылью едва не поставивших мир на грань катастрофы. Написанный в остросюжетной манере, роман порадует всех любителей научной фантастики.

П $\frac{70304-172}{041(01)-75}$ 172-75

И (Амер)

*Редакция научно-популярной
и научно-фантастической литературы*

© Перевод на русский язык, «Мир», 1975

ПАМЯТИ С. ЭЙНСЛИ

20 июля с. г. в своем доме в Сайденхэме на 54-м году жизни скоропостижно скончался доктор Саймон Эйнсли, старший преподаватель микробиологии Кенсингтонской больницы, член Британского биологического общества и Ассоциации патологоанатомов.

Саймон Эйнсли родился 6 декабря 1919 г. Свой первый квалификационный экзамен он сдал в 1939 г. при больнице Св. Марии. Вскоре после начала второй мировой войны он был зачислен в состав Королевского военно-медицинского корпуса, где длительное время занимался исследованиями в области бактериального заражения огнестрельных ран.

По возвращении к гражданской жизни Эйнсли посвятил себя бактериологии, проявляя особый интерес к проблеме приспособляемости бактерий. В результате многолетних трудов он собрал обширные данные о жизнедеятельности бактерий в необычных питательных средах, и, хотя работы Эйнсли остались неопубликованными, коллеги отдавали справедливую дань его усилиям. Один из них писал:

«Саймон был человеком редкого обаяния. Он охотно помогал советами в любой знакомой ему области; а в последние месяцы, как явствует из его заметок, провел серию оригинальных экспериментов с *Bacillus prodigiosus*, которые привлекли особенно пристальное внимание ученого. Трагично, что Эйнсли не суждено было дожить до завершения своих исследований. Коллегам по работе его будет очень недоставать».

Мы скорбим по поводу утраты и приносим наши искренние соболезнования семье покойного.

Бритиш медикал джорнел

Переключатель этот стоил 18 долларов 43 цента. Назначение его было точно таким же, как и у любого другого переключателя на прилавке магазина хозяйственных товаров, но с одной лишь разницей, мало существенной для обывателя, однако жизненно важной для Хансепа. В техническом описании значилось: «Вероятность отказа = 0,0001», иначе говоря, она была бесконечно мала. За 18 долларов 43 цента вам гарантировалась практически абсолютная надежность. Щелчок в одну сторону — коррекция траектории производится вручную, щелчок в другую — это делается автоматически.

Командир космического корабля перевел переключатель в положение «вручную» и с этой секунды обрек себя на гибель.

Движение командира должно было послать мгновенный электрический импульс в хитросплетение микроцепей, спрятанных позади контрольной панели. Но ток достиг лишь крохотной проволочки, некогда надежно изолированной, а теперь — невидимо для глаз — мерцающей оголенным металлом. На панели тотчас, мигнув, ровным светом загорелся красный тревожный огонек.

Лицо командира осталось бесстрастным. Быть может, лишь слегка расширились зрачки да чуть дрогнули веки. Он вернул переключатель в прежнее положение, затем опять щелкнул им — тревожный огонек послушно погас, но тут же вспыхнул снова.

Оба других члена экипажа сосредоточенно следили за его действиями. Их лица также ничего не отражали. Люди смертельно устали. Нечеловеческое напряжение темными тенями легло вокруг глаз.

Воля всех троих была направлена только на одно — выжить во что бы то ни стало, выжить: этому учили их долгие годы тренировок.

Командир глубже втиснул свое невесомое тело в кресло. Он молчал. Двое других тоже не проронили ни слова. Внезапно кабину наполнил невыразительный, искаженный помехами голос — их вызывал центр управления полетом в Хьюстоне.

— Хэлло, Кондор, до последней коррекции остается одна минута сорок пять секунд. Даем сигнал...

Вслед за голосом коротко мяукнул зуммер. Командир ответил самым обыденным тоном:

— Внимание, Хьюстон, вышел из строя переключатель, компьютер не срабатывает, сами отделить посадочную ступень не сможем, повторяю, отделить посадочную ступень не сможем. Прием...

Снова зуммер.

— Кондор, вас понял. Проводим наземную проверку, прием...

— Спасибо, Хьюстон...

Корабль — ничтожная частичка в пустоте и мраке пространства — быстрее любого снаряда мчался по изогнутой траектории навстречу Земле, не оставляя за собой ни следа, ни звука.

— Кондор, наземная проверка подтверждает неисправность на борту. Переключитесь на автоматику, повторяю, передайте контроль автоматике...

— Вас понял, Хьюстон. Прошу повторить время коррекции...

Командир тронул переключатель, и тревожный огонек погас.

— До запуска двигателей остается одна минута пятнадцать. Даем сигнал...

Зуммер мяукнул снова.

В биомедицинском отделе центра управления полетом врачи озабоченно следили за скачками самопис-

цев, фиксирующих состояние экипажа. Один из них сделал пометку в своем дневнике: «Первый пилот — тахикардия, пульс 110, частота дыхания 30».

А в командном отсеке корабля, позади контрольной панели, шел процесс, не предусмотренный конструкторами, — с каждой секундой неумолимо приближался конец...

Неожиданно отказали еще два микроэлемента. По цепям счетно-решающих устройств пронесся цепный шквал импульсов. Последовала беззвучная вспышка — и в тесноту кабины ворвался дым. Трое космонавтов, задыхаясь, отчаянно старались сохранить контроль над кораблем, но корабль, уже совершенно не управляемый, стремительно приближался к границам атмосферы...

Пассажиры рейса 122, летевшие над Атлантикой в Нью-Йорк, дремали — в салоне горел неяркий синий свет. Только мальчионка в кресле у окна беспокойно ерзала, то и дело прижимаясь носом к стеклу, и вдруг, отпрянув от иллюминатора, вцепился в руку матери:

— Мама, смотри скорее, мама!..

Он показывал пальцем за окно. Мать, очнувшись, наклонилась над малышом и посмотрела вслед за ним в ночь.

Поперек ясного звездного неба пролегла пламенеющая оранжевая дуга; было видно, что начало ей дает какое-то движущееся тело. Некоторое время оно росло на глазах, а потом распалось на три огненных комка, которые рассыпались в темноте, словно искры гигантского фейерверка в День независимости. Мать откинулась в кресле и ласково прижала сынишку к себе.

— Это звезда упала, милый. Не бойся, она никому не причинит вреда...

Миссис Гаррис сложила книги мужа на чердаке, прикрыла за собой люк и, тяжело дыша, спустилась по приставной лестнице. В больнице обещали, что он простоянет месяца два, а на самом деле все кончилось за три недели...

В гостиной ей на глаза попалась их свадебная фотография в широкой рамке, и, всплакнув, она подумала: а не убрать ли и фотографию на чердак вместе с другими его вещами? Но потом женщина вспомнила о своем высоком давлении и больных ногах и, сняв фотографию со стены, положила ее на каминную доску.

Это спасло ей жизнь.

Командир самолета, следовавшего рейсом 510 из Парижа в лондонский аэропорт Хитроу, был в прекрасном настроении. Впереди не предвиделось никаких особых осложнений, разве что легкая дымка в Хитроу. Дверь за спиной отворилась, и в кабине появился второй пилот. Привычно проскользнув между откинутым сиденьем и пультом и не задев ни одного из бесчисленных рычажков и приборов, он опустился на свое место. Командир встретил его с ухмылкой:

— Думаешь, не знаю, где ты пропадал? Мне казалось, правда, что она помолвлена...

— Все члены экипажа, — ответил второй пилот, потирая руки, — обязаны беспрекословно выполнять распоряжения старших по рангу...

— Ну, положим, только в профессиональных вопросах...

Второй пилот поспешил сменить тему:

— Какое у нас расчетное время прибытия?

— Семнадцать десять, если над полосой не продержат...

Капли дождя скользили по стеклам кабины. Сливаясь в ручейки, они почти скрывали плотную пелену облаков, расстилавшуюся над самолетом.

Командир вышел на связь с диспетчером в Хитроу, стараясь выделить его голос из заполняющей эфир беспорядочной болтовни.

— Альфа Чарли вызывает борт 510. Вам разрешается войти в зону. В квадрате 82 выполняйте правый разворот...

— Благодарю, Альфа Чарли, разворачиваюсь направо...

Пока командир вел переговоры, бортинженер снимал показания приборов, контролирующих работу каждого из четырех двигателей: температуру, тяговое усилие, давление масла. Свои наблюдения он заносил в бортовой журнал, привязанный к приборному щитку, — а самолет тем временем накренялся, ложась в последний вираж. Вот уже он вошел в конус радиосигналов, которые должны привести его на посадочную дорожку. Второй пилот отметил, что машина идет совершенно точно и по направлению и по углу снижения. Они миновали первый вертикальный маркер...

Эна Гаррис приготовила на кухне чай и теперь, мрачно уставившись в окно, не торопясь, прихлебывала его из обжигающей горячей чашки.

В левом крыле лайнера, выполнявшего рейс 510, пряталась маленькая серая коробочка, начиненная пластинками с замысловатыми узорами печатных схем. Блестящее дюралевое крыло скрывало в себе целую сеть сосудов, почти не уступающую по сложности живому организму, а коробочка призвана была контролировать подачу топлива в двигатель номер два. Именно отсюда на пульт бортинженера поступали данные о питании двигателя, а также о температуре огненного вихря, ревущего в его турбовентиляторном сердце.

Но вот внутри серой коробочки от одной пластиинки стал медленно отделяться двухмиллиметровый проводничок.

А в кабине командир корабля уже обменивался с наземным диспетчером последними репликами:

— Альфа Чарли вызывает борт 510. Вам разрешается посадка на полосу четыре. До свидания.

— Спасибо, Альфа Чарли. До свидания.

И командир выключил передатчик.

Именно в этот момент спрятанная в крыле коробочка окончательно вышла из строя. В двигатель номер два хлынуло горючее из центрального бака, расположенного в нижней части фюзеляжа, хлынуло так, как если бы топливопровод от бака левого крыла был предварительно перекрыт.

Но топливопровод перекрыт не был...

Двигатель захлебнулся, последовал внезапный короткий взрыв, одна из лопаток турбинного вала отломилась и со скоростью пули отлетела вверх. Как нож масло взрезав листовой металл, она прошила плоскость крыла, вспорола герметизированные патрубки и наконец застряла в плотном переплетении трубопроводов между щитком поперечного управления и закрылками. Из разорванных сосудов хлынула «кровь» — красная гидравлическая жидкость. Мгновенно раскрылись внутренние и внешние элероны, и их тут же заклинило. Сорвавшись с подвески, развалился двигатель. Крыло рывком опустилось вниз — и раненую машину неудержимо потянуло в сторону, все дальше от конуса радиосигналов, гарантирующего безопасность...

Миссис Гаррис безрадостно допила свой чай и отправилась в сад, чтобы снять с веревок белье. Едва она сложила первые простыни, серые от дождя и ту-

мана, как до нее донесся гул приближающегося самолета.

Она прожила здесь, в Айлуорте, всего в нескольких километрах от главного аэропорта столицы, целых двадцать лет и обычно не обращала на этот гул внимания. Но на сей раз звук был каким-то особым, и женщина невольно стала вглядываться во мглу. Надсадный рев достиг немыслимой силы, и тогда над верхушками яблонь в дальнем углу сада вдруг показался исполинский фантастически накрененный крылатый силуэт.

Эна Гаррис осталась на месте, не веря собственным глазам, а потом бросилась к дому. Она уже добежала до двери, когда гигантская тень самолета заслонила небо. Последнее, что она запомнила, прежде чем потерять сознание, был черный кокон колеса и блестящие стойки шасси, мелькнувшие над самой ее головой.

С этого мгновения лайнер, выполнивший рейс 510, как летательный аппарат прекратил свое существование. Колесо, расшвыряв черепицу и аккуратные стопки книг, врезалось в чердак, стропила взвились в воздух, словно спички, а самолет перевернулся и начал разваливаться. Одно из крыльев снесло постройки по другую сторону улицы, а фюзеляж, будто вырвавшаяся на волю исполинская торпеда, распахал середину мостовой и, опрокидывая людей и автомашины, проложил по ней страшную дорогу смерти. Оторвавшийся двигатель правого крыла, все еще продолжая работать, пробил витрину переполненного магазина самообслуживания и взорвался внутри его. Хвостовой отсек, кувыркаясь подобно чудовищному бумерангу, вонзился в стену лотерейного агентства и исчез в облаках кирпичной пыли. Отделившаяся носовая часть, докатившись до конца улицы, подпрыгнула на прощание и закончила свой последний прыжок в сплошном нагромождении домишек, круша их стены

и потолки. Остатки фюзеляжа просто рассыпались и завертелись в воздухе кусками рваного металла.

Жизнь сорока восьми пассажиров и членов экипажа оборвалась почти мгновенно — смятые переборки, лопнувшие стойки и панели расположовали их тела на куски и разбросали кошмарным дождем на всем протяжении улицы.

Шел сильный косой дождь, и Анну Креймер слегка знобило. Она подняла капюшон плаща и, напрягая слух, старалась разобрать, что говорит офицер, расположившийся с мегафоном на молу.

С мостика небольшого конвойного миноносца, где она стояла, была хорошо видна носовая палуба атомной подводной лодки «Ринаун», вооруженной шестнадцатью ракетами класса «Поларис А-3». На черной овальной палубе ее китообразного корпуса, открытые всем дождям, зияли шестнадцать люков, ведущих к пусковым установкам. У одного из люков, задрав кверху головы, стояли двое матросов. Со стрелы крана к ним лениво спускался темно-серый цилиндр ракеты. Матросы осторожно направили ее хвост точно в отверстие люка, и ракета медленно исчезла в нем. Затем они принялись задраивать люк круглой пластмассовой мембраной.

Анна и ее коллеги — небольшая группа журналистов — жались к стене рубки, пытаясь хоть как-то укрыться от дождя. Усиленный мегафоном голос отдавал металлом:

— При запуске давление газов, созданное обычным пороховым взрывом, выталкивает ракету вверх. Мембрана прорывается, и ракета покидает подлодку, направляемая на цель с помощью компьютеров...

Голос трескуче продолжал в том же духе. И Анна подумала, что вряд ли в будущей статье ей удастся

воспроизвести этот рассказ, разве что официальный текст, предназначенный для печати, окажется достаточно подробным. Следовало бы как-нибудь ухитриться и набросать черновик.

За окнами кают-компании завывал шторм, пеленой дождя маскируя огромные эллинги под горой на берегу залива. Внутри царил мягкий полумрак, было тепло. Приглушенные разговоры у стойки бара стали громче и непринужденнее. Группу подобрали явно наспех. Рядом с журналистами, на лацканах которых красовались оранжевые жетоны «Прессы», офицеры в форме казались невероятно холеными и изысканно воспитанными.

— Леди и джентльмены! Минуточку внимания!.. — возвысил голос старший офицер. Разговоры смолкли. — Благодарю вас. Прежде всего позвольте мне приветствовать вас от имени командования базы Герлох. Надеюсь, вы повидали здесь все, что хотели...

Журналисты откликнулись на это заявление добродушным гиканьем. Офицер ответил им улыбкой:

— Уверяю вас, леди и джентльмены, что закон о сохранении государственной тайны не имеет отношения к системам, дислоцированным в нашем баре, так что прошу вас — не стесняйтесь!

— Благослови вас бог, начальник, — насмешливо воскликнул один из гостей, приподняв свой стакан.

— Теперь о программе на завтра, — продолжал офицер. — С утра мы предлагаем вам посетить учебные классы, где готовят персонал для работы с ракетами «Поларис», — боюсь только, там придется воздержаться от фотографирования. Затем мы с вами планировали подняться на борт «Тритона», первой из подлодок ее величества, вооруженных ракетами «Посейдон». Как вам известно, завтра «Тритон» должен был ошвартоваться на нашей базе, однако вследствие непредвиденных обстоятельств произошла некоторая

задержка, поэтому мы поведем вас в сухой док, где в настоящее время стоит на ремонте подлодка «Резолюши». Да, и еще вот что: обед будет подан в семнадцать тридцать. Благодарю за внимание.

— Что случилось? — обратилась Анна к стоявшему рядом с ней журналисту. — До сих пор они были точны как часы.

Обычно веселый и разговорчивый, сейчас Мэтт был серьезен, его глаза рыскали вокруг в поисках намека на разгадку.

— Ты права, они никогда не меняют расписания без чертовски уважительных причин. — Он пристально посмотрел на Анну. — У них определенно что-то стряслось...

Доктор Лайонел Слейтер специализировался в области теории связи. Еще в студенческие годы его отмечали как очень одаренного математика. Правда, кто-то из преподавателей однажды заметил, что, кроме склонности к математике, у него есть еще и прискорбная склонность к выводам, которые выходят за рамки строгой научности. Завершив диссертацию, Слейтер воспользовался субсидией, чтобы совершить поездку по научным учреждениям Северной Америки, а затем возвратился в Англию и в поисках работы принял изучать объявления в специальных журналах. Его американское турне не было ни особенно интересным, ни особенно успешным, если не считать одного происшествия, которое само по себе тоже отнюдь не выглядело значительным.

Хотя поездка обошлась молодому ученому гораздо дороже, чем он предполагал, Слейтер позволил себе добраться от аэропорта Кеннеди до Манхэттена вертолетом: ему очень хотелось посмотреть на город с высоты.

Глядя с птичьего полета на забитые автомобилями улочки и перекрестки Бруклина, он представил себе все это как единую систему. Движение блестящих цветных точек подчинялось определенному ритму, они не просто повиновались сигналам светофоров, а каким-то неведомым образом влияли друг на друга. Слейтер даже набросал в записной книжке приближенные математические зависимости и к тому моменту, когда вертолет приземлился, был уже целиком во власти того особого возбуждения, с которым неизменно связано возникновение хорошей новой идеи.

Вернувшись в Англию, Слейтер после долгих и тягостных поисков нашел себе работу в исследовательском центре при министерстве транспорта и с помощью инженеров-автодорожников и специалистов по электронике стал «доводить» свою идею до уровня практической осуществимости.

Он придумал и название для своего проекта: «Самообучающаяся дорожная система».

Упрощенно его идея сводилась к тому, чтобы, взяв замкнутую сеть улиц, превратить ее в подобие биологического целого. Слабить ее «органами чувств» — pnevmaticheskimi счетчиками, помещенными под поверхностью мостовых, и телевизионными камерами, а всю информацию, поступающую от этих органов чувств, передавать на компьютер, способный корректировать свои решения на основании накопленного опыта, иначе говоря, «самообучаться». И, наконец, связать этот компьютер обратной связью со светофорами и с полицией, регулирующей движение.

Отличие системы Слейтера от других подобных систем заключалось именно в способности компьютера «самообучаться». Изучая транспортные потоки на переданных под его контроль улицах, он мог максимально увеличить интенсивность движения на каждый отдельный день, неделю или месяц. Категориче-

ски возражали против этого проекта лишь полиция да некто Эзертон.

Недовольство полиции, по мнению Слейтера, было вызвано чисто эмоциональными соображениями — они, мол, люди и не должны попадать в рабскую зависимость от машины. Это-де унизит их человеческое достоинство.

Эзертон входил в состав комитета, который в конце концов одобрил предложенную систему. Тем не менее он остался убежденным противником самой идеи, утверждая, что последствия в достаточной мере не взвешены и что эксплуатационные качества самообучающегося компьютера не могут быть определены с полной научной достоверностью.

Для эксперимента был выбран район, ограниченный четырьмя улицами: Найтсбридж с севера, Кромвел-роуд с юга, Глочестер-роуд с запада и Слоун-стрит с востока. Потребовалось четырнадцать месяцев, чтобы установить необходимое оборудование и проложить кабели, связывающие его с компьютером и с постом управления в расположеннном поблизости Имперском колледже.

Прежде чем начать эксперимент, были собраны исчерпывающие данные о транспортных потоках в районе, чтобы сопоставить скорости движения до и после пуска системы. Пришлось соединить систему с контрольными постами на магистралях, ведущих в этот район, и на выходе из него: принятые компьютером решения надлежало учитывать и в соседних кварталах.

Еще три месяца ушло на то, чтобы «преподать» машине нужный курс: она должна была полностью осознать свои жизненные функции. И только после многократных проверок ей было доверено управлять своими нервами и мышцами — сигналами светофоров и действиями полисменов в шлемах с антеннами.

Слейтеру вспомнилось, с какой тревогой он впервые передал машине контроль за движением. Данные о транспортных потоках на каждом отдельном участке поместили возле счетчиков, которые должны были регистрировать те же потоки, но уже управляемые компьютером. Несколько долгих мучительных минут счетчики не показывали никаких перемен, но вот медленно, очень медленно начались улучшения. Машина словно бы сердилась за то, что на нее взвалили столь высокую ответственность. В последующие часы вплоть до позднего вечера скорость движения продолжала возрастать. Торжествующие ученые, оставив систему под наблюдением ассистентов, отметили победу приличествующим случаю возлиянием.

С тех пор пропускная способность системы неуклонно возрастала, пока не достигла расчетной величины. Но сегодня Слейтер опять не находил себе места. Он нервно мерил комнату шагами, перекладывал папки, что-то поправлял и передвигал.

Перед ним в боевом порядке выстроились сорок восемь телевизионных экранов. Возле каждого из них освещенный счетчик показывал интенсивность транспортных потоков на данном перекрестке. Рядом со счетчиком на специальной карточке значилась контрольная цифра, полученная до ввода системы в действие. Окинув взглядом экраны, на которых бесконечной вереницей двигались лимузины и автобусы, Слейтер утешил себя надеждой, что все и впредь будет в порядке. Потом он посмотрел на часы — оставалось десять минут. Черт его знает, как полагается разговаривать с министрами — непрерывно кланяться и повторять через каждое слово «сэр»?

На посту управления сегодня был образцовый порядок. Слейтер едва удержал секретаршу от того, чтобы водрузить на пульт горшок с цветами. Наконец, она просунула голову в дверь и сообщила:

— Идут!

Из коридора послышались приближающиеся голоса, дверь распахнулась, и вошли директор исследовательского центра, министр, два его помощника и... Эвертон. Директор представил Слейтера; сегодня он так и светился профессиональным обаянием.

— Ну, а теперь, Слейтер, расскажите нам вкратце, как проживает ваше дитя. Мне докладывали, что все в полном порядке.

— Совершенно верно, сэр, пропускная способность удерживается на одном уровне. Скорость движения возросла почти повсеместно на восемь и четыре десятых процента.

Министр, для которого это был уже третий деловой визит за день, считал своим долгом проявить хотя бы некоторый интерес.

— Скорость движения, — повторил он. — Да, да, разумеется. Однако не расскажете ли вы мне все так, словно... словно перед вами ребенок лет трех от роду.

И он улыбнулся, показав желтые от табака зубы.

Слейтеру ничего не оставалось, как приступить к очередному, по собственному его выражению, «разжевыванию для кретинов». Директор покровительственно улыбался, а министр время от времени кивал. Если же он вдруг действительно понимал, о чем идет речь, кивки становились короче и чаще.

Компьютер в соседней комнате работал почти беззвучно — слышались лишь отрывистые щелчки, когда записывающие головки меняли свое положение. Ничто не указывало на то, какой интенсивный поток информации устремляется сюда с соседних перекрестков. Счетно-решающее устройство за доли секунды обрабатывало ее, производя сложнейшие вычисления, а логические схемы — душа компьютера — выносили правильные решения. Все компоненты работали безупречно.

Но вот один из них, названный конструкторами логической ячейкой М-13, выдал два неверных решения, а потом и вовсе отказал.

Слейтер уже благополучно заканчивал свое сообщение, а тем временем последствия отказа этой ячейки множились, расходясь как круги по воде, от центра к периферии подчиненной машине дорожной сети.

Заговорил министр:

— Замечательно, Слейтер. Очень-очень интересно. Поздравляю вас. Мне известно, что до сих пор ваши идеи не пользовались всеобщей поддержкой, — Эзертон переминался с ноги на ногу, — но заверяю вас, отныне вы не будете испытывать никаких финансовых затруднений.

Он подошел поближе к телекранам.

— Где же это мы? Ну, конечно, как же я сразу не узнал — Музей естественной истории, не правда ли? А вон и Музей королевы Виктории и принца Альберта... — Он был похож на ребенка, получившего новую игрушку. — Замечательно, чувствуешь себя будто в центре исполнинского мозга...

Но тут голос министра сорвался, маленькие голубые экраны приковали к себе общее внимание.

Отказ одного-единственного компонента до основания сотрясал теперь всю систему. На перекрестке Эгзибишин-роуд и Кромвел-роуд светофор переключился с красного на зеленый и тут же снова на красный. Такси, успевшее выскочить на перекресток, сразу же столкнулось с автобусом.

На перекрестке Найтсбридж и Слоун-стрит светофоры совсем потухли, чтобы через минуту совершенно сойти с ума. Машины, двигавшиеся на запад от Пикадилли, в мгновение ока сбились в грандиозную чадящую пробку.

Показания счетчиков с Принс-Консорт-роуд вдруг сразу возросли на два порядка, в результате на Ку-

инс-гейт у перекрестка с Кромвел-роуд включился постоянный зеленый. Прошло каких-то четыре минуты, и движение во всем районе оказалось полностью парализованным. В общей неразберихе то и дело происходили несчастные случаи, но кареты скорой помощи не могли пробиться по задыхающимся улицам — в ранних сумерках беспомощно мигали их синие огоньки.

На посту управления стояла полная тишина — никто не решался заговорить первым. Наконец директор не выдержал:

— Бога ради, Слейтер, что случилось?

Слейтер был ошеломлен.

— Боюсь... Нет, не знаю. Просто не знаю...

Ему хотелось расплакаться.

Министр посмотрел на своих помощников и сказал подчеркнуто твердо:

— Извините, джентльмены, но... гм... нам пора возвращаться в министерство. Не забудьте, — обратился он к директору, — представить мне обо всем этом подробный доклад...

Директор ответил мрачным кивком. Министр вспомнил про Слейтера:

— Весьма сожалею, поверьте, весьма и весьма сожалею...

Когда они выходили из комнаты, лицо Эзертона ничего не выражало, он только пристально посмотрел на Слейтера через плечо.

Исподволь наблюдая за своими коллегами, Люк Джеррард в десятый раз за день задавал себе один и тот же вопрос: за каким, собственно, чертом его сюда занесло?

Большую часть времени они, сотрудники агентства Креймера, проводили, слоняясь по комнате в тщет-

ной надежде найти решение проблемы бутылочного горлышка. Джеррарда давно уже тошило и от бессмысленности их усилий, и от самих его коллег.

За окном был серый декабрьский день. Часы показывали половину пятого, постепенно темнело. В сумерках комната казалась Джеррарду еще более мрачной, чем обычно. Кирпичные, в викторианском духе стены школьного здания, которое агентство приспособило для своих нужд, упорно противились всяkim попыткам обновления. Здание, как непреклонная старая дева, меняться не желало. Комната оставалась сырой, темной, промозглой и неуютной — возвышение для кафедры в одном углу, огромная доска на роликах размером чуть не во всю стену — в другом. Доску почти сплошь покрывала паутина формул; на стульях, на столах, на полу — повсюду валялись скомканные блокнотные листки. Десятидневные усилия завели группу в совершеннейший тупик.

Виной тому отчасти был сам состав четверки: Креймер подобрал ее на удивление плохо. Десять дней подряд шотландец Бьюкен — редкое терпение и склонность к самоанализу — словно машина, выкидывающая тарелочки для стрельбы, выдавал идеи, а англичанин Райт только и делал, что с первого выстрела разносил эти идеи вдребезги. Джеррарду осточертели и тот и другой. Они были как числитель и знаменатель, сокращающиеся без остатка, а проблема — ни с места.

Все, что в обычных условиях могло бы стать отправной точкой для творческой мысли, здесь сводилось на нет, а то и превращалось в новый источник напряженности. Оставалось только диву даваться: на что в сущности рассчитывал Креймер, когда нанимал на работу людей, столь разных по темпераменту, мировоззрению и научной подготовке! Пока они преуспели только в одном более или менее значительном

начинании — изобрели самораспадающуюся пластмассовую бутылку; шеренга таких бутылок украшала дальнюю стену комнаты, дабы поразить воображение посетителей, если таковые удостоятся чести быть приглашенными сюда, в святая святых фирмы.

Джеррарду представлялось истинным чудом, что они придумали хотя бы эту бутылку. Он перевел взгляд на третьего из своих соратников — Джима Скэнлона.

Скэнлон был моложе других — бодренький, чересчур услужливый и довольно безликий технарь, из тех, кому природа не отмерила склонности к творчеству. «Вот продавец из него был бы неплохой», — подумалось Джеррарду. А пока что Скэнлон получал, по-видимому, удовольствие от того, что сеял рознь между Бьюкеном и Райтом, натравливая их друг на друга. Впрочем, Скэнлону следовало отдать должное — если ему поручали конкретную лабораторную задачу, он выполнял ее точно и добросовестно.

Вошла секретарша Бетти с чаем. Водрузив поднос на стол, она задала свой коронный вопрос:

— Кому пирожных?

Вопрос этот, как уже успел усвоить Джеррард, был чисто риторическим. Райт, казалось, вовсе ничего не ел; он весьма скрупулезно следил за собственным весом и ни при каких обстоятельствах не притронулся бы к клейкому крему, неизбежно венчавшему любое из купленных Бетти пирожных. А гурман Бьюкен никогда не опустился бы до того, чтобы перебить себе аппетит незадолго до обеда.

Пока Бетти разливала чай, мужчины с сумрачным видом молчали.

— Сегодня мы все равно не придумаем ничего путного, давайте закругляться, — сказал наконец Райт и, прищурясь, глянул из-под очков на Бьюкена, будто вызывая его на спор.

Но Бьюкен ответил усталым согласным кивком:
— Вы правы...

Бетти подала Джеррарду его чашку, и он отошел к окну. Внизу на улице мерцали желтые фонари, снова моросил дождь, и Джеррарду с мимолетной тоской подумалось, что в Канаде, в его родном городишке, улицы, наверное, уже выбелены первым снегом. Память вернула его на два года назад, к той минуте, когда ему довелось познакомиться с Арнольдом Креймером, который прилетел в Канаду провести серию исследований, выбрав для этой цели университет, где работал Джеррард.

В течение трех месяцев они сотрудничали бок о бок. Темой своих экспериментов Креймер избрал самопроизвольное разрушение пластмасс, а в результате — в результате в жизни Джеррарда произошел неизвестный поворот. Он позволил себе углубиться в воспоминания, пытаясь разобраться в собственном душевном состоянии тогда и потом.

До университета он был врачом со скромной практикой на рудниках в северной части провинции Онтарио. Там он встретил Шарон, женился на ней и, заразившись ее неугомонной энергией, в тридцать лет решил попробовать свои силы на новом поприще — в экспериментальной биологии. Однако университетская жизнь на поверку оказалась пустой и нудной, и к тому времени, когда на горизонте появился Креймер, Джеррард начал понимать, что попал на дорогу, ведущую в никуда.

Креймер учился в Гарварде, у лучших ученых Америки. Человек недюжинного ума, он отличался также поразительной активностью и редким даром критического анализа. Поначалу Джеррард принимал его с большим трудом. Ярость творческих сил, бушевавших в этом человеке, попросту пугала канадца, и ему отнюдь не сразу удалось наладить с Креймером контакт.

мером нормальные отношения. Но когда отношения наладились, соприкосновение с могучим интеллектом Креймера послужило для Джеррарда огромным стимулом в работе.

Креймер жил в доме Джеррарда, и Шарон присматривала за ними обоими. Это было время великих надежд, и, когда Креймер в конце концов вернулся в Англию, чтобы основать там свое научное агентство, Джеррард бесповоротно понял, что никогда не сумеет приспособиться к затхлой атмосфере провинциального университета с его незыблемой табелью о рангах.

Между Джеррардом и Шарон возникли трения, постепенно обострившиеся до взаимных измен и мучительного по своей пошлости развода. Джеррард остался в университете еще на год, но все более замыкался в себе и все решительнее возмущался системой авторитарной власти, навязанной старыми профессорами.

Бунт увенчался успехом, но, как нередко случается с бунтовщиками, и противники, и сторонники отвернулись от него. Именно в эти тяжелые дни раздался телефонный звонок из Лондона, и Креймер предложил ему перейти в агентство. Решение было мгновенным: Джеррард подал в отставку, продал дом, машину, мебель и, сократив свое имущество до двух чемоданов, перелетел океан, чтобы занять предложенное место.

Внешне начинание Креймера выглядело необычным, но многообещающим: группа специалистов, объединив свои способности и знания с организационным гением Креймера, по заказу предугадывает и решает любые проблемы научно-технического характера.

Постепенно группа вышла за рамки чужих проблем и по собственной инициативе сделала несколько крайне прибыльных изобретений.

Одно из таких изобретений разработал химик Райт. Он создал пластик под названием аминостирен — новый износостойчивый изоляционный материал, нашедший широкое применение в промышленности. Другое изобретение было в сущности попыткой внести вклад в дело борьбы за охрану окружающей среды: пластмассовая бутылка, под воздействием света рассыпающаяся в мелкую пыль. Сама идея представлялась Джеррарду блестящей — именно такие плоды и должны были произрастать в столь замечательной теплице, но прошло какое-то время, и он понял: в деятельности агентства безвозвратно исчезло что-то, совершенно необходимое им всем как ученым. Пожалуй, эта метаморфоза была определенным образом связана с личностью самого Арнольда Креймера.

Креймер внушал всеобщее благоговение. Он был человеком крепкого, почти богатырского сложения и имел привычку никогда не смотреть прямо на собеседника. Его голубые глаза, прикрытые тяжелыми веками, обычно казались устремленными поверх вящей головы. Когда же он, наконец, опускал свой взгляд, эти глаза излучали прямо-таки магнитическую силу. Блестящий собеседник, он знал все или почти все и обладал таким безошибочным чувством слова, что временами это граничило с поэзией.

Однако со временем совместных исследований в Канаде в Креймере произошла перемена. А может, Джеррард тогда не знал его как следует?

Креймер канадского образца был само вдохновение. Вся его эрудиция, весь интеллект были подчинены поиску, точнее, радости поиска (правда, не всякий рискнул бы употребить эти слова применительно к Креймеру). Он с восторгом проводил часы и даже дни в размышлениях, строя различного рода догадки и развивая на их основе необычные теории.

Теперь все это куда-то ушло. Человек, которого Джеррард видел перед собой, был совсем другим Арнольдом Креймером, резко отличным от того, былого. Прежде полноводный, искрящийся поток его речи теперь был сжат в эклектичную, отрывистую, а порой и грубую скороговорку бизнесмена. Каждое его замечание, каждое задание, каждая мысль подчинялись теперь одной цели — выгоде. Единственный критерий при любой оценке — можно ли сделать на этом деньги.

Если прежний Креймер подавлял своим интеллектом, то этот новый Креймер просто пугал — его энергия жгла, как луч лаэра. Создавалось впечатление, что он с трудом сдерживается, чтобы не напасть на вас. Раньше Джеррард ощущал определенную близость этого человека, дружеское влечение к нему; теперь положение босса отделило Креймера от Джеррарда, как и от всех остальных. Став хозяином, Креймер не щадил никого и в первую очередь — самого себя. Он не утратил известного обаяния, но эта привлекательность была привлекательностью одержимого. Теперь он думал только об одном — об успехе, успехе любой ценой.

Смеркалось. Внезапно в комнате вспыхнул свет — вошел Креймер. Осмотрелся.

— Ну как? Надумали что-нибудь?

Все четверо подняли глаза. Креймер самим своим присутствием заставил их выпрямиться, несмотря на усталость. Высокого роста, с крупной головой на мускулистых, слегка сутулых плечах, в свои сорок пять лет он прекрасно владел искусством моментально становиться центром внимания всюду, где бы ни появился.

— Опять вернулись к тому, с чего начали, — ответил Райт, поближе подойдя к хозяину.

— Так я и думал, — сказал Креймер. — Ничего другого я и не ожидал.

Бьюкен вытянул ноги и с обреченным видом заложил руки за голову.

— Так, значит, все, чем мы занимались последние дни, было ни к чему?

— Говорят, на каждую толковую мысль обязательно приходится семь никчёмных, — отозвался Креймер. — Эти семь у вас уже были, так что сейчас, с вашего разрешения, я хотел бы провести совещание по существу...

— Сейчас? — простонал Бьюкен.

Креймер кивнул:

— Именно сейчас. Знаю, что вы устали, но часто именно усталость рождает самые перспективные идеи. Давайте рассмотрим заново все предпосылки и подумаем, почему они не сработали. Может, мы ничего и не надумаем, но, вероятно, натолкнемся на идею-другую, над которыми вы потом поразмыслите на досуге, в субботу и воскресенье. — Он окинул взглядом своих измученных подчиненных. — Бетти, принесите нам бутылку виски, настоящего, шотландского. — Кивок в сторону Бьюкена: — Самого настоящего, без обмана. Правда, появилась еще одна забота, требующая нашего внимания...

Он снова осмотрелся и, казалось, только сейчас заметил Джеррарда.

— Люк, вы, наверное, с этим справитесь. Придется немного прогуляться...

Джеррард постарался не слишком явно обнаружить свою радость. Что угодно, лишь бы вырваться из этих гнетущих стен! Он почти не участвовал в спорах последних дней, сознавая себя не достаточно компетентным в тонкостях химии высокомолекулярных соединений.

— Вы знаете, что такое Баррет в Кенсингтоне? — спросил Креймер.

— Большой универмаг?

— Он самый. У них там какие-то неприятности в отделе игрушек...

— Без шуток, — приподнял брови Джеррард.

— Похоже, что неприятности связаны с аминостиреном.

Райт тут же оторвался от бумаг, которые перебирал у себя на столе.

— Быть может, лучше мне?..

Аминостирен Райта принес им первый большой коммерческий успех. Остроумная формула, основанная на сочетании молекулярных структур протеина и полистирола, да к тому же, как выяснилось, дешевизна и несложность в изготовлении. Крупные фирмы незамедлительно развернули массовое производство, получив неплохие барыши. Аминостирен не только явился химической основой следующего их изобретения — самораспадающейся бутылки, но и нашел применение буквально в сотнях изделий — от ракет до игрушек.

— Я предпочел бы видеть вас здесь, — холодно сказал Креймер Райту и обернулся к Джеррарду. — Анна уже там. Я не склонен придавать этому большого значения. Просто нежелательно, чтобы эта история попала в прессу. Там должен быть еще и кто-то из нас... — Он перехватил вопросительный взгляд канадца. — То ли на выставке игрушек, то ли на рождественском базаре расплывилась какая-то аминостиреновая деталь. Парень, который за это отвечает, никак не разберется, в чем дело. Может, виновата жара, а может, какой-то шутник брызнул ацетоном. Мы же не давали гарантий, что аминостирен противостоит любым воздействиям. Словом, посмотрите, в чем там дело, и привезите нам образец для проверки...

Джеррард поднялся и направился к двери.

— Вы на машине? Анна будет очень вам призательна, если вы потом подбросите ее домой...

В дверях Джеррарду встретилась Бетти с подносом в руках — на подносе стояла бутылка и несколько стаканов. Он отступил на шаг, чтобы дать ей пройти. А Бьюкен поднялся с места — в первый раз с самого завтрака — и поспешил принять у Бетти поднос, не в силах отвести глаз от узкого темного горлышка. «Ладно, обойдусь без вашей выпивки, — подумал Джеррард. — Все равно водка лучше». Пройдя по коридору, он вышел из здания под дождь.

По дороге, еле двигаясь в предрождественском потоке машин, Джеррард думал об Анне Креймер.

Он видел ее дважды. В первый раз вместе с мужем у них дома, в тот самый вечер, когда прилетел в Лондон, и вторично — в агентстве, несколько недель спустя. Двух встреч оказалось достаточно, чтобы он понял — Анна привлекает его, как уже многие годы не привлекала ни одна другая женщина.

Джеррард резко нажал на тормоз, машину занесло, но она успела остановиться, едва не задев такси, которое внезапно вынырнуло откуда-то сбоку. Такси как ни в чем не бывало поехало дальше, и Джеррард, теперь уже вполне привыкший к чаду и хаосу лондонских улиц, тут же выкинул это происшествие из головы, продолжая думать о своем. Анна волновала его.

Она была красива по самым строгим меркам: высокая шатенка с большими карими глазами и кожей чуть смуглее обычного. Отличала ее и элегантно-не-принужденная манера держаться, манера, которую он никак не мог забыть и которая, по его мнению, являлась следствием аристократического британского воспитания. Уголки губ у Анны неизменно складывались в едва заметную улыбку, а глаза смотрели на вас со скрытым вызовом. Нетрудно было догадаться, с каким успехом она брала интервью, хотя из этого вовсе не следовало, что ей удастся добиться признания как научному обозревателю.

Она, бесспорно, умела обходиться с мужчинами. Каждый, с кем ей приходилось соприкасаться, воображал, что она заинтересована именно им. Возможно, это был профессиональный трюк, но если даже и трюк, решил Джеррард, то чертовски действенный.

Вообще-то Джеррард относился к женщинам с изрядной долей цинизма. Развалившийся брак и все, что за ним последовало, а также несколько мимолетных, не принесших радости встреч побудили его осторегаться серьезных увлечений. Но, может статься, после развода он слишком явно искал этих встреч; может статься, смотрел на женщин слишком голодными глазами и в его поведении сквозила излишняя озабоченность. Так или иначе, все его попытки по-настоящему сблизиться с женщиной заканчивались безрезультатно. Быстро утешить его — на это еще соглашались, но разве к этому он стремился! Природа не обидела его ростом, он был привлекателен, хотя и не красив в традиционном смысле слова, и на лице у него читалась та мужская сила, которая всегда нравится женщинам. Но, похоже, ни одна из них не желала вступать с ним в сколько-нибудь продолжительные отношения...

К своему удивлению, он обнаружил, что добрался до места назначения — небольшой, окаймленной деревцами площадки позади универмага Баррета. И чай-то «бентли», словно по заказу, выезжал с одной из немногих платных стоянок.

Вознамерившись втиснуть свой «ситроен» на освободившееся место, он не заметил нахальной малолитражки, которая кралась следом и сейчас пыталась обойти его, чтобы прошмыгнуть на стоянку. Малолитражку вела длинноволосая блондинка с ослепительной улыбкой. Джеррард подумал, что она хочет просто проехать мимо, и сделал знак рукой, что подождет, но она начала заворачивать на стоянку, и он

молниеносно дал задний ход. Секундная схватка двух самолюбий — машины двигались друг на друга, на таран, но тут девица нажала на тормоз и испуганно подала свою малолитражку назад. Джеррард занял стоянку, бросил в прорезь счетчика пару монет и отправился через площадку к Баррету.

Универмаг был набит покупателями. Когда-то Джеррард любил эту предрождественскую суэту. В студенческие годы он, случалось, вставал за прилавок сам, чтобы подработать за каникулярные дни. Ему доводилось помогать в крупных универмагах Торонто и Монреяля, но здесь, у Баррета, обстановка была совершенно иной.

В Канаде крупные магазины, невзирая на криклиевые призывы покупать никому не нужные вещи, сверкали весельем, простодушной радостью рождества. А здесь все казались утомленными, были раздражены и никто не получал ни малейшего удовольствия. Это был ритуал, исполняемый истово, как полагается, но без тени радости и надежд. Впрочем, заметил про себя Джеррард, поднимаясь по эскалатору к отделу игрушек, делать покупки и вправду невелика радость.

В отделе игрушек суматоха, если уж применять это слово, была еще большей, а уровень шума он оценил не менее чем в семьдесят децибел. Дети кричали, визжали, били в барабаны, дудели в жестяные трубы; на маленьких проигрывателях хрюпели прошлогодние шлягеры, слышалось металлическое поскрипывание музыкальных шкатулок. На высоких нотах выли заводные машинки и моторчики — и все это вперемешку с жужжанием часовых механизмов и беспорядочным клацаньем железных лап и копыт сотен зверушек, скачущих как попало по поверхности огромного круглого стола.

В дальнем конце отдела располагалась традиционная рождественская пещера, где стояла длинная оче-

редь к Санта-Клаусу. Возле пещеры была фанерная перегородка, над которой красовалась вывеска «Прогулка по Луне», а рядом Джеррард увидел Анну Креймер.

— Привет, — сказала она и представила канадцу энергичного молодого человека в толстой твидовой куртке. — Мистер Эспайнел — доктор Джеррард...

Они обменялись рукопожатием. Долговязый Эспайнел был еще очень юн, и рука у него оказалась вялой и влажной от пота.

— Ну, что ж, пошли, — предложил Джеррард, и Эспайнел повел их к закрытой сегодня от публики панораме.

Своим аттракционом Баррет ухитрился поразить даже лондонцев. «Обошлось ему это, надо полагать, недешево», — подумал Джеррард. Фирма действительно не поскупилась: точная копия лунного модуля, широкая полоса серебристой лунной пыли и, главное, три фигуры в космических скафандрах в натуральную величину. Одна из фигур, как объяснил Эспайнел, время от времени наклонялась, подбирала с поверхности осколок породы, относила его за пять метров назад к кораблю, загружала в контейнер и возвращалась на прежнее место. Неполадки произошли, по-видимому, именно с этим роботом.

Первоначально он был сконструирован в одном из американских университетов как демонстрационная модель для какой-то кибернетической конференции. Потом его в частично разобранном виде приобрела компания, которую представлял Эспайнел, и тот с несколькими помощниками воссоздал все заново, используя, в частности, зубчатые передачи из аминостирена. Неделю назад робота установили в магазине, и Анна Креймер сочинила заметку, прославляющую панораму, а равно аминостирен и другие новейшие сорта пластмасс.

Торжественное открытие панорамы прошло с успехом, и первые два-три дня, несмотря на впечатльную входную плату, она привлекала толпы и взрослых и детей. Но потом начались поломки, и вот уже пять дней панорама была закрыта. Причина поломок крылась, очевидно, в пороках самой пластмассы.

Эспайнел подвел их к низенькому верстаку, установленному позади лунного модуля; здесь были расположены шестеренки, крепежные пластины и другие детали робота. Отчего-то размягчившись, они потеряли форму и странно перекосились.

— Какая там температура?

Джеррард кивком показал на пылающие дуговые лампы — их отражение на серебристой пыли имитировало солнечный свет.

— Примерно двадцать четыре по Цельсию, — ответил Эспайнел. — Никак не хватит, чтобы все это расплавить. Впрочем, вы в таких делах специалист, вам виднее...

Джеррард отнюдь не чувствовал себя специалистом, однако кивнул снова. Анна подошла поближе к верстаку, взяла одну из деталей и внимательно осмотрела.

— Может, все-таки какой-нибудь растворитель? — предположила она.

— Это, конечно, было бы объяснением, — ответил Эспайнел, — но, насколько я могу судить, тут и близко ничем таким не пахло.

— Но вы же не сидели здесь неотлучно? — вмешался Джеррард. — Может быть, уборщица?..

Это нерешительное предположение смущило прежде всего его самого.

— Совершенно исключено, — заявил Эспайнел. — Мы чистим здесь все сами, и только спиртом. Остальным даны строгие инструкции сюда не лазить. А это тем не менее случается снова и снова. Я уже три ра-

за менял шестеренки, и каждый раз одна и та же история. Сюда, пожалуйста...

Он повел их к центру панорамы. Они прикрыли глаза ладонями, защищаясь от блеска дуговых ламп.

— Сегодня, — продолжал он, — я пустил в ход последний запасной набор шестеренок, покрыв их защитным лаком. Так что если ацетон или любой другой растворитель каким-то образом попадет внутрь робота, он не сразу доберется до самой пластмассы. Я поставил термометр — вот, — чтобы мы могли следить за температурой. Посмотрим, что будет. Пожалуйста, отойдите немного...

Он залез на подмостки — передний план панорамы — и направился к тонкой фанерной перегородке, отделяющей панораму от прилавков отдела. Пыль скрипела у него под ногами. Анна задержалась на середине, лицом к лицу с роботом.

— Идите сюда, не то окажетесь у него на дороге, — поманил ее Эспайнел. Осмотревшись, он поднял портативный передатчик вроде тех, какие прилагаются к радиоуправляемым катерам и автомобильчикам. — Начали!..

Он включил передатчик и повернул ручку. Они не сводили с робота глаз. Зашумел сервопривод, голова медленно приподнялась, руки согнулись, одна нога сдвинулась назад, и робот накренился набок. Потом его движения обрели целеустремленность, и он пошел.

— Работает! — воскликнул Эспайнел.

— Быть может, вы отыскали решение, — заметила Анна.

Робот тяжелым шагом водолаза приближался к кораблю. Руки его были вытянуты вперед — поддерживали воображаемую находку.

— Сейчас он положит образец в контейнер, — сказал Эспайнел.

— И что дальше? — осведомился Джеррард.

— Повернется и направится за новым образцом.

— Захватывающее зрелище! — Джеррард старался быть не слишком саркастичным.

— По мнению ребятишек, да, — отозвался Эспайнел не без обиды в голосе. — Прошу меня извинить...

Он отошел к лунному модулю. Робот как раз добрался до входного люка и, грузно наклонившись, укладывал воображаемый образец в контейнер. Эспайнел проскользнул мимо и скрылся в недрах корабля. Робот не спеша повернулся и нетвердой походкой двинулся обратно.

Анна, полуослепленная блеском ламп, обратилась к Джеррарду:

— Я набрала пыли в туфлю. Не поможете ли?..

Джеррард подхватил ее руку, и она, нагнувшись, принялась стаскивать туфельку. Сейчас он был ближе к ней, чем когда бы то ни было, и ощущал тонкий аромат ее духов. Роскошь ее темных, ниспадающих на плечи волос заставила сжаться что-то внутри; как медик, он отдавал себе отчет в учащенном сердцебиении — такого он не помнил годами. Крепко держась за него, она склонилась еще ниже и вытрясла пыль. Ее стройные ноги в телесного цвета колготках отчетливо вырисовывались на фоне белого лунного грунта.

Чья-то длинная тень упала между ними. Он оглянулся. Прямо над ее головой нависла огромная фигура робота с ручищами, поднятыми почти вертикально, словно изготовленными к удару карате.

— Осторожно! — крикнул Джеррард.

Стремительно схватив Анну за талию, он рванул ее к себе; в тот же момент руки робота обрушились вниз. Одна из них все же задела Анну, опрокинув их обоих. А робот продолжал шагать прямо к фанерной

перегородке. Руки его вновь поднялись, готовые принять новые образцы пород. Чем ближе к перегородке, тем быстрее двигались его негнущиеся ноги. На какой-то миг он, казалось, задумался и вдруг всей своей массой ударил в фанерную стену.

Перегородка рухнула; Джеррард увидел изумленные лица детей и родителей, ожидавших своей очереди на прием к Санта-Клаусу. Еще мгновение — и робот очутился в зале.

Люди с криком бросились врассыпную: очередь тут же рассеялась. Какая-то женщина с девочкой на руках споткнулась и упала. Быстро вскочив, Джеррард подбежал к оставленному Эспайнелом передатчику. Робот неумолимо надвигался на потерявшую сознание женщину и ребенка, который оцепенел от ужаса.

Джеррард повернул выключатель. Робот издал короткое гудение, и уже приподнявшаяся нога, лязгнув, остановилась. Однако равновесие робота сохранял только на ходу; теперь он медленно осел набок и с грохотом опрокинулся.

Джеррард подошел к Анне.

— Вы не ранены? — появился откуда-то Эспайнел.

— С нами все в порядке. Займитесь своим уродом, — Джеррард показал на робота и обратился к Анне. — Идемте. Вам надо ехать домой.

— Нет, нет, — возразила она, — со мной все в порядке...

— А плечо? — Он коснулся разорванного рукава пальто. Анна поморщилась.

— Оставьте, это просто ушиб. Должна же я узнать, что случилось с этим чучелом...

Она подошла к Эспайнелу, который, нагнувшись над распростертой фигурой, открывал крышку у нее на спине.

— Мы еще вернемся, — не отступал Джеррард. — Полагаю, капля спиртного вам не повредит...

— Нет, нет, — повторила Анна твердо и вдруг слегка покачнулась. Джеррард поддержал ее. Она подняла руку ко лбу. — Быть может, вы и правы...

Они не без труда пробрались сквозь толпу.

— Ну как, помогает? — спросил Джеррард некоторое время спустя. Они сидели с большими рюмками виски в шумной и безвкусно обставленной кенсингтонской пивной неподалеку от универмага.

— Еще бы! — ответила Анна и осторожно потрогала плечо. — Только вот побаливает сильнее, чем раньше...

— Где вы живете?

— Рядом, буквально за углом. — Она подняла на него глаза. — Да вы же у нас были!..

— Совсем запамятаю. Ладно, отвезу вас домой.

— Право же, мне совсем не так плохо.

— Судить об этом буду я, договорились? — улыбнулся Джеррард. — Ведь я врач, — добавил он притворно напыщенным тоном.

— Ах, доктор, прошу меня извинить. Тогда пойдем?

Она поднялась, и они направились к выходу.

— Машина на стоянке через дорогу, — сказал Джеррард.

Миновав вереницу узких улочек, они затормозили у большого ультрасовременного жилого дома на Кромвел-роуд.

— Все эти новые кварталы для меня на одно лицо, — заметил Джеррард.

— Благодарю покорно...

Ее квартира выглядела теперь иной, чем прежде. Когда Джеррард был здесь в первый раз, еще не опомнившись после перелета, обстановка показалась ему располагающей и уютной. Теперь впечатление

изменилось. «Должно быть, все зависит от настроения», — подумал Джеррард. Тогда ему хотелось ощутить в этом доме тепло. А теперь и кожаная кушетка, и мозаичный кофейный столик у камина будто выросли в размерах, став какими-то громоздкими и претенциозными. И кладка самого камина высыпала в стороны куда больше чем нужно. Все было слишком богатым, сделанным напоказ и лишенным изысканности.

— Разрешите, я вас осмотрю.

Она принялась расстегивать пуговицы жакета.

Плечи у Анны были уже и тоньше, чем казались под одеждой. На левом плече багровел солидный синяк, но кожа осталась неповрежденной. Он осторожно ощупал ее плечо и руку.

— Так не больно?

Он поднял ей руку вверх до уровня плеча.

— Нет, — ответила она, — не больно.

Он поднял руку еще выше.

— А так?

Она вздрогнула.

— Больно. Вы думаете, трещина?

— Нет, не думаю, хоть и не могу утверждать с полной уверенностью. Советую сделать снимок, просто ради собственного спокойствия. — Он встал. — Ладно, с профессиональными обязанностями покончено. Можете одеваться.

Анна, не скрывая улыбки, набросила жакет на плечи. К своему смущению, он заметил, что она вообще не носит лифчика. Заметил он и красную метку на шее. Она перехватила его взгляд и поспешно застегнула жакет.

— А это откуда? — спросил он.

Анна смутилась. Завязав шейный платок, она даже заправила его под воротник.

— Старые раны...

— Ну, не такие уж старые,— не согласился Джеррард. Внезапно до него дошло, что это может значить, и он обругал себя за наивность. След поцелуя, и довольно свежий. «Дисквалифицировался ты во всех отношениях»,— сказал он себе и порывисто поднялся с дивана.

— Поеду-ка я обратно к Баррету и узнаю, что там обнаружил Эспайнел. Надо забрать эти шестеренки в лабораторию. Я в них не разбираюсь, ведь я же не химик...

— А может быть, вы задержитесь еще чуть-чуть, выпьете рюмочку? — Она взглянула на него в упор.— Право же, я очень вам призательна... доктор.

— Нельзя же оставлять бедного парня в неведении о том, что с вами приключилось. Он, верно, решил уже, что вы в больнице. Я лучше поеду.

— Я тоже хочу узнать, что там такое. Сообщите мне, не считите за труд, как только сами узнаете.

— Разумеется, сообщу, но разве... Вы же узнаете и без меня...

— Вы имеете в виду — от мужа? — уточнила Анна. — Он слишком занят... Пожалуйста, не забудьте позвонить мне.

— Ну, что ж, пожалуй, тут действительно есть о чем написать.

— «Взбесившийся робот в переполненном торговом зале», — усмехнулась Анна.— Это не мое амплуа. Нет, я хочу знать подробности из-за того, к чему мы причастны, — из-за аминостирена...

Джеррард замялся на пороге.

— Я позвоню. Всего доброго...

По пути к лифту он старался понять, откуда берется в ней такая сила, что он заикается и чувствует себя дураком. Ему стало досадно, а тут еще и лифт никак не приходил, и он сбежал по лестнице бегом, вымешав эту досаду на себе.

Когда он вновь добрался до отдела игрушек, универмаг уже закрывался, последних покупателей вежливо, а иногда и не очень вежливо вытравливали вон. Продавцы, подсчитывая выручку, толпились у касс. Эспайнела он нашел в помещении панорамы; неподалеку на козлах распостерлась фигура робота.

— Вещественное доказательство номер один, — объявил Эспайнел, указывая на извлеченные из поврежденного робота детали.

Джеррард с интересом взглянул на них. Пластмасса несомненно размягчилась по краям, а в одном месте ее поверхность казалась липкой.

— Это лучше отправить в лабораторию.

Джеррард достал из портфеля коробочку и пинцетом собрал в нее шестеренки. Положив коробочку обратно в портфель, он поинтересовался:

— Что же вы теперь намерены делать?

— Придется, наверное, опять перейти на металлические шестерни. Чертовское невезение! Их надо вытачивать на заказ — а это займет уйму времени...

— Видели вы когда-нибудь раньше подобное размягчение?

— Как вам сказать, — ответил Эспайнел, — я ведь здесь не работаю, но я спрашивал у местных ремонтников. Они такого не встречали.

Джеррард кивнул и взял свой портфель, собираясь уйти. Эспайнел тронул его за локоть.

— Передайте, пожалуйста, мои извинения Анне. То есть миссис Креймер...

— Хорошо, передам. Вы давно с ней знакомы?

Джеррард опять почувствовал смутное раздражение. Что за беда с такими женщинами: их обаяние никого не минует, как грипп в январе.

— Она была на открытии нашей панорамы. Я читал, что она написала. Для женщины это, знаете ли, совсем неплохо...

— Да, мне говорили, — ответил Джеррард. — Мы с вами еще свяжемся...

Он шел по опустевшим отделам, преследуемый гудением пылесосов — начиналась уборка. На прилавки были уже наброшены чехлы, и универмаг походил на гигантскую обшарпанную пепельницу.

Лайонел Слейтер проснулся как от толчка и тут же натянул поверх головы одеяло, чтобы спрятаться от холодного воздуха спальни.

Он хотел еще минутку понежиться в постели, но им уже овладело смутное беспокойство: предстоящий день сулил что-то неприятное, что-то скверное, словно продолжение какого-то дурного сна...

Внезапно он вспомнил.

Следственная комиссия. Кровь прилила к вискам.

Такая гигантская работа! И идея была верна, несомненно верна. И каждая мелочь при проектировании и сборке системы была проверена и перепроверена — такого чудовищного срыва произойти просто не могло. Все основные узлы дублировали, сигналы шли параллельно по независимым каналам, перед пуском были проведены все мыслимые испытания.

Стряхнув с себя уныние, он попытался предугадать, как поведут себя члены комиссии.

Эзертон. Ну, от этого помочи не дождешься: они прямо-таки ненавидят друг друга и в пауке неизменно выступают антагонистами. Первоклассный ум — в этом сомневаться не приходится, — но начисто лишен оригинальности. Честолюбивый, жестокий, не ведающий сострадания, Эзертон всегда умудрялся делать то что надо и тогда когда надо и удачливо избегал опасностей и ошибок. К общему неудовольствию, со временем он, надо думать, займет в министерстве один из самых высоких постов. Негодяй! Мину-

ту-другую Слейтер тешил себя, выискивая нелестные эпитеты в адрес Эзертона.

Кто там еще? Профессор Стэрр — с ним Слейтер виделся лишь однажды, после лекции в Королевском обществе. Вспоминался внушительного вида старик с ежиком непослушных седых волос на голове, спокойный, обходительный, но весьма настойчивый и, видимо, честный. Этот по крайней мере выслушает.

Холланд, директор исследовательского центра. Тут предсказать что-либо довольно трудно. Озабоченный человечек с лицом язвенника. Правда, в конце концов Холланд оказал проекту полную поддержку, так что, вероятно, до поры до времени будет его защищать, но, почувствовав, что дела плохи, станет искать козла отпущения. Если вдруг обнаружится какая-нибудь ошибка при проектировании, тогда ему, Слейтеру, крышка — и Эзертон с удовольствием вобьет в эту крышку последний гвоздь.

Хинтон, специалист по вычислительной технике. С этим Слейтер тоже встречался не впервые. Добросовестный делец, заинтересованный только в том, чтобы защитить продукцию своей компании — компьютеры ДПФ-6. Подняться над ведомственными барьерами неспособен, будет отстаивать честь мундира любой ценой. Тут Слейтера пронзило чувство страха: а сохранил ли он все спецификации? Любой намек на ошибку электроники или на конструктивный дефект заставит Хинтона вытащить на свет божий характеристики всех печатных схем до единой. Ничего не попишешь, профессионал...

Слейтер выбрался из постели, покачнулся — и только тут вспомнил о таблетках. Врач предупреждал — не больше двух; он принял три, и это дало ему несколько часов забвения, зато теперь обернулось головокружением и тошнотой. Мелькнула мысль, что сегодня ему нипочем не дожить до вечера.

Он подошел к окну, поскреб ногтем иней и глянул на улицу; хмурое декабрьское утро только усугубило его уныние. Каким может быть заключение комиссии? Только таким: очень сожалеем, Слейтер, поверьте, мы самого высокого мнения о ваших способностях, но ошибка обопллась слишком дорого и как должностные лица мы обязаны сказать «нет». Это значит снова листать журналы в поисках вакансии, снова примкнуть к армии безработных с учеными степенями и закончить свои дни в какой-нибудь кустарной прачечной, как Мэттьюз.

Когда он добрался автобусом до Уайтхолла, начался снегопад; крупные мокрые хлопья, падая на землю, тут же превращались в бурую грязь. Достигнув цели своего путешествия — главного подъезда министерства внутренних дел, Слейтер почувствовал, что в ботинке хлюпает вода. Подметка проходила насквозь.

Действие таблеток кончилось, и он вновь поддался панике. Занавес упал. Ему не придется больше бывать в профессиональной среде: «Глядите, вон идет старина Слейтер. Помните, какую кашу он заварил у транспортников? Вот к чему приводят фантастические проекты». Ни приглашений читать лекции, ничего. Самая малая неудача, и эти ученые сукины дети с удовольствием примутся пинать тебя ногами...

Сводчатые коридоры, пропахшие отсыревшей бумагой и кислым табаком, пробудили в нем почти не преодолимое желание бежать, бежать без оглядки. Вернуться домой, притвориться больным — что угодно, лишь бы избегнуть унизительной процедуры. К горлу опять подступила тошнота.

От тревожных мыслей его отвлек голос Холланда:

— Доброе утро, Лайонел. — Унылый вид Слейтера заставил директора добавить: — Ну веселее, не так все плохо, как вам кажется...

— Куда уж хуже, — пробормотал Слейтер. — Осталось только подписать заключение — и тут мне конец...

— Лайонел, — сказал директор твердо, — я возглавляю комиссию и намерен вести расследование на основе фактических данных, а не личных мнений. Наша задача — выяснить, что случилось, а не кто виноват.

— Но рано или поздно вы доберетесь и до меня, не так ли?

— Не обязательно. Все зависит от того, что именно мы выясним.

— Хинтон будет защищать свой компьютер до посинения, Стэрр отсидится в сторонке, а Эзертон без промедления пустит мне кровь. Какой же, в самом деле, смысл...

Холланд выпрямился, в голосе его зазвучали официальные нотки:

— Учтите, Слейтер, — обращение по фамилии резануло слух, — я председатель комиссии, и мне вовсе не нравится, что наша деятельность представляется вам фарсом. Мы не собираемся никого обвинять до тех пор, пока не сумеем доказать вину, уж в этом вы можете быть уверены... — Вид у Слейтера был настолько убитый, что он смягчился: — Я знаю Эзертону семь лет и — строго между нами — полагаю, что он дерзко. Разумеется, Хинтон будет защищать свою машину. Но и я в своем деле тоже не новичок... — Он взглянул на часы и взял Слейтера под руку. — Пожалуй, нам пора.

В комнате, выделенной для заседаний комиссии, стоял длинный полированный стол красного дерева, благоухающий воском. Из-под высокого потолка на вонзедших неодобрительно взирали портреты давно почивших в бозе слуг общества. Холланд обратился к повестке дня:

— Мне представляется, что сегодня мы вряд ли сумеем выработать окончательное решение. Предлагаю для начала сравнить заключения каждого члена комиссии, с которыми вы все успели предварительно ознакомиться, не так ли?

Он обвел собравшихся взглядом, и каждый кивком выразил свое согласие.

— Если позволите, я резюмирую эти точки зрения, — продолжал директор. — Доктор Слейтер заявляет с полной определенностью, что отказалось вычислительное устройство и что катастрофа произошла по этой причине. Вы, мистер Хинтон, придерживаетесь противоположной точки зрения, а именно что отказ одного узла не мог привести к столь серьезным последствиям и что, по вашему мнению, — он посмотрел в текст и процитировал, — «при разработке системы в целом не было... мм... предусмотрено достаточных гарантий безопасности».

Хинтон сверил текст по своему экземпляру и вновь кивнул.

— Ваша, мистер Эзертон, точка зрения, насколько я могу судить, аналогична точке зрения мистера Хинтона...

— Ничего подобного, — вмешался Эзертон. — По-видимому, я выразился не вполне ясно, но я придерживаюсь того мнения, что сама идея проекта не подверглась необходимой проверке, даже в исходных данных проект был чрезвычайно, непозволительно рискованным...

Эзертон говорил темпераментно, со страстью, за толстыми стеклами очков угадывалась недвусмысленная враждебность. И хотя лицо его оставалось спокойным, внимательный наблюдатель не мог не почувствовать, что стереть молодого ученого в порошок доставило бы Эзертону буквально чувственное наслаждение.

Холланд ответил мягко, без нажима:

— Совершенно верно, в вашем заключении, мистер Эзертон, именно так и сказано. Ну, а вы, профессор Стэрр, насколько я понимаю, пришли к выводу, что отказ одного узла повлек за собой, так сказать, цепную реакцию, связанную с неустойчивостью, присущей системе доктора Слейтера в целом. Правильно я формулирую?

Стэрр заговорил отрывисто, тщательно взвешивая слова. Глаза его при этом приняли сосредоточенное, созерцательное выражение.

— Да, в определенной степени так. Но в деле еще слишком много неизвестных. Я довольно подробно беседовал с доктором Слейтером, и, насколько могу судить, на данном этапе он принял достаточные меры предосторожности против локальных повреждений. Во многих звеньях системы отказ любого элемента вызвал бы автоматическое переключение на дублирующую цепь...

— Но в данном случае этого не произошло, — вновь вмешался Эзертон. — Отказала одна логическая ячейка, а в результате полнейший хаос и, смею добавить, семь смертей.

— Что вы скажете на это, доктор Слейтер? — осведомился Холланд.

— Мистер Эзертон прав. Дублирование этой ячейки предусмотрено не было.

Эзертон не замедлил воспользоваться благоприятной возможностью:

— Интересно, почему же?

— Потому что нас в письменной форме заверили, что вероятность отказа данного компонента бесконечно мала; мы попросту не могли дублировать все цепи до единой — это было бы немыслимо дорого.

— Мистер Хинтон, далеко ли продвинулась экспертиза?

— Компьютер доставлен на испытательный стенд. К настоящему времени установлена неисправность одного логического звена.

— Стало быть, неисправность обнаружена в самом компьютере?

— Да, одна из цепей оказалась замкнутой, однако...

— Но вы уверяли, — прервал его Слейтер, — что этого произойти не может!

— Нет, это вы уверяли, что отказы отдельных блоков для вас несущественны, даже если они произойдут.

— Неправда! Я говорил лишь, что эта цепь реагируется, но только на непродолжительное время...

Вспыхнув от ярости, Хинтон выдернул из своей папки письмо:

— Вот! Вы сами пишете здесь — письмо от десятого августа, — что соглашаетесь на предложенные нами характеристики вычислительного устройства и что — я цитирую — «внесете соответствующие изменения в систему контроля»!

— Разве вы не помните, — взорвался Слейтер, — что мы обсуждали этот вопрос значительно позже и что именно вы уговаривали меня согласиться на компромисс? Вам хотелось тогда одного, чтобы...

— Господа, — строго произнес Холланд, — так мы с вами никогда не сдвинемся с места... — Слейтер и Хинтон пожирали друг друга глазами. — Предлагаю придерживаться точно установленных фактов. Продолжайте, профессор Старт.

— Мы моделируем самообучающуюся систему доктора Слейтера на нашем собственном компьютере. В программу намеренно вводятся разного рода ошибки с целью выяснить, какое воздействие это окажет на систему в целом. Через несколько дней я смогу представить вам более исчерпывающие сведения.

— Не понимаю, — проворчал Эзертон, — зачем это нужно, если вся идея зиждется на абстрактном теоретизировании.

Старр ответил спокойно, глядя куда-то вдаль; казалось, он обращается к самому себе:

— Полагаю, следует все же придерживаться цифр и фактов.

Эзертон покраснел и отвел глаза. Холланд обратился к Хинтону:

— Вы говорили, что одна из цепей оказалась замкнутой. Быть может, вы поясните?..

— Мы уже демонтировали часть цепей. Дефект обнаружился только в одной из них. По неизвестным пока причинам на ограниченном участке полностью разрушена изоляция...

Тем временем неподалеку, у себя в оффисе, инспектор Том Майерс редактировал черновик доклада о несчастье в Айлуорте. Фразу «Первопричина катастрофы — потеря эталонного напряжения» он заменил более развернутой: «Первопричина катастрофы — потеря эталонного напряжения вследствие разрушения изоляции в контрольном блоке топливного насоса».

Ближе к вечеру в баре «Красный лев» возле Уайтхолла собралась, как всегда, шумная орава чиновников, похожих друг на друга, словно капли воды. Они толкались у стойки, торопясь проглотить свои две порции виски перед броском на вокзал Ватерлоо и долгой поездкой домой к нудным женам — хозяйкам дорогих и унылых коттеджей и интерьеров, дурно скопированных с очередного номера журнала «Обсервер».

Холланд сидел в одиночестве, тупо глядя в кружку с пивом и прикидывая, как убить предстоящий вечер. Давала себя знать язва. Подумалось, что свору экспертов, каждый из которых не хочет знать ничего, кроме собственных соображений, никакими средствами в узде не удержишь. День выдался на редкость утомительный — а все из-за этого извращенца Эзертона, только и мечтающего, как бы прижать к ногти беднягу Слейтера.

— Напиваться в одиночку — вернейший способ ускорить собственную кончину...

Он поднял глаза и встретил дружелюбный и насмешливый взгляд Тома Майерса.

— Том! Рад тебя видеть, присаживайся, что будешь пить?

— Спасибо, я уже пропустил одну, а ты как?

— Мне хватит.

— Куда подевался твой неизменный оптимизм?

— Во всем виновата эта треклятая светофорная история.

— Ах да, я и забыл, ты же возглавляешь следственную комиссию!

— Угу.

— Так в чем же загвоздка?

— В экспертах.

Майерс сочувственно хмыкнул.

— На них надеешься, — продолжал Холланд, — что они проанализируют факты, а они ускользают, как тараканы. Ждешь от них каких-то разумных выводов, а они виляют, выжидают да время от времени каркают на своем фантастическом жаргоне — звучит ах как солидно, но на деле каждый печется только о себе...

— Знакомая картина, — засмеялся Майерс. — Для начала они заявляют: «С одной стороны...» Можешь не сомневаться — ровно через две минуты по-

следует: «С другой стороны», а в конце концов: «Кто его знает...»

- Точно.
- А о чём спор? Кто он, владея?
- Ты более или менее в курсе дела?
- Какое там, видел по телевидению, и только.
- Понимаешь, создатель системы считает, что подвел компьютер, специалист по компьютерам считает, что подвела система, а учёный-теоретик старается раздать всем сестрам по серьгам...
- А ты сам что думаешь?
- Отказал компьютер, это факт, по крайней мере отказал один из его узлов.
- Почему?
- Короткое замыкание в логической ячейке. Если верить технической характеристике, то эта ячейка вообще не могла отказать, а вот отказалась. Разрушение изоляции. Странная история...

Майерс медленно опустил свою кружку на стол. На секунду задумался, потом повторил:

- Разрушение изоляции. Действительно странно, очень странно...
- Ты о чём?
- О разрушении изоляции. Тебе известно, что я сейчас расследую катастрофу в Айлуорте?
- Слышал.
- Мы еще не пришли к окончательным выводам — знаем, что загорелся двигатель, возможно, сорвалась лопатка турбинного вала, — но дело не в том. Контрольный блок, регулировавший питание одного из двигателей...

— При чём тут контрольный блок?

— А при том — блок взяли на завод для экспертизы и обнаружили, что его металлический корпус подвергся температурному воздействию порядка ста пятидесяти по Цельсию, — Майерс замолчал, видно

было, что он напряженно о чем-то думает, — а на проводах внутри не осталось никаких следов изоляции!

— Сгорела?

— Да нет, для этого температура была недостаточно высока. Изоляция-то аминостиреновая, он теплоустойчивее тефлона. Чтобы аминостирен испарился, нужна температура не ниже трехсот...

Холланд нахмурился.

— Разница существенная. Давай при случае потолкуем об этом поподробнее.

Майерс поднял кружку с пивом.

— С удовольствием. Будь здоров!..

«Ну и педант», — подумал Джеррард. Райт напоминал ему английских офицеров, какими их изображают в голливудских фильмах, — то же чопорное беспокойство по пустякам. Превосходный исполнитель, но не больше. Джеррард положительно не переваривал его.

— В высшей степени возможно, — разглагольствовал Райт, — что это произошло от воздействия какого-либо растворителя. Повышение температуры не могло вызвать столь сильной деформации. Жара скорее привела бы к обугливанию по краям. Есть у нас полная уверенность, что никто не проливал никаких летучих жидкостей — ацетона или еще чего-нибудь — в непосредственной близости к роботу?

— Могу сослаться лишь на ручательство Эспайнела, — ответил Джеррард. — Человек он вполне толковый. Никому, кроме него, приближаться к роботу не разрешалось.

Райт улыбнулся слабой недоверчивой улыбкой.

— Может быть, и так, но это еще надо доказать...

Он собрал шестеренки, положил их снова в коробочку, сунул ее в металлический контейнер и, вытащив листок бумаги, принялся писать.

— Что вы будете с ними делать? — спросил Джеррард.

— Произведу исследование. Но не сейчас — сначала надо покончить с заданием. Потом проверим жесткость, проницаемость, ну и тому подобное...

Утреннее солнце щедро светило сквозь высокие стрельчатые окна превращенного в лабораторию класса — окна, по мнению Джеррарда, были единственной выгодой, какую приносил им этот бредовый викторианский стиль. Цветные витражи в верхней части окон отбрасывали на стол Райта яркие красные, синие и желтые пятна.

— А если выяснится, что никакой случайности тут нет? — поинтересовался Джеррард.

— То есть как это? — не понял Райт.

— Я не химик, но не может ли быть, что какое-то непредвиденное свойство пластмассы делает ее подверженной воздействию извне? Какое-то изменение молекулярной структуры — и она становится чувствительной к азоту или кислороду воздуха?

Райт глянул на него поверх очков.

— Компания «Политад» относится к своему делу с исключительной скрупулезностью. Да будет вам известно, что они работают по нашей лицензии, и я утверждаю с полной уверенностью, что каждая партия пластмассы проходит комплексный контроль. А кроме того, мы просили другую фирму провести контроль независимо от них. Полученные данные неоспоримы, да и какой же смысл этой фирме лгать — за ложь им не платят...

— Я никого ни в чем не обвиняю, — отозвался Джеррард.

— Надеюсь, мой ответ рассеял ваши опасения, доктор Джеррард, — заявил Райт. Взял коробочку с

образцами, он сунул ее поглубже в холодильник. Посмотрев на Джеррарда еще раз, Райт громко хлопнул дверцей и добавил: — Закончим позже.

— Я полагал, что бюрократизм и волокита в этой стране свойственны только правительственным учреждениям, — заметил Джеррард в ответ.

— Никоим образом, дорогой коллега, — возразил Райт. — Вы встретитесь с ними повсюду, но есть и другие понятия, которые вам, несомненно, знакомы: последовательность и очередность...

И он с улыбкой вышел из лаборатории.

Джеррард медленно вернулся на свое место и сел. Может, есть смысл пойти к Креймеру? Он был уверен, что в размягчении пластмассы повинен какой-то иной, еще не известный фактор. Что будет, если, к примеру, расплавится пластмассовая изоляция?.. Стоп, стоп — изоляция! Слово задело в памяти какую-то струну. Он совсем недавно читал что-то о расплавившейся изоляции... Вот только в какой связи? Он поразмыслил и вдруг щелкнул пальцами.

— Нашел! — произнес он вслух. — Самолет, разбившийся в Айлуорте. В сообщении говорилось, что виной тому разрушившаяся изоляция. Не связаны ли эти происшествия между собой? Изоляция... пластмасса... ну, конечно! Черт возьми, в какой же это было газете?

Он поднялся на ноги и схватил телефонную трубку.

— Бетти, вы не могли бы принести мне газеты за последние десять дней?

— Все?..

В ее голосе слышалось сомнение. Он отметил про себя, что снискать расположение секретарши — задача куда более тяжкая, чем завоевать доверие любого делового компаньона.

— Вот именно, все до последней, и побыстрее!

Он положил трубку и снова сел, — а мысли бежали, обгоняя друг друга...

Взгляд его упал на витрину, занимавшую почти всю стену. Здесь были собраны образцы изделий из аминостирена: телефонные кабели, газовые трубы, электрические провода. Предположим, в пластмассе действительно скрыт какой-то дефект и при определенных условиях она начнет разрушаться. Система связи тут же обратится в немыслимый хаос. Он опять поднялся, не в силах избавиться от подозрений, однако взял себя в руки. Слишком мало времени еще он здесь работает! Разумеется, ему пока не доверили ничего важного, отчасти этим и вызвана его неприязнь к Райту. Ему поневоле кажется, что его не используют, не признают, не ценят. Не делает ли он сейчас все это из чувства соперничества, не пытается ли исподволь внушить коллегам, что он, Джеррард, как ученик глубже и полезнее Райта?

И что сказал бы Креймер, если бы Джеррард и вправду установил, что аминостирен — краеугольный камень в прибылях фирмы — далек от совершенства и его производство необходимо прекратить? Вряд ли это повысило бы престиж самого Джеррарда.

Финансовое благополучие фирмы почти целиком зависело от одного особенно впечатляющего достижения — от самораспадающейся дегроновой бутылки.

Райт вскоре после своего появления здесь провел с сотрудниками семинар на свою излюбленную тему — пластмассы, сочетающие в себе несовместимые доселе свойства: высокую прочность на разрыв, значительную упругость, необыкновенную дешевизну. Отталкиваясь от своего первоначального изобретения, аминостирена, Райт создал ряд других полимеров — соединений, отличающихся тесными перекрестными связями молекулярных цепей и все точнее и точнее отвечающих заданной программе.

Одно из соединений оказалось, пожалуй, почти совершенным, если не считать весьма существенного и прискорбного недостатка. Под действием кислорода и видимого света оно стремительно распадалось и за несколько часов превращалось в серенький волокнистый порошок. Райт посетовал, что пока не видит способа обойти это затруднение.

Но едва Райт закончил, не на шутку взволнованный Бьюкен с торжествующим всплеском бросился к доске и в мгновение ока трансформировал изъяны, присущие соединению, в достоинства, как он выражался тогда, «саморазрушающиеся емкостей». Он показал, что пластмассу совсем несложно предохранить как от света, так и от кислорода (при этом она сохранит все свои свойства), зато достаточно снять защиту — и она дезинтегрирует по вашей воле.

Креймер пришел в чрезвычайное возбуждение, на какой-то миг в нем проснулся прежний Креймер с его удивительной способностью генерировать творческую энергию. Он уточнил недостающие детали: пластмассовые сосуды можно производить методом шприцевания в машинах, где пластмасса защищена от воздействия света и воздуха, таким же образом на них можно наносить сверху слой другой пластмассы, непрозрачной и непроницаемой для газов. В этот внешний непрозрачный слой достаточно впаять отрывную полоску — потяните за нее, и сосуд откроется. Эта же полоска откроет доступ свету и воздуху и вызовет дезинтеграцию.

Остроумная идея почти всегда вызывает отрицательную реакцию со стороны тех, кто не дошел до нее собственным умом, и саморазрушающиеся сосуды не составили исключения. Но, отвергнув все и всякие нападки, группа лихорадочно взялась за работу.

В лаборатории была установлена приобретенная по случаю нужная машина для литья, тут же на прес-

се штамповались формы, а Райт принял за синтез смеси для небольшой опытной партии сосудов. Воздух сразу прогрелся и пропитался тяжелыми запахами «сырья», необходимого для «выпечки» пластмассы.

Тем временем Креймер оформил предварительный патент и заручился поддержкой Национальной научно-исследовательской корпорации.

Однако пришлось одолеть еще немало трудностей, прежде чем идея начала приносить плоды. Главное — молекулярную структуру пластмассы следовало продумать таким образом, чтобы процесс саморазрушения охватывал не только ограниченный участок под отрывной полоской, но и весь сосуд целиком.

Покрытие само по себе тоже представляло известную проблему. Оно не подвергалось самопроизвольному разрушению, как основная масса сосуда. Поэтому в последнюю добавили вещество, которое, вступая в реакцию с остатком, выпадавшим после распада, выделяло определенное количество растворителя, действующего на непрозрачную оболочку. Оболочка превращалась в летучую жидкость и попросту испарялась, не оставляя на месте сосуда ничего, кроме частичек угля, благодаря которым и достигалась прежняя непроизрачность.

Оставалось решить последний вопрос — продолжительность самораспада. В конце концов постановили, что оптимальным будет двухчасовой цикл, а на бутылки станут наклеивать предписание — сразу после вскрытия перелить содержимое в другую посуду.

В течение всех этих безумных дней рвение сотрудников доходило до фанатизма. Работали не за страх, а за совесть, зачастую ночи напролет. Все жили предвкушением, все были радостно возбуждены. Никто не щадил себя. Бетти стала им матерью, кухаркой и посыльной, снабжающей всех едой, кофе и виски. И однажды вечером, на исходе круглосуточных беспрер-

рывных опытов, долгожданную бутылку пустили по рукам, а Креймер начал забавляться у доски, подбирая для новой пластмассы название. По мере того как хмель горячил лица и развязывал языки, предложения становились все более легкомысленными, а то и полуприличными. Кто-то предложил «Аминостервин» — и тут же получил в ответ «Разложенка» и «ККК» («Красотка, которая крошится»). В конце концов сошлись на нейтральном названии «Дегрон».

Потом в кабинете, снятой Креймером в центре Лондона под торговое представительство, была создана пресс-конференция; спиртное лилось рекой, журналистам разрешалось задавать любые вопросы, но организовано все было так, чтобы никто не сумел неизначай утащить с собой даже мельчайший образец.

Затем настал черед телевизионных интервью и научно-популярных программ, и, наконец, в кабинет потекли предприниматели, жаждущие начать массовое производство дегроновых сосудов по лицензии агентства.

Креймер провел среди конкурирующих фирм аукцион, который посрамил бы даже самого отпетого барышника, и заключил сделку с известным на всю страну владельцем фирмы безалкогольных напитков — тому как раз приспично выдумать какой-нибудь новый трюк, чтобы всучить покупателям смесь винной и лимонной кислот, сахарины и краски с бесстыдной этикеткой «Тропический экстаз».

Фирма развернула широкую рекламную кампанию. Сотни афишных тумб, стены в метро, телепередачи, страницы газет призывали всех, всех, всех покупать «Тропический экстаз».

«Помогайте делу охраны природы — пейте «Тропический экстаз»! Опорожните бутылку — и она на ваших глазах рассыплется в прах! Поставьте ее на подоконник — и она окроит ваш сад, ваши любимые

цветы с каждой бутылкой будут расpusкаться все пышнее! А если у вас нет сада, не долго думая, спустите пустую бутылку в канализацию!»

«За каждые десять отрывных полосок вам полагается премиальный купон! Десять купонов — и в любом из магазинов «Тропический экстаз» вы получите любой из подготовленных фирмой прекрасных подарков! Система премиальных купонов действует только до конца месяца! Не упустите случая!»

И люди покупали, покупали то же химическое пойло в новой упаковке, которая была привлекательной с виду и открывалась на невиданный манер.

По всей стране сотни тысяч рук обрекали пластмассу на распад, возвращали ее земле, бездумно спуская воду в миллионах уборных.

Дегрон стал обиходным словом, и промышленники чуть ли не в очередь выстраивались, чтобы приобрести лицензию на его производство.

Это был весьма заманчивый бизнес — предложить миру, страждущему от загрязнения, род упаковки, не оставляющий никаких отходов. За первые же девять месяцев агентство Креймера подписало сорок семь независимых контрактов с фабрикантами банок и бутылок. Другие безалкогольные напитки, нареченные не менее лживо, чем «Тропический экстаз», также начали выпускаться в самораспадающейся посуде. Кончилось тем, что на сцену выступило министерство, ведающее охраной окружающей среды, и обратилось к агентству с просьбой продать технологию производства правительству.

Все были довольны. Министры дарили милостивые улыбки, а по лабиринтам сточных труб, под гулкими сводами коллекторов сотен городов текли потоки дегрона. Бутылки из обычной пластмассы теперь не застревали в сетках станций очистки. Муниципальные советы не помнили себя от радости.

Прибыль да еще ореол славы! Креймер тоже был доволен.

«Итак, — сказал себе Джеррард, — Креймер нашел свою золотую жилу, но что она с ним сделала, вот вопрос...» Где его прежний научный размах? Неужели его горизонты сузились до небезвыгодных, но убогих с научной точки зрения побрякушек? Предположим, установят, что аминостирену свойственные органические пороки, — что тогда? Иссякнет ли жила? На что направит Креймер усилия своих подчиненных? Или агентство просто-напросто лопнет?

Джеррарду вспомнилось, как глубоко тревожился прежний Креймер о будущем человечества, как обрушивался на тех, кто исповедовал науку ради науки, как горячо желал переключить внимание ученых на решение социальных проблем. Канадец все время сравнивал того, былого Креймера с нынешним. Почему же, почему он так переродился?

Вошла Бетти с кипой газет и швырнула их Джеррарду на стол.

— Вот вам основные газеты, — заявила она. — Тех, где печатают голых танцовщиц, я не брала...

— Вот уж не знал, что вы пуританка, — улыбнулся Джеррард.

Бетти оставила шутку без ответа.

— В агентстве никого, кроме вас, — скавала она. — Вы ведь не станете пить кофе в одиночестве, без компании?

Ей откровенно не хотелось варить кофе для одного человека, тем более для новичка в лаборатории.

— Хорошо, хорошо, — согласился он, хотя улыбался уже не так искренне. — Не беспокойтесь.

Она вышла.

Он принял листать газеты, обиженный и раздраженный. Черт ее подери, кофе был бы кстати! Через минуту-другую он позвонит ей и скажет, что пе-

редумал. Пусть приподнимет свою толстую задницу!.. С тем он и углубился в чтение.

Катастрофа с самолетом произошла неделю назад. Он просматривал страницу за страницей в поисках подробностей. Ничего определенного насчет расплавленной изоляции он не встретил. Авторы заметок строили всевозможные догадки просто ради большего числа строк. Ведется расследование, опрашиваются свидетели.. Он огорченно сложил газету и собирался уже отодвинуть всю кипу в сторону, когда его внимание привлек заголовок совсем иного свойства. Этот заголовок относился к небывалому срыву уличного движения, который произошел в центре Лондона.

Он внимательно прочитал всю статью, затем проглядел газеты за следующие два дня. Нашел отчет о пресс-конференции некоего Слейтера, создателя новой системы дорожного контроля, который заявил, что виной всему, по его мнению, разрушение изоляции в одном из компьютеров.

Опять изоляция! Интересно, что за изоляцию они применяли? Джеррард еще раз окинул взглядом стенд. Одна из разновидностей аминостирена широко использовалась в качестве изоляционного материала. Пожалуй, вполне вероятно, что в обоих случаях изоляция была именно такого рода. А может, и с роботом произошла та же беда? Аминостирен и дегрон — надо бы выяснить, насколько отличается их структура...

Так что же все-таки делать? Позвонить Креймеру? Но этому новому Креймеру звонить не хотелось. Не исключено, что и он примет сомнения своего рядового сотрудника точно так же, как Райт. У агентства есть задачи поважнее, чем, возвращаясь вспять, проверять и перепроверять давно отработанное. Нет, сначала он, Джеррард, должен увериться во всем сам, совершенно увериться. Он еще раз заглянул в газету.

Этот самый Слейтер, разумеется, отстранен от дел, но числится пока по-прежнему в министерстве транспорта. И Джеррард потянулся за телефонной книгой.

Слейтер запаздывал. Они договорились встретиться в пивной на задворках Сент-Джеймс-стрит, неподалеку от министерства. По телефону Слейтер отвечал уклончиво, очевидно заподозрив по заокеанскому акценту Джеррарда, что это какой-нибудь очередной репортер. Да и самому Джеррарду тоже не слишком хотелось излагать свои подозрения телефонной трубке. Вдруг он ошибается, а сотруднику Креймера во все не к лицу сомневаться в достоинствах продукции своего агентства. Лучше вначале послушать, что скажет Слейтер, а самому постараться не болтать лишнего.

Вид у Слейтера был какой-то взвинченный — обычно так выглядит человек, задавленный обстоятельствами. Джеррард предложил ему большую рюмку виски. Тот, не медля, долил виски до краев содовой и принялся прихлебывать, словно пиво.

— Думаю, вам это отнюдь не повредит, — заметил Джеррард. Сам он также посасывал виски, только рюмка у него была поменьше. Ему хотелось подпоить Слейтера, но сделать это незаметно. Возьми он себе просто пива — это сразу же бросилось бы в глаза.

— Никогда не связывайтесь со службой в крупном ведомстве, — сказал Слейтер, помолчав. — Слишком много там разных... перепуганных людышек.

Допив свое виски, он закавал еще по рюмке и, пожалуй, стал понемногу успокаиваться. Перед Джеррардом сидел певысокий, плотный, с виду довольно сильный человек с чисто выбритым открытым лицом. Этот человек ему нравился, и не совсем понятно было, как такой человек может прижиться на прави-

тельственной службе с ее канцелярией и нивелированием личности. Скорее всего, Слейтер с его нервозностью, нетерпимостью и прямотой не сумеет долго продержаться на официальном посту. Говорил Слейтер энергичными рублеными фразами, да и думал, очевидно, напряженно и быстро. Временная отставка и дамоклов меч над головой не могли не наложить на его поведение свой отпечаток — всюду ему мерещились враги, поэтому и ответы его звучали уклончиво.

— Ну, а все-таки, чего вы добиваетесь? — спросил он наконец. — Я предпочел бы знать, с кем говорю и во имя чего.

— Мне казалось, я объяснил вам по телефону...

— Вы сказали, у кого вы работаете и кем, но не объяснили ровным счетом ничего... — У Джеррарда, наверное, изменилось лицо, потому что Слейтер продолжал: — Простите меня, но я сейчас словно лиса, за которой гонится свора голодных собак. Очень мило, что кто-то интересуется моими делами, но прежде всего я хотел бы убедиться, что этот кто-то — друг...

Джеррард решил открыть карты. Он вкратце рассказал о себе и о поведении робота в отделе игрушек у Баррета.

Слейтер внимательно слушал, потом в свою очередь схематично изложил то, что стало известно комиссии. Опять-таки не было никаких прямых доказательств, что пластмассе присущ какой-то внутренний порок. Авария могла быть вызвана множеством причин. Но новая информация чего-нибудь да стоила.

— Попытаюсь для начала позвонить Холланду, — сказал Слейтер. — Он председатель комиссии. — Слейтер поднялся и посмотрел на часы. — Он завтракает всегда у себя в кабинете. Вы не откажетесь подождать?

— Подожду, конечно.

Однако, когда Слейтер отошел, Джеррарда опять одолели сомнения, стоило ли затевать весь этот разговор. Словно швырнул в озеро камень — и кто теперь знает, как далеко пойдут по воде круги и что именно вынесут волны на берег.

Вернулся Слейтер уже менее смятенным, чем прежде.

— Он сказал, что проверит.

— И больше ничего? — осведомился Джеррард. Слейтер пожал плечами.

— Больше ничего. Он продолжит расследование. С его стороны это, видимо, большая уступка.

— А если серьезно, способен он сделать что-нибудь?

— Вообще-то, полагаю, да. Вероятно, привлечет Тома Майерса. Мне кажется, мы сдвинули телегу с мертвкой точки, а там поживем — увидим...

«Вот так, — подумал Джеррард, допивая виски, — так в этой стране все и делается. Никаких заявлений на публику. Избави бог обращаться в газеты — просто найдите нужного человека, шепните ему в подходящий момент словечко, и, если вам повезет, глядишь, чего-то вы и добьетесь...»

Майерс подтолкнул миниатюрную модель вагончика на воздушной подушке, и та прокатилась по столу, насколько позволяла длина пути. Посмотрев на Холланда, ожидавшего ответа у телефона, он обвел глазами захламленную комнату. На одной из стен висела поблекшая литография с изображением первого поезда подземки — паровозик изрыгал под своды тоннеля клубы дыма. Другую стену занимала многокрасочная карта Англии, почти вся покрытая сетью автотрасс.

На полках стояли ряды книг с мудреными названиями: «Аналитический обзор тенденций метрострое-

ния», «Теория противосвязи и циркуляция подвижного состава». Майерс пристальнее присмотрелся к Холланду. Бедняга Бернард, выглядит он совершенно измученным, видно, бумажки заели, не остается времени сосредоточиться, заняться чем-нибудь для души... Кажется, еще и жена у него заболела — только этого ему не хватало...

Майерс прислушался — Холланд раздраженно говорил в трубку:

— Да, да, жду... Нет, нет, не нужен мне отдел сбыта... Я просил мистера Хинтона из научно-исследовательского отдела. Да, жду. Благодарю вас...

Он с нетерпением махнул рукой. Майерс откликнулся с улыбкой:

— Надо бы кому-нибудь написать статью о бесмысленности крупных организаций, где невозможно связаться с людьми...

Холланд поднял было взгляд:

— Помню, однажды... Алло, Хинтон? Говорит Бернард Холланд. Да, да, совершенно верно... Меня интересует, удалось ли вам выяснить что-нибудь насчет причин замыкания? Прекрасно, и что же вы нашли? Очень интересно. Вы уверены в этом? Понимаю. Скажите, а вам известно, кто выпускает такие провода? Да, разумеется... — Он прикрыл рукой микрофон и сообщил Майерсу однозначно: — Ищут... Алло! Да, да... так! Теперь скажите, это была изоляция нового типа — аминостиреновая?.. — Кивок в сторону Майерса. — Весьма вам признателен. Извините, что побеспокоил. Следующее заседание во вторник. Хорошо. Вот именно. Всего доброго... — Он положил трубку. — Ты угадал: изоляция была из аминостирена.

Майерс с силой щелкнул по вагончику — лязгнули буфера.

— Все точно! Один и один равняется... может статься, трем. Кто изготовитель?

Холланд на миг задержался с ответом.

— Компания «Политад» из Эссекса, волшебники по части пластмасс.

— Они-то мне знакомы, — нахмурился Майерс, — но, увы, в технологии этого дела я не силен, а ты как?

— Да тоже не слишком. Знаю только, что аминостирен дешев, не горит, не теряет пластичности со временем, насыщен азотом. Хороший изоляционный материал...

— Вспомнил! — прервал его Майерс. — Это же детище Гарольда Райта. Помнишь такого?

— Смутно. Высокий, суровый, с репутацией совершеннейшего аскета...

— Шутишь! Я сталкивался с ним в Шеффилде. Он бегал там за каждой встречной юбкой. А сегодня посмотришь на него — целомудрен, как монах, вроде бы и женщин в жизни не видел. Впрочем, химик он хороший. Кажется, он поступил к этому профессиональному умнику, который обосновался в Митчэм?

— Верно. Агентство Креймера, заведение калифорнийского образца. Нанимаешь дюжину-другую аспирантов, создаешь компанию, овладеваешь рынком в какой-то узкой области, а потом по баснословной цене даешь консультации...

— В данном конкретном случае — насчет самораспадающихся бутылок.

— «Тропический экстаз». И не напоминай, просто зависть берет. Какой куш сорвали! А теперь рыщут, чем бы еще поживиться...

— Ну, с патентом на аминостирен да еще с этой самораспадающейся бутылкой они вряд ли нуждаются в новой поживе.

— Интересно, скоро ли «Политад» догадается переадресовать претензии Креймеру? — Холланд задумался. — Иногда, знаешь, в моей работе тоже обнаруживаются привлекательные черты...

Креймер был вне себя.

— Теперь «Политад» не отвяжется. Вы, мол, виноваты, вам и выход искать...

Райт, прищурившись, безучастно наблюдал за хлопьями снега, скользившими за стеклами высокого окна.

— В сущности, в чем нас обвиняют?

— Пока ничего определенного. Но вам известно о катастрофе в Айлуорте?

— Читал.

— А о светопреставлении на улице Найтсбридж?

— Должен сказать, я всегда утверждал, что рано или поздно...

— Не тратьте лишних слов. В районе, где уличным движением управлял компьютер, произошло крупное крушение, так?

— Не вижу связи...

— Мне звонил человек, который расследует дело в Айлуорте. Он связался с теми, кто занимается улицей Найтсбридж, и они пришли к выводу, что возможной причиной обеих катастроф является разрушение изоляции...

Райт как ни в чем не бывало продолжал рисовать узоры на стекле.

— Не уверяйте меня, что не понимаете! — взорвался Креймер. — Слишком отчетлива цепочка: аминостирен — изоляция — замыкание — смерть! Разрушение изоляции вызвало короткое замыкание, и они утверждают, что виноват пластик! А изоляция была аминостиреновая...

Райт, наконец, обернулся:

— Тут понадобится кое-что поточнее подозрений. Насколько я понял из ваших слов, все пока сводится к тому, что две кучки людей, отчаявшись найти разумное объяснение, принялись искать общий фактор — хоть какой-нибудь общий фактор, лишь бы уло-

житься в срок и не осрамиться перед собственным начальством...

— Гарольд, — голос Креймера стал ледяным, — это непорядочно. Я вытащил вас из «Политада», я вас субсидировал, создал вам условия — вы в ответ предложили мне этот пластик. Состоялась сделка, и мы оба на ней заработали.

— Я предпочел бы другие выражения!

— Ладно — мы оба выиграли. Мы получили совместный патент. «Политад» скулил, что это гангстериазм и тому подобное, но сделать с нами они ничего не могли и понимали, что не могут. — Райт помрачнел. — Зато теперь — теперь они того и гляди смогут! Кто вас знает, всю ли правду вы нам сказали? А эти подлецы из министерства встанут в позу и заявят, что мы провели испытания кое-как и надули их с аминостиреном. Гарольд, они просто утопят вас, если недостанет каких-нибудь данных, если вы не предъявите им дневники испытаний по всей форме — изменение удельного сопротивления со временем, влияние насыщения азотом на эластичность, да мало ли что еще!..

— Вы что, сомневаетесь во мне? Вы видели дневники своими глазами. Все, что в них содержится, — истинная правда!

— Надеюсь, ради вашего же блага, что это так.

Райт смерил Креймера взглядом:

— Вы беситесь и ищете жертву! Вам известно все не хуже, чем мне. Я не халтурил, да в том и не было нужды.

Креймер смотрел на химика, поджав губы, в каждом его движении сквозила скрытая угроза.

— Не пробуйте одурачить меня, Гарольд. Вы думаете, что говорите?

Райт молчал, лицо у него застыло, глаза впились в физиономию патрона:

— Это вы, а не я не могли ждать, — резко проговорил он. — «Наплевать, довольно проверок, хватит, я продаю!» Вы непрестанно подстегивали меня, подстегивали сильнее, чем кто бы то ни было за всю мою жизнь. Что мне оставалось делать? Калькулировать таблицы отклонений по каждой идиотской позиции? Разумеется, я спешил. Вы же не могли ждать!..

Он насупился и замолк, недовольный собственной вспышкой. Креймер заглянул ему в глаза, затем коротко расхохотался.

— Именно это я и пытаюсь вам втолковать. Тут наши дорожки сходятся.

Райт подозрительно посмотрел на Креймера, ожидая новой атаки. Но, не дождавшись, натянуто улыбнулся. Напряженность начала понемногу ослабевать.

— Преследовать нас по суду они не смогут — не за что. Первая партия, которую сделали мы сами, пре-восходила все наши обещания. Не было даже намека на распад. Ни деполимеризации, ничего. Правда, кое-какие срывы в первой серии опытов на насыщение указывали на пониженную эластичность, но это не имеет отношения к молекулярному строению, тут все жеизено...

— Вы уверены в этом? — вставил Креймер.

Вошел Бьюкан и, поудобнее разместив на лабораторной скамье свое длинное костлявое тело, стал прислушиваться к спору.

— Могли бы и не спрашивать, — продолжал Райт. — Вас откладывали на фабрике, именуемой Массачусетским технологическим? А я прошел такую же обработку в Шеффилде. К лучшему или нет, может быть, это и не делает мне чести, я не умею подделывать данные испытаний. Не потому, что меня могут уличить, и не потому, что нахожу это невозможным по моральным соображениям, а просто оттого, что любая подтасовка лишила бы меня определенного

комфорта. Я техническая скотинка, безмозглая, если хотите, но по мне плохо лишь то, что технически несуществимо!..

— Когда-нибудь я вам это припомню, — заявил Бьюкен.

— Да, да, только не сейчас, старина, — отмахнулся от него Креймер. — Вы вообще-то в курсе дела? Бьюкен кивнул.

— Я выяснял общее число контрактов на аминостирен. Их больше трехсот. Этот пластик теперь повсюду.

— К чему вы клоните? — насторожился Креймер.

— Видите ли, если материалу присущ какой-то органический порок, — неторопливо ответил Бьюкен, — то мы, несомненно, несем огромную ответственность...

— Какую ответственность? — встрепенулся Райт. — Мы изобретаем пластик с определенными свойствами, разрабатываем методику его производства и продаем эту методику и материал, в точности соответствующий характеристики...

— Да, но если материал действительно старится, старится каким-то иным образом, которого мы не распознали? Разрушение изоляции — вы только подумайте! Вам известно, как широко применяется аминостирен — возникнет чудовищная опасность. Катастрофы, гибель людей, и если мы упустили что-то, то не можем не нести ответственности...

Креймер встал.

— Что вы хотите этим сказать? Это были коммерческие сделки, и покупатели предварительно знакомились с тем, что покупают. Мы ничего не скрыли, сообщили им все данные, какими располагали сами. Чем же еще мы можем им помочь?

— И все-таки, — настаивал Бьюкен, — по-моему, наш долг пристально проверить все заново.

— Долг? — рассмеялся Креймер. — Что такое долг? По отношению к кому? Может, мы будем именовать вас впредь не Бьюкеном, а Бухманом*?

Насмешка заставила Бьюкена вспыхнуть от гнева:

— Это недостойно...

— Ладно, прошу прощения, но вы сами напросились. Я собирался сказать, что мы не в состоянии позволить себе — подчеркиваю: не в состоянии — вести текущую исследовательскую работу за всех и каждого. Мы продали им методику, какой она рисовалась нам в тот конкретный момент, мы действовали открыто, ничего не утаивая и не давая никому никаких гарантий, за исключением реально установленных...

— Разрешите мне тем не менее встретиться и побеседовать с этими людьми:

— Вам? Нет, старина, не обижайтесь, только не вам. Вы придетете к ним, в раскаянии заламывая руки, и нас пригвоздят к позорному столбу раньше, чем вы успеете раскрыть рот...

Бьюкен пытался протестовать, но Креймер уже отвернулся к селектору и нажал клавишу. Послышался голос Бетти.

— Доктор Джеррард здесь?

— Я его не видела.

— Будьте любезны, соедините меня с ним по домашнему телефону...

Когда зазвонил телефон, Джеррард, сидя над электрической кофемолкой, наслаждался острым ароматом свежемолотых зерен.

---

* Фрэнк Бухман — американский ученый-идеалист, основатель движения за так называемое моральное перевооружение, получившего известное распространение на Западе в 20—30-е годы нашего века. — *Прим. перев.*

В квартире царил изысканный, созданный собственными руками комфорт. Расположенная в Кенсингтоне над гаражом, где торговали дорогими гоночными машинами, она состояла из одной просторной низкой комнаты, ванной и крохотной кухоньки.

Лакированный светлый паркет в жилой комнате был полуоткрыт большим ворсистым белым ковром. Вдоль одной из стен шли полки грубого дерева, подпертые кирзовыми столбиками. На полках лежали стопки книг, куски обточенной морем древесины, темно-зеленый прозрачный поплавок от рыбакской сети, там же располагался угрожающего вида магнитофон. Корпус его был выполнен из плексигласа с пробитыми там и сям дырами, сквозь которые виднелись многоцветные узоры печатных схем. Самому Джеррарду это зрелище представлялось прекрасным.

Убранство дополняли два огромных динамика на противоположной стене, разбросанные по полу кубики пенопласта, кустарно задрапированные грубой шерстяной тканью. Во всей комнате был лишь один настоящий стул — выполненная из черной кожи копия выставочного немецкого оригинала, которая стоила хозяину кучу денег. Повернутые к стене самодельные алюминиевые светильники, напоминающие миниатюрные прожекторы, давали мягкий рассеянный свет. В кухне красовались груды блестящих медных кастрюль, банки со специями, а к стене была прилажена грозная коллекция кухонных ножей. Ощущался слабый запах черного перца и чеснока.

Отставив кофемолку, Джеррард подошел к телефону и снял трубку. Он услышал торопливый голос Креймера:

— Да, да, вот именно... Поезжайте и постарайтесь выведать, что у них там есть за душой, но не связывайте себя обязательствами. Их двое: одного зовут Холланд, его я не знаю, он из министерства тран-

спорта, а другой — Том Майерс. Этого типа, Люк, советую остерегаться, он из тех, кого вы называете «старой гвардией» — любитель пива с бульдожьей мордой. Вот-вот... Но с головой. Умен, очень умен, так что не спешите поддакивать. Где? Постойте-ка... Комната 242, министерство промышленности.

Воздух в вагоне метро был гнилой и спертым; от толпы усталых, спешащих домой пассажиров исходили запахи несвежих лосьонов и дезодорантов и сырой одежды. Поезд гремел, подскакивая на стыках, и владельцы сезонных билетов качались из стороны в сторону, словно куклы, стоймя упакованные в коробку. Упасть они не могли — для этого им не хватило бы места, к тому же кое-кто опирался на тех счастливцев, которым удалось ухватиться за ременные петли.

Неровный шум колес почти заглушал любые слова, взгляды тупо упирались в плечи соседей.

Какой-то высокий мужчина, прижав к груди подбородок — крыша мешала ему выпрямиться, — тщетно пытался читать газету, которую приладил на ближайшей спине. Дородная тетка, хрипло дыша, нависла над лохматым бородатым юнцом, развалившимся на сиденье, и свирепо ела его глазами, но тот и ухом не вел. В дальнем конце вагона молодая мать старалась успокоить напуганного шумом младенца.

Замедлив ход, поезд со скрежетом остановился. Едва оборвался гипнотический ритм колес, голоса, силившиеся перекрыть гул, сразу стихли до растерянного шепота. Внезапный толчок — вагоны снова пришли в движение, но тут же с лязгом остановились опять.

В вагоне повисла острая, тревожная тишина.

Минуты шли за минутами, пассажиры принялись ерзать и шаркать ногами. Две молоденькие конторщицы, втиснутые в угол у двери, по какому-то только им одним известному поводу глупо захихикали.

Высокий, с хрустом свернув свою газету, принял ся изучать рекламные щиты над головами сидящих. Его внимание особенно привлек один из них — о выгодах вынесения деловых контор за черту города. Мужчина иронически улыбнулся.

Под полом вдруг заработал компрессор, его дребезжащий гул на мгновение внес надежду в напряженную тишину. Но и он оборвался; теперь время от времени слышалось лишь легкое потрескивание — вагон постепенно остывал.

Прошло минут пятнадцать, пассажиры стали поглядывать на часы, им уже мерещились подгоревшие супы и подозрительные взгляды жен. Тощий человечек с птичьим лицом, вынув из кармана религиозный трактат, принял ся вполголоса его читать. Обстановка накалялась. Юнец достал сигарету и закурил. Дородная тетка злобно ткнула цальцем в надпись «Не курить» на оконном стекле. Тогда юнец, не сводя с тетки глаз, не спеша стряхнул горячий пепел ей на подол.

Но тут стеклянные двери между вагонами распахнулись, и в толпу втиснулся бодрый румяный машинист в синей хлопчатобумажной форме. Тишина разом лопнула, со всех сторон посыпались вопросы:

- Что случилось?
- Долго так будет продолжаться?
- Может, подтолкнуть?

Машинист усмиряюще поднял руки:

— Уверяю вас, леди и джентльмены, оснований для тревоги нет. Нелады с сигнализацией, только и всего... — Чтобы перекрыть общий стол, ему пришлось повысить голос: — Вам предстоит сойти с поезда

и по тоннелю проследовать на следующую станцию...

— Но ведь там рельсы! Нас убьет током!

— А это далеко?

— Спокойнее, спокойнее, — выступать в роли командира доставляло ему явное удовольствие, — оснований для тревоги нет, ток выключен. Маленькая прогулка, только и всего. Там, правда, немного пыльно, но, кроме пыли, вам ничто не угрожает. А теперь живее, переходите по одному в передний вагон, и все будет в порядке...

Слегка подтолкнув ближайших пассажиров к открытym дверям позади себя, он принялся пробираться дальше по составу, а люди, недовольно ворча, уже потянулись гуськом в соседний вагон. Переступая через щель между вагонами, они беспокойно взглядывались во тьму под ногами. Казалось рискованным даже на миг расстаться с безопасностью вагонов. Воздух тоннеля пропах сыростью, плесенью и нагретой изоляцией.

Спустившись на рельсы, пассажиры смятенно всматривались во мглу, рассекаемую грубыми полосами света от редких, ничем не прикрытых ламп. Теперь лишь черные округлые ребра тюбингов отделяли их бренные тела от чудовищной массы земли, и этого ощущения было достаточно, чтобы оборвать всякие разговоры.

Кто-то коротко свистнул, проверяя, будет ли эхо. Звук мгновенно угас, растворившись в затхлом безмолвии. Люди осторожно побрали в сторону яркого пятна станционных огней, и высокий, ни к кому не обращаясь, изрек: «На третий день пути они обнаружили воду». Вокруг раздались нервные смешки, напряжение ослабло — уже видно было, как первые пассажиры неуклюже карабкаются на платформу. Юнец вприпрыжку припустился к станции — дородная тетка проводила его убийственным взглядом.

А позади них, в тоннеле, машинист в синей форме говорил в трубку телефона, спрятанного над светофором:

— Да нет, был зеленый. И тем не менее автомат включил тормоза... Нет, тормоза тоже в порядке. Что? Разумеется, я приеду...

Он положил трубку на рычаг и направился по шпалам к станции, ругаясь про себя и скользя взглядом по толстым кабелям, слегка провисающим от кронштейна к кронштейну. Потом он остановился, приюхался, и лицо его сморщилось от отвращения. Он еще раз глянул на толстые уаловатые пучки кабелей — и отвращение на его лице сменилось полным недоумением.

Прямо перед ним влажно поблескивал кусок кабеля, покрытый густой разноцветной слизью, которая капля за каплей падала вниз на рельсы. В ряде мест из-под слизи уже проглядывала красная тускло блестящая медь проводов, а кое-где на слизи была заметна пленка жидкой пены, которая колыхалась и пушилась; вздуваясь, лопались пузырьки...

С минуту оностоял, остылбенев, затем бросился назад к телефону.

Холланд сидел у себя в кабинете, то и дело хватаясь за живот. На столе перед ним красовалась бутылочка с белой желудочной микстурой и стакан воды. Отсчитав в стакан несколько капель из бутылочки, он размешал смесь карандашом и выпил одним брезгливым глотком. Спустя несколько секунд онрыгнул и пугливо покосился на распахнутую дверь: не слышала ли секретарша.

Раздался телефонный звонок. Холланд снял трубку.

— Да. Алло, Слейтер! Как поживаете? Да, да. Бернард Холланд. Послушайте, тут всплыло еще кое-

что, и, по-моему, это имеет отношение к нашей проблеме. Отказ светофора в метро. Да нет, объясню позже. Интересно... Что? Неужели? Где? Да ну, кто же это успел вам передать? А вы не могли бы сюда приехать? Да, я буду у себя... А почему бы и нет? В любом случае берите его с собой. Да, да, как можно быстрее. Жду вас через пятнадцать минут...

Не опуская трубки, он дал отбой и сразу же набрал новый номер.

Теперь в кабинете Холланда было темно от табачного дыма, на полке громоздились пустые кофейные чашки. Майерс сидел на подоконнике, посасывая незажженную трубку. Слейтер и Холланд сосредоточенно слушали Джеррарда.

— Давайте подытожим, что у нас есть. — Люк подчеркивал каждый свой тезис, легонько ударяя пальцем по ладони другой руки. — Во-первых, катастрофа в Хитроу: отказал контрольный блок топливного насоса, внутри блока обнаружено разрушение изоляции, а температура была отнюдь не так высока, чтобы она могла расплавиться и тем более сгореть. Правильно?

Слушатели осторожно закивали.

— Во-вторых, — Джеррард обратился к Слейтеру, — вы рассказали нам, что в вашей системе контроля за уличным движением отказалась одна из цепей компьютера, и опять-таки имело место необъяснимое разрушение изоляции...

— Но мы не знаем, — вмешался Холланд, — это ли было причиной несчастья?

— Несущественно, — заявил Майерс. — Согласен, мы не знаем, почему заварилась такая каша. Но что отказалась цепь, мы знаем наверняка, не правда ли?

Джеррард продолжал возбужденно:

— Совершенно верно. Мы знаем, что цепь отказалася. Разные устройства, разные фирмы, а дефект один...

— Э нет, — взмахнул трубкой Майерс, — думаю, что так мы далеко не уедем. Вы позволяете себе увлекаться софистикой. Не можете же вы предполагать?..

— Могу попытаться, — улыбнулся Джеррард.

Холланд нетерпеливо нахмурился:

— Давайте уж я прямо скажу, к чему вы клоните. Аминостирен — ведь именно он объединяет неполадки, не так ли?

— Да, — кивнул Джеррард, — есть шансы, и немалые...

— Ровным счетом никаких, — фыркнул Майерс. — Случайное совпадение, и только. Кто и когда слышал, чтобы пластики разрушались подобным образом? Возможны усталостные трещины вследствие испарения пластификаторов, но чтобы материал просто-напросто исчезал...

— Но если изменилась внутренняя структура? — настаивал Джеррард. — Потерпите, выслушайте меня: допустим, вследствие изменения структуры аминостирен стал более чувствителен к температуре...

— Компьютер отказал вне всякой связи с температурой, — прервал его Слейтер, — это вам не авиакатастрофа...

Майерс с шумом поднялся, в раздражении он похрустывал пальцами рук:

— Разумеется! Доктор Джеррард, не примите за обиду, но мы никогда не сдвинемся с мертвой точки, если будем играть в шерлоков холмсов. Нам нужны хоть какие-то факты. Вы говорили, у вас в агентстве исследуют робота. Скоро ли можно ждать результатов?

— Я сейчас возвращаюсь к себе, — ответил Джеррард. — Через день-два что-нибудь...

Он запнулся — зазвонил телефон. Холланд поднял трубку:

— Алло! Да, я Холланд. Кто? Да, припоминаю, действительно, мы встречались... Да, да. Нет, я не один. Майерс из министерства торговли, мм... Слейтер из министерства транспорта и еще доктор Джеррард. Что? Да, доктор Джеррард, он представляет частное предприятие — агентство Креймера...

Наступило долгое молчание — Холланд внимательно слушал, лицо у него мрачнело. Остальные сидели не шевелись, тщетно пытаясь догадаться, в чем дело.

— Можно ли сообщить им содержание нашего разговора? — спросил, наконец, Холланд. — Понимаю. — Он посмотрел на Джеррарда. — Ну, с этой-то задачей я справлюсь. Разумеется. До свидания.

Холланд положил трубку; нельзя было не заметить, что он смущен. Скороговоркой он произнес:

— Доктор Джеррард, произошло нечто очень серьезное. Боюсь, что нашу беседу придется отложить...

Джеррард взглянул на часы.

— Хорошо, я ухожу. Как только мы придем к каким-нибудь результатам, дам вам знать...

— Что стряслось? — начал Майерс. Холланд жестом призвал его к молчанию.

— Спасибо, что вы уделили нам столько времени, доктор Джеррард. Мы, несомненно, свяжемся с вами в ближайшие дни...

Джеррард хотел было что-то сказать, но раздумал и, попрощавшись с каждым за руку, вышел. Холланд только того и ждал:

— Звонил Уайтинг... гм... Сначала я должен выплыть одно обстоятельство. Вы, очевидно, давали подпись о неразглашении государственной тайны? — Оба дружно кивнули. — Впрочем, наши допуски в на-

стоящее время уже высланы в адмиралтейство. Чистая формальность, по правде говоря... Мы им нужны, и притом незамедлительно.

— А вы не могли бы нам сказать, за каким дьяволом?.. — раздраженно осведомился Слейтер.

— Знаю не больше того, что мне сказано. Похоже на то, что подводная лодка ее величества «Тритон» — первая английская подлодка, вооруженная ракетами «Посейдон», — пропала без вести вместе с экипажем где-то к западу от Аррана...

Если вы пройдете под аркой адмиралтейства и направитесь в сторону Бэкингемского дворца, то, придерживаясь середины улицы, шагов через сто окажетесь прямо над одним из самых секретных помещений во всей Великобритании. Только не подумайте, что при этом вы будете попирать ногами его потолок — помещение это находится в двадцати шести метрах под поверхностью земли.

Чтобы попасть туда, прежде необходимо посетить безвкусно заставленную бронзой и красным деревом комнату в близлежащем адмиралтействе и предъявить хорошенькой, но какой-то бесполой секретарше пластмассовый прямоугольник. Она попросит вас подождать, а сама прошествует с пластинкой в соседнюю комнату к анализатору, с помощью которого расположенный где-то в отдалении компьютер проверит вашу личность по ферромагнитной записи, впечатанной в пластмассу. Через несколько секунд телетайп, установленный рядом с анализатором, защелкав, выбросит полоску цифр. Секретарша сравнит эти цифры с теми, которые мерцают на зеленом экране над анализатором, и решит: пустить вас дальше или отослать восьмойси. Надо думать, ей очень нравится такое занятие.

Но если компьютер прикажет пустить вас, секретарша все с тем же безжизненным обаянием проводит вас к двери темного дерева и нажмет кнопку подле нее; рядом с кнопкой зажжется лампочка, и дверь отворится. За дверью вы обнаружите двух представителей военно-морской полиции при оружии и с полной выкладкой, в их заплечных ранцах, к немалому своему изумлению, вы увидите противогазы. Они поведут вас дальше, и, как только вы переступите порог, старомодная прелесть конторы сменится серым бетоном военного образца. Впереди вы увидите клетку лифта.

А пока вы ждете лифт, вас ослепит беззвучная вспышка, и высунувшаяся из стены фотокамера навечно зафиксирует факт вашего появления.

Холланда, Майерса и Слейтера проводил вниз лично коммодор Уайтинг, по распоряжению которого допуски всем троим проверили еще до их приезда.

Внизу в коридоре с белыми стенами блестящая резиновая дорожка совершенно заглушала шаги. Крупные буквы предупреждали: «Вход только по удостоверениям формы А». За плечами перегородившей дорогу охраны гости успели заметить лишь контуры вычислительных машин и пультов управления да огромную карту.

Уайтинг вежливо отвлек внимание гостей и провел их к себе в кабинет. Они внимательно слушали его объяснения:

— Как вам известно, для кораблей, вооруженных ракетами классов «Поларис» и «Посейдон», установлены строгие ограничения в пользовании радиосвязью в открытом море. Практически связь сведена к обмену приветствиями между моряками и семьями раз в неделю и к отдельным оперативным сообщениям...

— Например? — поинтересовался Майерс.

— Извините, — Уайтинг покачал головой, — мы исходим из принципа «каждый знает лишь то, что ему необходимо». Собственно, характер сообщений и не имеет отношения к делу. — Он сбился, слегка обескураженный резкостью собственных слов. — Вы, наверное, мне не поверите, но в данной операции есть детали, о которых даже я не имею ни малейшего представления, — посвящать меня в них не сочли необходимым...

— Чтобы коварный враг под пыткой не заставил вас проболтаться, — Майерс решил свести все к шутке.

— Похоже на то, — в тон ему ответил Уайтинг, но не улыбнулся. — Итак, продолжим: «Тритон» внезапно включил передатчик низкочастотной связи, используемый исключительно для...

— При определенных оперативных условиях, — мягко вставил Слейтер.

— Гм... Совершенно верно. «Тритон» сообщил свое местопребывание — в глубоких водах к западу от Аррана. Они заканчивали пятидесятидневный поход, шли на базу Герлох, — по правде говоря, наутро должны были уже стать в док, — и тут мы приняли от них серию радиограмм. Не стану докучать вам деталями, но в общих словах — они докладывали о каскаде аварий. Сначала вышли из строя рули глубины, затем автоматика наведения ракет и, наконец, центральный пост управления в целом. Видимо, на главном пульте навигационного контроля возник пожар...

— Что-то я не совсем понимаю... — произнес Холланд.

— Сейчас поймете, — продолжал Уайтинг. — Старший дежурный по радиоотсеку обязан докладывать береговой базе о любых поломках или авариях. Так вот, немногим ранее в тот же день он доложил об отказе инерционной навигационной системы, который

произошел — я цитирую рапорт — в результате короткого замыкания одновременно нескольких цепей...

Майерс сгорбился в кресле:

— В результате короткого замыкания... Да, действительно... Значит, изоляция или переключатели...

— Почти наверняка, — ответил Уайтинг. — Он коротко доложил нам также о повреждении рулей глубины и компьютеров, контролирующих дальность запуска, — все отказы носили аналогичный характер. Конец передачи был просто удручающим, на борту царили... гм... замешательство и паника, а потом, потом они замолчали...

Закончил он не совсем твердо и обвел всех глазами, словно молил о помощи. Воображение рисовало им внезапную смерть 183 матросов и офицеров — лопается корпус, в трещины рвется вода, и стальная громадина — доселе почти совершенный, теплый и безопасный мирок — стремительно погружается в темные, холодные глубины. И взрыв — атомный котел, шестнадцать ракет, каждая со множеством боеголовок...

Наступила долгая пауза. Майерс первым нарушил молчание:

— Все системы одна за другой...

— Взорвались? — перебил Холланд.

— Не обязательно. Мы выслали в этот район три спасательных судна, но там слишком большие глубины — бортовые спасательные устройства все равно не сработают, да еще и восьмibalльный шторм... Все, что нам остается, — ждать да спустить под воду радиационные счетчики.

— А добраться до них никак нельзя? — снова спросил Холланд.

— Только с помощью батискафа, и то если погода улучшится.

— Так что надежды нет?

— Почти никакой. Вернее, совсем никакой... — Уайтинг отвернулся. — Там капитаном Тони Марсден — мы вместе учились в Дартмуте... — Он немного оправился и закончил: — Как мне докладывали, нечто подобное случилось с системой управления движением и с самолетом, разбившимся в Хитроу.

Кивок в сторону Майерса. Тот немедля всыпал:

— Какого черта вы лезете!..

Уайтинг уже полностью взял себя в руки.

— Мистер Майерс, речь идет об интересах государства. Заверяю вас, мы пользуемся самыми законными способами получения информации. Мне представляется, что разрушения изоляции на улице Найтсбридж, в Хитроу и на борту «Тритона», вероятно, носят сходный характер...

Анна Креймер понимала, что даже сейчас, на восьмом году брака испытывает благоговейный страх перед мужем. В дни ухаживания и в первые годы после свадьбы он был для нее как бы другом-великаном. Во многих отношениях муж напоминал ей отца, сурового человека с незаурядным, но высохшим в хлопотах колониальной службы умом.

Креймер с первой встречи внушал ей такой же трепет, а то, что этот выдающийся человек любит ее и хочет на ней жениться, казалось ей своего рода компенсацией за смерть отца, гасило неосознанную тоску по нему.

Поначалу они были бесконечно счастливы. Всю свою энергию Креймер направил на их семейные дела, освещая своим воображением каждый уголок ее души, целиком заполняя ее жизнь. Затем последовала его поездка в Канаду, а сразу вслед за возвращением — создание агентства в Лондоне.

Перемена в нем происходила исподволь. Агентство требовало полной отдачи сил, и Анна была горда разделить с ним его пошу. Он, со своей стороны, гордился ее заинтересованностью и был признателен ей за помощь. Они вместе разрабатывали структуру предприятия. Она присутствовала на всех организационных заседаниях, сама варила кофе, печатала стенограммы.

Копаясь в воспоминаниях, Анна пыталась установить: когда, с какой минуты все изменилось?

Она была в постели. Ушибленное плечо уже не болело, лишь слегка саднило. С семи часов она ждала возвращения Креймера. Пробило два пополуночи, а он даже не позвонил, хотя обещал вернуться попроще. Они намечали тихо пообедать в новом яванском ресторанчике, а потом заглянуть в театр...

Так случилось далеко не в первый раз. Пожалуй, за последние два года это стало скорее нормой их совместной жизни, чем исключением. Но сегодня день был особый — годовщина их первой встречи. Они встретились при довольно памятных обстоятельствах в зале старой Лиги Наций в Женеве, куда оба приезжали на какую-то научную конференцию.

Она заранее знала: когда он вернется, то и не подумает ничего объяснять и даже не извинится. Работа для него всегда шла на первом месте и была вне подозрений, равно как и он сам.

Она пыталась нащупать ту роковую минуту, когда идея агентства и — хотя она не могла признаться в этом даже себе — ее брак с Креймером начали терять первоначальный блеск. Вероятно, это произошло после того, как на сцене появился Райт с его пластиками. До той поры они рисовали себе совсем иное будущее, увлекательное, но бесприбыльное — будущее группки ученых, решающих мировые проблемы.

Их всех тогда захватывала мысль, что наука — не замкнутая интеллектуальная сфера, что она должна служить людям. Вера в такое предназначение науки исходила главным образом от Креймера, опиралась на его глубокую эрудицию и философскую мудрость.

Потом почти внезапно представилась возможность превратить агентство в прибыльное, процветающее предприятие. К ним присоединился Райт со своим аминостиреном. Креймер ухватился за него как за случай подвести под все другие начинания крепкую финансовую базу, но постепенно исследования в области пластмасс оттеснили на задний план, а вскоре и вовсе свели на нет всякую другую работу. Сегодня же помыслы Креймера стали чисто коммерческими. От идеи служения науке и человечеству, которая когда-то так вдохновляла их, не осталось ровным счетом ничего.

В этот вечер, поджидая Креймера, борясь со сном и усталостью, Анна отважилась на поступок, которого раньше и представить себе не смела. Она прошла в кабинет мужа, открыла стол — святая святых, к которой прислуге и прикасаться не разрешалось, — и достала из верхнего ящика письмо. Оно лежало теперь у нее под подушкой, и вот уже добрых три часа Анна пыталась собраться с духом, чтобы вскрыть его.

Почерк был ей знаком. Вслед за поездкой Креймера в Канаду к нему хлынул поток заокеанской корреспонденции от деловых партнеров, друзей и просто знакомых.

Но шли месяцы, и поток истощался, пока не остался лишь один настойчивый отправитель — им была женщина. Женщина с завидной регулярностью продолжала слать письма все эти два года, и однажды Анна отважилась даже спросить у Креймера, кто она. Расхохотавшись в ответ, он сказал, что это весьма мужеподобная профессорша-химик из универси-

тета Южного Саскачевана. Типично американская дама с могучими плечами и голосом, как у племенного быка. Анна улыбнулась и приняла его слова на веру. Он, со своей стороны, никогда не выказывал любопытства: кому писала? где была?

Однако вскоре письма стали приходить уже не из Канады, а из европейских столиц, сегодня же утром, едва Креймер ушел из дома, появилось еще одно, со штемпелем «Кембридж». И вечером, испытывая брезгливость к себе самой, Анна принесла письмо на кухню, осторожно подержала конверт над паром и положила открытым на стол, решившись прочесть. Прочесть его тем не менее она не смогла, хотя не сводила с письма глаз; она вскакивала, ходила по комнате, по чувство вины было по-прежнему слишком сильным. В конце концов она сунула письмо под подушку. «Если Креймер не явится до полуночи, — твердила она себе, — непременно прочту...» Но пробило двенадцать, затем час, а ультиматум выполнен не был. Минуло два — письмо все еще оставалось непрочитанным.

Внизу, в гостиной, послышался легкий шум, и она так и подскочила в постели, неловко дернув при этом плечом. Затаив дыхание, вслушивалась она в полуночный шум, но повторился.

У них был огромный перекормленный кот по кличке Архимед, который считал себя изящным юным котенком и постоянно опрокидывал всякие безделушки и украшения, стараясь втиснуться в щели, слишком узкие для его солидного торса.

Наверное, это кот.

Анна вновь откинулась на подушки — плечо опять заболело сильнее. На глаза навернулись невольные слезы — одолела острая жалость к себе. Она чувствовала себя одинокой, покинутой в этой широченной постели, в огромной пустой квартире...

На смену жалости пришел неистовый гнев. Потянувшись к выключателю, она зажгла свет, вытащила из-под подушки письмо и развернула его. Письмо было длинное, написанное мелким, типично женским, довольно неразборчивым почерком. Прочитав несколько строк, Анна выскочила из постели и, налив себе в соседней комнате джина, поставила стакан на столик возле кровати.

Это было не просто любовное письмо. Местами оноказалось почти семейным. Более того, между отправителем и адресатом прослеживалась еще и интеллектуальная близость. Письмо было полно шуточек и разным поводам, намеков на знаменитости ученого мира. Шарон — этим именем было подписано письмо, — по-видимому, предприняла большую поездку по Европе на средства Канадского исследовательского совета и извлекла из этой поездки немалую пользу. Она была — и тут Анна ощущала такой укол ревности, что мгновенно позабыла об ушибленном плече, — несомненно, умна и незаурядна. Анна дочитывала последнюю страницу, когда раздался телефонный звонок, заставивший ее вздрогнуть. Вопреки всякой логике, прежде чем поднять трубку, она засунула письмо под подушку.

Звонил Креймер:

— Это ты, дорогая? Мне страшно жаль, что ты потеряла вечер... — Ответом ему служило молчание. — Ты меня слышишь?..

До него донесся тихий, сдавленный голос Анны:

— Слышу.

— Ну, так что там произошло в магазине? — Креймер не дал ей времени для ответа. — Нет, нет, дорогая, ты, должно быть, устала. Я тебя, наверное, разбудил. Прости, пожалуйста. Три часа утра — не самое подходящее время для ученых бесед. — Голос его звучал фальшиво, с шутовскими нотками и вов-

се не походил на тот, какой она знала. — Боюсь, что я окончательно завяз здесь. Только что закончил совещание. Попасть сегодня домой уже не смогу. Увидимся завтра к вечеру. Договорились?..

Наконец она выдавила из себя:

— Где ты?

— Разве я не сказал? В Кембридже. Ну, не буду больше мешать тебе спать. Спокойной ночи, дорогая. Благослови тебя бог...

— Спокойной ночи,— отозвалась Анна, и он положил трубку прежде, чем она успела докончить фразу.

Она откинулась в постели, внезапно ослабевшая и обессиленная, посмотрела на конверт — письмо было отправлено накануне, отправительница предупреждала, что позвонит Креймеру на работу. Вывод был очевиден, и тем не менее теперь, когда худшее осталось позади, она ощущала даже известное облегчение. Анна взяла конверт, повертела его в руках и только тут прочла: доктор Шарон Джеррард. Джеррард?.. Ну конечно, фамилия та же, что и у высокого чуть застенчивого канадца, с которым она встретилась в отделе игрушек несколько часов назад...

Она вспомнила, как бережно он осматривал ее плечо и как откровенно восхищался ею. Что-то знакомое чудилось ей в его лице, в этих широких покатых плечах, поджаром теле. Ив Монтан, вот оно что! В канадце было что-то от Ива Монтана, не слишком близкое сходство — волосы у Джеррарда заметно светлее, — но достаточное для того, чтобы вы заподозрили, что видели его где-то раньше.

Ей доводилось слышать, что он разошелся с женой. Креймер был очень дружен с ним в Канаде, а потом пригласил его к себе. Внезапно она выпрямилась, словно пораженная громом. Письма начали приходить с того самого дня, когда Креймер вернулся из

Канады. Постой, постой — так ведь он и жил-то те три месяца, что был там, у Джеррардов!

Наконец-то Анна поняла, что такое муки уязвленной гордости. Хотя они неуклонно отдалялись друг от друга вот уже целых два года, ей и в голову не приходило, что он мог изменять ей еще в те давние, безоблачные времена. Это было ужасно. Значит, он предал все: их планы, идеалы, будущее — совершенно все...

А Джеррард? Выходит, это Креймер разбил его семью? А потом нанял его на работу? Мысли путались, обгоняя друг друга. Большая порция джина, которую она выпила, да и переутомление давали себя знать. Она забылась неглубоким не приносящим отдыха сном.

Проснулась Анна в девять утра, одновременно разбитая и возбужденная. Рука не слушалась, но боль поутихла, и синяк на плече стал желтеть. Пока она одевалась, сомнения предыдущей ночи уступили место твердой решимости. Она все с ним выяснит, и не далее чем сегодня вечером. Любой исход лучше, чем постылая тюрьма последних двух лет. Как ни странно, тот факт, что он ей неверен, казался Анне почти утешительным. Соперница из плоти и крови все же куда лучше, чем сознание, что к тебе попросту потеряли интерес, как к какой-нибудь покупной безделушке...

А как быть с Джеррардом? Сказать ему? Но что это даст? Интересно, развелись ли они? Безусловно, расстались, и притом достаточно давно. Она снова с теплым чувством вспомнила его. Одурачили человека точно так же, как одурачили и ее. И впервые за много часов улыбка тронула губы молодой женщины: если уж придется объединять усилия, то рослый, привлекательный ученый отнюдь не самый худший союзник.

Немного позже она позвонила Джеррарду, чтобы узнать о результатах исследования пластмассовых шестеренок. Канадец сообщил ей о решении Райта отложить проверку. Попутно он рассказал об отказе светофора в метро и о том, что собирается на следующее утро побывать на месте происшествия. Она попросила взять ее с собой, Джеррард был удивлен, но после недолгих колебаний согласился.

Люк и сам не вполне понимал, что заставило его сказать «да»; может быть, он рассчитывал, что его позиции в агентстве упрочатся, если жена босса отправится вместе с ним. Никому из своих коллег он и словом не обмолвился о том, куда идет,— вот вернется с подлинными образцами дефектной изоляции, тогда другое дело. А может, ему просто захотелось вновь увидеться с Анной?

Вечером Анна, собрав все свои силы, приготовилась к очной ставке, поставила поближе бутылку джина, надела свой лучший шелковый костюм и стала поджидать Креймера.

Прошло три часа. Она совершенно опьянила от джина, переоделась в пеньюар и мрачно расхочилась над мелодраматичностью сцены: она ждет мужа, а перед ней на столе — обличающее письмо. Еще позже, прозревев, она почувствовала, что замерзла, и надела ночную рубашку и халат. К одиннадцати часам голова стала раскалываться от боли, мучила тошнота.

В половине двенадцатого зазвонил телефон. Это был Креймер. Сегодня голос его звучал сухо, едва ли не грубо:

— Прости, дорогая, вернуться никак не сумею.— Он притворялся, что утомлен до изнеможения.— Придется тебе извинить меня. Нас тут замело, снег чуть не до крыши. Возвратиться до завтра просто невозможно. Представляешь?

— Представляю,— тихо ответила Анна. Позвони он пораньше, она еще нашла бы какой-то ответ, какие-то слова, но сейчас ее только бил озноб.

— Ну то-то,— сказал Креймер.— Увидимся завтра. Сегодня, малышка, уж как-нибудь обойдись без меня!

Он дал отбой.

О многом еще надо было позаботиться, многое сообразить. Анна легла спать и вопреки советам врача приняла пару таблеток снотворного. Последнее, о чем она подумала, засыпая,— не забыть бы завтра надеть что-то подходящее для метро...

Наутро она проснулась рано. Сон привел разбежавшиеся мысли в порядок. Она оделась, прошла в гостиную, присела к столу и написала Креймеру письмо.

Как всегда, ее воспитание и привычка всей жизни скрывать свои чувства дали о себе знать. Письмо получилось лаконичным. Чувства не напли, вернее, почти не напли в нем выражения. Ей стало известно, что он изменяет ей на протяжении многих лет. Она расценивает это как предательство. Она не желает продолжать подобную жизнь. Она уверена, что он без труда найдет себе утешение с другой,— только эта последняя фраза отчасти выдала ее подлинные переживания.

Прежде чем запечатать, она наскоро перечитала письмо. С горечью подумалось, что, если Креймер захочет использовать письмо при разводе, оно послужит отличным доказательством холодности и бесчувственности прежней жены. Но переделывать что-либо не оставалось времени. Анна заклеила конверт и положила его на камин.

Выходя из дома, она остановила такси и поехала на встречу с Джеррардом и Слейтером.

— Спустимся здесь...

Холден, генеральный директор ремонтных служб лондонской подземки, легко спрыгнул с платформы и обернулся, чтобы предложить руку Анне Креймер. Остальные, последовав за ней, выстроились вдоль силового рельса. Холден бросил взгляд на часы:

— Линия вспомогательная, используется только в часы пик. Поездов больше не будет, не так ли?

Вопрос был адресован начальнику станции, приземистому пожилому человечку в форменной фуражке. Красные пятна на его лице говорили о повышенном давлении и хроническом бронхите. От напряжения начальник дышал с присвистом:

— Последний прошел в десять десять, сэр...

— Хорошо,— Холден повернулся к остальным.— Тогда отправляемся...

В руках у генерального директора был тяжелый электрический фонарь, и он показал им на вязающее жерло тоннеля. Начальник станции включил ремонтное освещение — рубильник находился у края платформы,— в тот же момент перед ними чередой высвеченных мертвенно-бледным светом ребер зловеще изогнулся тоннель.

— Линия еще под током...— бросил через плечо Холден.

Слейтер поднял на него глаза.

— Разве это не опасно?

— Ну, если вы ухитритесь упасть между этими двумя рельсами...

Анна нервно вцепилась в руку Джеррарда.

Холден зашагал по путям, за ним следовали Слейтер, Джеррард и Анна, начальник станции замыкал шествие. Несколько шагов — и они оставили выложенную белым кафелем, успокаивающее знакомую станцию с ее рекламными щитами и очутились

в гнетущей тьме тоннеля. Здесь было довольно прохладно, холоднее, чем ожидал Джеррард. Ведь он читал где-то, что в подземных сооружениях круглый год сохраняется постоянная температура, что там прохладно летом и тепло зимой. Воздух казался затхло-влажным. Чувствовался сильный устойчивый сквозняк.

Холден, шагая впереди, время от времени указывал на препятствия и освещал их своим фонарем. Наконец он огляделся и сказал:

— Вот мы, по-моему, и пришли. Верно, начальник?

Тот кивнул, совершенно запыхавшись.

— Верно. Вот там, наверху...

И показал на противоположную стену тоннеля.

Они вышли на пересечение двух линий метро. Одна из них, видимо, давно уже не эксплуатировалась. Ее преграждал толстый стальной щит. В отличие от блестящих рельсов действующей линии ее рельсы были покрыты ржавчиной. Откуда-то тянуло запахом тления, заставившим Анну вздрогнуть.

— Вот, пожалуйста...

Холден повел их через рельсы к наглухо закрытой двери. Подле нее виднелись густая сеть кабелей и несколько распределительных щитов, похороненных под толстым слоем пыли. Экспедиция пересекла пути, и начальник станции включил еще одну лампочку над блоком предохранителей.

Слейтер вышел вперед и кончиком карандаша осторожно тронул изоляцию верхних кабелей. Она отваливалась сырьими липкими комьями. Он поднес карандаш к носу: пахло гниющим мясом с примесью аммиака.

Джеррард, сняв с плеча сумку и распаковав ее, принялся аккуратно собирать шпателем образчики размягченного пластика в специальные баночки.

— Велик ли участок поражения? — обратился он к Холдену.

— Трудно сказать. Мы отрядили бригаду проповедовать весь район. Пока что дело как будто ограничивается этим скрещением, но ручаться нельзя...

— Слышите? — встрепенулась Анна. Откуда-то издалека доносились глухое громыханье, которое с каждой секундой становилось все отчетливее. Анна беспокойно отступила.

— Не беспокойтесь, все в порядке, мисс, вы здесь в полной безопасности, состав идет по другому тоннелю...

Громыханье нарастало; в главном тоннеле показались огни быстро приближающегося поезда. В следующее мгновение, расколов воздух, он пронесся мимо. По лицам замелькали огни вагонов. Тоннель задрожал от перестука колес по рельсам. Затем внезапно все кончилось, шум утих вдали, их снова окружал мрак.

— Как вы думаете, это явление не будет распространяться? — спросил Слейтер. — Ведь если изоляция начнет отваливаться, короткое замыкание неминуемо, ну и...

— Вы меня спрашиваете? — резко отозвался Холден. — Вы, специалист?..

Слейтер замолк, и они с Холденом устремили взгляды на Джеррарда. Тому стало не по себе. Какого черта, надо было предоставить Райту самому выпутываться из неприятностей. А теперь от него ждут суждений о том, о чем он не имеет ни малейшего представления...

— Прежде всего следует доставить образцы в лабораторию и установить скорость реакции... — он запнулся, — скорость реакции, вызывающей процесс разрушения. Полагаю, что непосредственной опасности нет.

Он продолжал аккуратно, слой за слоем отделять размякший пластик, раскладывая его по баночкам, которые, тщательно завинтив, прятал обратно в сумку.

Анна достала миниатюрную фотокамеру со вспышкой и сделала несколько снимков нарушенной изоляции и всего тоннеля.

— Имейте в виду, без нашего разрешения эти снимки использовать нельзя, — заявил Холден.

— А мы и не собираемся их публиковать, — сухо ответила Анна, — мы помогаем вам по вашей же просьбе. — Она приладила к камере объектив для съемки крупным планом и сделала снимок того участка кабеля, где изоляция была повреждена особенно сильно и из-под нее проступала медная жила. — Снимки нам понадобятся, чтобы установить, откуда взят тот или иной образец.

— Вы еще долго? — осведомился начальник станции, обращаясь к Джеррарду.

— Я кончил.

Начальник повернулся к Холдену.

— С вашего разрешения, сэр, нам пора...

— Вы удовлетворены осмотром? — осведомился Холден у Слейтера.

— Да, вполне, благодарю вас.

— Хорошо, тогда поспешиш...

Начальник станции, уже проявлявший признаки беспокойства, повел их с фонарем в руке в обратный путь. Они цепочкой последовали за ним.

И вдруг совершенно неожиданно тоннель, казалось, поднялся дыбом. Бетонное основание пути тряхнуло их и швырнуло навзничь. За ударом последовал нарастающий грохот. Затем несколько сильных взрывов еще и еще сотрясли стены тоннеля, перекашивая бетонные и стальные крепи, сверху сыпался дождь обломков. Ребра тюбингов сгибались и разгибались, как резиновые.

Едва люди в облаках пыли поднялись на ноги, раздалось еще несколько более отдаленных взрывов. И наконец наступила тишина, нарушаемая лишь клацаньем осыпавшихся со свода мелких чешуек.

— Господи, что это? — спросил Слейтер. Ответом ему был еще один взрыв, пожалуй, чуть более отдаленный. Тоннель вновь покачнулся, и глубоко под ногами они ощутили какую-то неровную дрожь.

— Быстрее, — крикнул Холден, — на станцию! Бегом!

Он бросился в сторону платформы. Все последовали его примеру, но тут, мигнув, погасло освещение. Впереди, на станции, автоматически включились тусклые мерцающие аварийные огни. Поезд еще не ушел, они видели его хвост и слышали возбужденные голоса и крики.

Когда они подбежали ближе, послышалось шипение сжатого воздуха, двери вагонов открылись, и на платформу выссыпали встревоженные пассажиры. В отдалении опять дважды прозвучали взрывы, и станцию, как и тоннель, снова встряхнуло и выпрямило.

Закричала женщина. Пассажиры начали протискиваться по переходам к эскалаторам.

— Придется нам лезть через состав, — сказал Холден.

Он вскочил на ступеньку и принялся открывать дверь в кабину машиниста. Но едва Холден справился со своей задачей, ударил новый громовой раскат, и воздушная волна едва не сбросила состав с рельсов.

На смену полутьме пришел ослепительный свет. Дальний конец поезда и большая часть самой станции в мгновение ока оказались охваченными яростным пламенем.

Холден рывком распахнул вторую дверь и через вагон выбрался на платформу, остальные поспешили

за ним. Тут царила полная паника. Пассажиры в отчаянии метались, цепляясь друг за друга в тщетных попытках ускользнуть от струй огня, бивших из разверстого жерла тоннеля на противоположном конце станции. Слепая от страха толпа валила с ног детей и старииков, тут же затаптывая их насмерть. Какая-то женщина, прикованная ужасом к месту, оцепенело смотрела, как прямо на ней сначала затлево, а потом факелом вспыхнуло ее долгополое пальто. В руках пожилого мужчины взорвалась полиэтиленовая канистра, и он в мгновение ока обратился в огненный шар. Какой-то делец, растеряв всю свою привычнуюдержанность, лягался и выл, раскидывая встречных, а его костюм пыпал у него на спине.

Иссохшие деревянные рамы стареньких, образца девяностых годов, вагонов полыхали как спички; трескаясь от жары, рассыпались со звоном стекла. Люди на глазах чернели, падали, как только пламя накрывало их. Корчась, словно облитые бензином муравьи, они, наконец, застывали в жутком обугленном покое.

Внезапно на фоне полыхающего пламени показались еще две гротескно высвеченные фигуры, одежда на них пылала, они с трудом держались на ногах.

Прикрывая лицо от невыносимого жара, Джеррард и Слейтер кинулись им навстречу. Джеррард протянул руку к тому, кто, шатаясь, брел первым, — и тут же отпрянул в ужасе. Едва он коснулся пальцев этого человека, кожа вместе с мясом снялась с них, как ветхая перчатка. Человек посмотрел на Джеррарда невидящими глазами, согнулся и упал лицом вниз.

Второй не успел подойти близко — его догнал новый порыв пламени. Слейтер отскочил, опалив себе волосы и брови.

Еще несколько секунд Джеррард тащил останки своего подопечного по платформе, не сознавая, что это уже бесполезно, а потом вместе со Слейтером присоединился к остальным.

Одним прыжком они вернулись в хвостовой вагон. Там теперь командовал незнакомый высокий мужчина. Он наклонился к своей спутнице — молодой блондинке.

— Ты можешь встать, Вэнди?

Блондинка открыла глаза и слабо кивнула.

— Тогда давай выбираться отсюда. — Он обратил свое внимание на Анну. — Пожалуйста, помогите мне.

Дородный и властный, он, видимо, больше привык повелевать, чем просить. Вдвоем они спустили блондинку со ступенек на рельсы, остальные не замедлили последовать за ними. Только начальник станции все еще нерешительно маялся в дверях вагона, а поезд за его спиной яростно пытал.

— Да спускайтесь же, ради бога! — поторопил его Холден.

Начальник обернулся.

— Право, не знаю. Там такая уйма народу...

Он показал на огненную преисподнюю.

— Мы им ничем не поможем, — нетерпеливо сказал Холден. — Спускайтесь!

Начальник все колебался.

— Есть еще один путь наверх, — сказал он наконец.

— Какой? — отозвался Холден.

— Под эскалатором.

— Ничего не выйдет, — возразил Холден. — Ступеньки эскалатора тоже деревянные. Там сейчас такое же пекло. — Он протянул руку и поддержал начальника станции, пока тот неуклюже слезал со ступенек. — У нас остался единственный шанс — по путям до следующей станции. Далеко это, Билл?

— Нет, не очень,— ответил начальник.— Метров восемьсот...

Порывы горячего ветра налетали на них сквозь дверь, пока Холден с трудом не затворил ее. Остальные беспокойно переминались с ноги на ногу.

— А следующий поезд,— обеспокоился Слейтер,— нас не...?

Он замолк, не окончив фразу.

— Поезда не будет,— сухо сказал Холден,— сеть обесточена.

— Допустим,— не унимался Слейтер,— но путь идет под уклон. Что если этот поезд покатится следом за нами?

— Он на тормозах. Его-то бояться нечего...

И они двинулись по тоннелю обратно. Воздух, прежде прохладный, быстро нагревался, нагоняя и обтекая их. По тоннелю эхом перекатывался треск и рев огня у них за спиной. Хвостовой вагон тоже занялся, разбрасывая искры, и длинные языки пламени тянулись за ними вдогонку, резко вычерчивая их тени на ребрах тюбингов. Наконец они одолели поворот и вышли к пересечению, где недавно рассматривали поврежденные кабели. И блондинка Вэнди, и начальник станции задыхались. Остановившись, Холден осмотрелся вокруг.

— Подождите немного,— сказал он.— А я разведаю, что впереди.

— Я с вами,— вызвался Слейтер.

Холден покачал головой.

— Пожалуйста, оставайтесь здесь.

С этими словами он направился вдоль главной линии.

Остальные присели на кучу запыленных шпал. Огня они теперь не видели, однако воздух в тоннеле все более накалялся. Начальник станции, который дышал все тяжелее, зашелся в кашле.

Дородный мужчина вдруг решил обратиться ко всем сразу:

— Моя фамилия Первис. Кто-нибудь может мне объяснить, что происходит?

В нем была какая-то нетерпеливая надменность, производившая не слишком приятное впечатление. Слейтер пожал плечами.

— Сами знаем не больше вашего... — Резко обернувшись, он подхватил фонарь из рук начальника станции, который начал оседать, видимо теряя сознание. — Эй, — позвал Слейтер Джеррарда, — посмотрите-ка, что с ним!

Джеррард склонился над начальником, съезжавшим все ниже по стене тоннеля: лицо у того побагровело, он судорожно ловил ртом воздух, полузакрыл глаза. Джеррард распустил ему галстук и приложил ухо к его груди.

Слейтер решил все же отправиться следом за Холденом.

— Послушайте, не вздумайте забрать его, — сказал Первис, имея в виду фонарь. — Он же у нас единственный...

С минуту Слейтер задумчиво смотрел на фонарь, потом пожал плечами:

— Наверное, вы правы...

Он передал фонарь Первису, повернулся и на ощупь побрел по тоннелю в ту сторону, куда ушел Холден.

Район, примыкающий к вокзалу Кингс-кросс, представляет собой, надо думать, один из самых сложных транспортных узлов в мире.

На поверхности раскинулся большой и причудливый комплекс дорог с никогда не прекращающимся движением. Грузовики со столом заворачивают вверх по Йорк-вэй, направляясь к Грейт-Норт-роуд;

густые потоки фургонов и лимузинов текут на запад по Юстон-роуд к центру города, и там, где эти потоки встречаются, создается почти немыслимый хаос. Всего здесь, в непосредственной близости к вокзалу, сходятся шесть крупных улиц, и к этому еще следует добавить транспорт, движущийся к расположенному чуть дальше на запад вокзалу Сент-Панкрас.

Шум, грохот, зловоние выхлопных газов — таков удел этих улиц с раннего утра до поздней ночи. Пешеходы, которые рискнули попасть в это царство гула, лязга и скрежета тормозов, с трудом увертываются от напирающих на них чудовищ и стараются как можно скорее нырнуть в дезинфицированную атмосферу подземки или лезут наверх, навстречу свисткам и толчее железнодорожных платформ. Либо вниз, либо вверх — других путей спасения отсюда попросту нет.

Под запруженными тротуарами и содрогающимися мостовыми расположен еще один запутанный узел: тоннели, переходы, эскалаторы, пути — станция метро Кингз-кросс. Те, кто проносится по ярко освещенной паутине ее тоннелей, никогда не задумываются, что их окружает еще и хитросплетение городских артерий — водопроводных, газовых и сводчатых канализационных труб, а также кабелей и коллекторов, пронизывающих все вокруг. Одних только труб, стань они видимы, хватило бы, чтобы вызвать у пассажиров острый приступ клаустрофии, а если еще представить себе давление, оказываемое на них толщей земли...

В сутках есть, быть может, всего два часа, когда на земле и под землей воцаряется относительный покой. От половины второго ночи до половины четвертого утра движение, накопец, сокращается, и опустевшие туманные улицы мрачно блестят в рез-

ком свете натриевых ламп. А внизу, по гулким окоченевшим тоннелям движется тем временем небольшая армия уборщиков, обходчиков и техников-ремонтников, которая методически очищает сверкающие рельсы от масляных натеков и осматривает переплетение линий связи и силовых кабелей, подвешенных прямо к ребрам чугунных колец.

Те, кто передвигается по земле, и те, кто идет или едет под землей, никогда не видят друг друга, хотя кое-где их разделяет всего лишь метровое пространство, только оно и препятствует невообразимому смешению.

В районе Кингз-кросс пересекается пять уровней рельсовых путей. Прежде всего это проложенные по поверхности линии Британских железных дорог, затем, сразу под поверхностью, выстроенная еще в прошлом веке компанией «Метрополитен» линия Иннер-серкл — внутренняя кольцевая. Чуть ниже кольцевой недавно пробита так называемая Сэмсоновская линия — от станции Виктория к кварталам Хорнси и Айлингтон, затем, еще ниже, лежат тоннели линии Пикадилли и, наконец, самая глубокая из всех — Северная линия.

Каждая из этих линий построена своим, отличным от других способом. Стены тоннелей Иннер-серкл, к примеру, сложены из кирпича, а пути здесь покоятся прямо на голой земле. Сэмсоновская линия, напротив, собрана из бетонных секций. Поскольку она вклинилась между кольцевой и Пикадилли, то во время ее строительства лишенные поддержки пути старинной Иннер-серкл пришлось кое-где специально укреплять стальными плитами и во избежание обвала подводить под них гигантские гидравлические опоры.

Прежде чем Лондон был сплошь покрыт безобразной каменной и бетонной коркой, с Северных хол-

мов к Темзе стекали несколько вольных речушек. Но когда человек, неуемный строитель, разбросал плоды своих трудов по всей округе, речки эти выпрямили, сузили и в конце концов загнали под землю и заперли в трехметровых трубах. Так, речка Флит, некогда открытая солнцу и небу, а теперь превращенная в сточную канаву, протекает буквально за стеной одного из подземных кассовых залов метро.

В путаницу тоннелей вплелись еще и две крупные параллельные водопроводные магистрали, газовые магистрали полуметрового диаметра, а также обводной канализационный канал, сооруженный еще в 1842 году.

Жизнь современного города — в сущности, баланс на острие ножа: она зависит от равновесия между отдельными перегруженными системами и от отсутствия нежелательных взаимодействий между ними. А подобное взаимодействие может возникнуть буквально от тысячи причин.

Именно такое незначительное происшествие привело в конце концов к катастрофе в тоннеле Сэмсоновской линии неподалеку от станции Кингс-кросс.

В действительности все началось несколькими неделями ранее, когда сквозь дефектный стык между двумя секциями Сэмсоновской линии просочилась никем не замеченная капелька воды. Заурядная эта капелька сама по себе не составила бы ни малейшей опасности. Но в данном случае вода оказалась из протекающей по соседству бывшей речки Флит.

Опять-таки и этот факт остался бы без последствий, если бы просочившаяся вода не содержала в себе двух необычных ингредиентов и если бы кабели, висящие на стенке тоннеля, не были покрыты оболочкой из пластика. Злому случаю было угодно, чтобы внешняя оболочка кабеля была именно пластмас-

совой, в то время как собранные в нем провода в большинстве своем несли на себе изоляцию из синтетического каучука.

В течение последующих недель пластмассовая оболочка, понемногу размягчаясь и разлагаясь, отваливалась влажными клейкими кусочками с дурным запахом. Однако каучук все еще предохранял жилы проводов, так что электрические цепи продолжали работать и системы связи оставались нетронутыми; ни к инженерам, ни к диспетчерам никаких тревожных сигналов не поступало.

Реакция нарастала медленно, если не считать легкого шипения вздувающихся и лопающихся на поверхности изоляции пузырьков. Пузырек за пузырьком — и тоннель постепенно стал заполняться газом. Частично он рассеивался, частично отсасывался вентиляционными устройствами, но какое-то его количество все же задерживалось в путевых «карманах», накапливалось во вспомогательных помещениях и между поперечинами тоннельного свода.

На улице толпы служащих спешили домой, закрывая лица воротниками пальто от пронизывающего декабряского тумана. Входы в метро, как разверстые пасти гигантских доисторических чудовищ, заглатывали людские потоки, и те стекали по ступенькам и эскалаторам вниз, навстречу яркому свету и теплу. Едкая мгла замедлила уличное движение едва ли не до скорости пешехода, машины нетерпеливо рычали и чадили, повинуясь жестам полисменов в надетых поверх шинелей светящихся оранжевых жакетах.

А под землей, в заполненном газом тоннеле Сэмсоновской линии, реакция наконец-то оголила две медные жилы. Они располагались одна над другой, и верхняя, под напряжением 170 вольт, провисла над нижней, которая была заземлена. Они соприкос-

нулись. Мгновенная искра — и ток, питавший линию, оборвался.

В диспетчерской на Кобург-стрит дежурный инженер в изумлении поднял брови: перед ним загорелся невиданный прежде сигнал. В ту же секунду в тоннеле раздался первый взрыв — вспыхнул пойманный в ловушку газ. Произошло это в промежутке между двумя поездами, движущимися на север, и ударная волна оказалась, таким образом, стиснутой цилиндрическим пространством между ними.

Стремительная стена пламени ударила в хвост первого поезда и разнесла стекла в кабине машиниста второго. Когда сила взрыва достигла апогея, крепление секций тоннеля не выдержало, и они разошлись, потянув за собой стальные и бетонные конструкции расположенной выше линии Иннер-серкл. Между линиями проходила шестидесятисантиметровая газовая труба — она лопнула, и вниз, в тоннель, хлынул еще и поток бытового газа. Он заполнял пространство между двумя поездами, а на стенах искореженного тоннеля еще тлели недогоревшие провода. Достигнув определенной концентрации, смесь бытового газа с воздухом тоннеля тоже взорвалась.

С ревом, слышным на километры вокруг, тоннель Сэмсоновской линии взлетел вверх, пробив кирпичный свод Иннер-серкл и метровый слой грунта, отделявший его от поверхности. Именно в этот момент Джеррарда и его спутников глубоко под землей швырнуло навзничь на рельсы.

Мостовая вдруг стала постепенно, как при замедленной съемке, вспучиваться, а потом лопнула, словно волдырь, и из-под земли к небесам вырвался, как при ядерном взрыве, желто-оранжевый огненный шар. Ударная волна, всколыхнув туман, разорвала его на кривые полосы и понесла сквозь плотные ряды машин.

Движение прекратилось: машины сталкивались, переворачивались, вылетали на тротуары, сбивая пешеходов. Огромный грузовик с прицепом, груженный стальными трубами, развернувшись юзом, сшиб две другие машины, а его кабина, отделившись, перевернулась и съехала в зияющую дыру. Трубы свалились и покатились на онемевшую от ужаса толпу, круша и подминая ее под себя, подобно чудовищному рольгангу.

На линии Иннер-серкл машинист тщетно пытался остановить переполненный состав, мчавшийся в сторону взрыва. Но это ему не удалось, и головной вагон вылетел на участок, лишенный опоры, пошел под уклон и спикировал вниз, на Сэмсоновскую линию. Вагоны смяли друг друга, обратившись в кровавое месиво пополам со стеклом и щепой.

Лопнувшая газовая магистраль, еще недавно замурованная в бетон между двумя тоннелями, теперь извергала ввысь десятиметровый столб огня. Гигантский факел плясал на обломках вагонов, и высохшая от времени древесина превращала их в кошмарный погребальный костер.

Из желтой мглы показались пронзительные синие «мигалки» полицейских машин, тревожно взвыли сирены карет скорой помощи. В фургонах прибыли люди в форме, которые быстро и умело оттеснили толпу и перекрыли подъезды к району бедствия. Пожарные боролись с пламенем, извергавшимся из кратера.

Джеррард обвел спутников взглядом. Анна кивком показала на начальника станции:

— Что с ним?

— Вероятно, выкарабкается, если мы не застрянем здесь уж очень надолго, — ответил Джеррард. — Левосторонний отек легкого...

— Этого нам только не хватало, — буркнул Первис и отвернулся. Посмотрев в тоннель, он добавил: — Долго они там собираются возиться? — По тоннелю уже начал просачиваться дым. — Здесь мы скоро по-просту задохнемся...

— Но мы все еще не знаем, что произошло, — откликнулся Джеррард.

Первис посмотрел на него с раздражением.

— Черт с ней, с причиной, но не бросать же здесь этого бедолагу!

Тут Джеррард обратил внимание на третьего из компании Первиса: это был тощий человек с темными волосами и каким-то птичьим лицом. За все время он не проронил ни слова.

— Ладно, — сказал канадец, — только помогите мне оба...

Первис кивнул в сторону тощего:

— Это Харди, секретарь нашей фирмы...

Джеррард вновь подумал, что представляться в подобных обстоятельствах — совершеннейший абсурд.

Дым уже вился вокруг них, начальник станции дышал, широко раскрывая рот и время от времени надрывно кашляя. Джеррард рывком поднял его на ноги. Харди подобрался с другой стороны и подсунул руку под плечо больного, однако сдвинуть обвисшее тело ему оказалось не по силам.

— Извините, у меня что-то не получается, — начал он.

Первис бесцеремонно оттолкнул его.

— Дайте-ка я...

Он положил руку начальника себе на плечи и, ухватившись за нее, оторвал его тело от земли.

Бледная как полотно Вэнди прижимала к носу платочек. Анна прикрыла рот шарфом. Все двинулись дальше — Харди, взяв фонарь, освещал дорогу.

Пошатываясь, они брали по дымному тоннелю, перекресток уже скрылся за спиной. Анна шла следом за Джеррардом, которому не без труда удавалось удерживать на ногах начальника.

— Люк, — тронула она его за руку.

— Да?

— А что если поезд, который позади, покатится на нас?

Джеррард слегка повернулся к ней голову.

— Я тут видел какие-то соединительные проходы. Кажется, Холден называет их сквозными норами. Спрячемся в одну из них...

— Да куда же, черт возьми, подевались эти двое? — ворчал Первис.

В самом деле, они уже прошагали по изгибающемуся тоннелю метров триста, а Слейтера или Холдена не было и в помине.

— Должно быть, мы уже недалеко от следующей станции, — предположил Джеррард.

Но тут Харди сдавленно вскрикнул и, остановившись, направил луч фонаря на что-то впереди. В мутном свете все не сразу разобрали, что это ползущий на четвереньках человек. Когда человек поднял голову, они узнали Слейтера. Невидящими глазами он секунду смотрел на них, а потом упал на рельсы.

Джеррард и Первис, быстро прислонив начальника к стенке, бросились вперед. Джеррард выхватил у оцепеневшего Харди фонарь и склонился над Слейтером. Тот казался мертвым.

— Скорее, — воскликнул канадец, — искусственное дыхание!..

Он ловко перекатил Слейтера на спину и, пощупав пульс, начал ритмически разводить и прижимать его руки к груди. Прошло с полминуты. Джеррард, опять склонившись к лицу Слейтера, уловил первые чуть слышные вздохи. Потом канадец вновь принялся за

работу, и наконец минуты через четыре грудная клетка Слейтера судорожно поднялась и ритмично задвигалась.

Джеррард откинулся к стенке. Он и сам дышал тяжелее обычного.

Первис подошел и протянул ему что-то:

— Дайте, вдруг поможет...

Джеррард взял фляжку в кожаной с серебром оплётке и поднес ее к губам Слейтера. Сначала тот никак не реагировал, а потом закашлялся и раскрыл глаза. Он даже попытался подняться, но скривился от боли.

— Вы можете говорить? — Джеррард бережно приподнял его, помогая сесть. — Что случилось?

Слейтер ответил ему усталым взглядом.

— Не знаю. Путь впереди... завален... частично завален.

— А где Холден?

— Хотел пролезть через завал, потерял сознание. Я старался его вытащить, но... не смог.

Слейтер вновь закрыл глаза, тяжело дыша.

— Пойду посмотрю, — сказал Джеррард.

— И я с вами, — торопливо поднялся вслед за ним Первис.

Уклон впереди оказался неожиданно крутым. Свет фонаря осветил лежащие поперек пути искореженные металлические конструкции и груды обвалившейся земли. Путь был перекрыт, только в одном месте между обломками виднелся лаз. Из-под обвала сочилась вода. Все это не могло не действовать на нервы.

— Бог мой! — воскликнул Первис. — На какой мы глубине?

— По словам Холдена, глубина здесь метров восемнадцать. Над нами всего одна линия, Иннер-серкл. Взрыв, наверное, был где-нибудь там...

Не хватало воздуха. Оба начали задыхаться. Джеррард посветил фонарем в узкий лаз.

— Он, должно быть, полез в эту дыру...

Первис шарил по карманам. В тусклом свете фонаря они увидели торчащую из-под обломков ногу. Услышав за спиной чирканье спички, Джеррард в ярости обернулся:

— Идиот, погасите сейчас же! Газ!

Но пламя спички, коротко мигнув, погасло.

— Не горит. Видно, здесь двуокись углерода...

Дышать стало совсем тяжело. Джеррард почувствовал легкое головокружение — это был первый симптом отравления углекислым газом. Он попытался подобраться к Холдену поближе, но силы изменили ему. Первиса тоже покачивало. Джеррард заставил себя выпрямиться: он уже едва держался на ногах.

— Скорее отсюда! Да двигайтесь же, ради бога!.. — выдохнул он, и они вдвоем, шатаясь как в хмелью и поддерживая друг друга, с трудом выбрались из-под уклона наверх. Добравшись до остальных, оба рухнули наземь.

— Что с вами? — встревоженно вскрикнула Анна.

— Газ... — только и ответил Джеррард. Язык не повиновался ему.

Слейтер сидел с фляжкой в руке. Он уже почти пришел в себя.

— А что с Холденом? — поинтересовался он.

Джеррард слабо покачал головой.

— К нему не пролезть. Никаких шансов. Он, по-видимому, давно умер.

Все помолчали, потом Первис спросил:

— Откуда взялся этот газ?

— Не знаю, — ответил Джеррард. — Ясно только, что нам надо выбираться отсюда, и побыстрей.

— Но здесь-то этот газ на нас не действует?

Голос Харди слегка дрожал.

— Углекислый газ тяжелее воздуха и держится внизу, — ответил Джеррард. — Может, он и поднимается к нам, но постепенно...

С другой стороны тоннеля огонь швырял в них пушистые облака дыма.

— Куда же мы теперь? — спросил Слейтер.

— Кажется, я видел соединительный проход, — заметил Первис, — метрах в пятидесяти отсюда...

— Но мы же не знаем, куда он ведет, — отозвался Слейтер. Он оглянулся на начальника станции, который дышал теперь немного ровнее, но глаз так и не открывал. — Надо выяснить. Растолкайте его!

Первис приблизился к начальнику и потряс того за плечо.

— Эй! — позвал он громко. — Эй!..

Джеррард оттолкнул руку Первиса.

— Дайте мне бренди.

Слейтер протянул фляжку, и Джеррард слегка смочил губы больного. Веки начальника затрепетали, и он открыл глаза. Джеррард склонился над ним, осветив фонарем его лицо.

— Вы меня слышите?

Начальник станции медленно кивнул.

— Нам придется искать другой путь наверх. Тут есть сквозная нора, куда она ведет?

Начальник хлебнул ртом воздух и попытался что-то сказать. Джеррард дал ему еще глоток бренди.

— Там лестница... — проговорил он отрывисто, борясь с удушьем. — Лестница... вниз... на линию... Пикадилли.

— А не вверх?

— Нет... вниз.

— Не станем же мы спускаться еще глубже! — возмутился Первис.

Джеррард в раздражении выпрямился.

— А что еще вы можете предложить? Оставаться здесь? — Дым клубился все гуще. Канадец повернулся к Слейтеру. — Вы в состоянии идти?

Слейтер осторожно пощупал ноги.

— Думаю, что да. Я не подведу!

Джеррард бросил вопросительный взгляд на женщин. Обе кивнули. Тогда он вручил фонарь Слейтеру:

— Мы за вами...

Он подозревал Первиса, и они подняли на ноги начальника станции. Когда они втроем достигли бокового прохода, остальные уже пробрались внутрь. Кое-как им удалось затащить туда и начальника. К немалому общему облегчению, тут было не так дымно и явно ощущался приток прохладного свежего воздуха.

Немного отдохнув, Джеррард с Первисом волоком протащили начальника сквозь небольшой квадратный люк в дальнем конце прохода. За ним оказалось довольно просторное помещение. Спутники их стояли вокруг темного колодца в полу, куда вела старая ржавая лестница.

Харди посветил фонарем вниз. Из отверстия тянуло свежим чистым ветерком. Джеррард решился на риск.

— Есть у вас еще спички? — обернулся он к Первису.

Тот достал из кармана коробок и чиркнул. Спичка загорелась ярким пламенем.

— Газа тут нет, — сделал вывод Джеррард. — Считайте, у нас появился шанс...

— А что делать с этим? — Первис показал на начальника станции, который, опять потеряв сознание, откинулся к стене. — По такой лесенке нам его не спустить...

— Выберемся, тогда возвратимся за ним, — сказал Джеррард. — Пожар ему здесь не страшен, да и дым, пока снизу дует, сюда не доберется.

— Неужели вы его здесь бросите?! — воскликнула Анна.

— Ничего не поделаешь, — ответил Джеррард и заглянул вниз. — Слишком уж он тяжел, без веревок тут с ним не справиться.

— У меня и у вас есть пояса, — продолжала Анна и, посмотрев на начальника станции, добавила: — у него, смотрите, тоже есть. Разве нельзя связать их все вместе?..

— Но в нем без малого сто килограммов! Никакие пояса не выдержат.

В этот момент Вэнди, отвернувшись, залилась слезами, и Анна, к облегчению Джеррарда, оставила спор и принялась ее успокаивать.

— Вот где пригодился бы второй фонарь, — сказал Джеррард.

— Что? — переспросил Первис. — А куда же он делся?

Слейтер пожал плечами.

— Он был у Холдена...

— Почему же вы не забрали его?

Первис был резок и зол. Слейтер ответил просто:

— Я старался спасти человека, а не фонарь!..

Первис бросил на него яростный взгляд, потом направился к лестнице.

— Я на разведку, — заявил он и, перешагнув через край, начал спускаться. Когда его голова была уже на уровне пола, он вдруг остановился. — Дайте мне свой фонарь!

— Он нам самим нужен.

Джеррарду пришлось отвлечься от больного начальника станции. Былое достоинство Первиса испарялось на глазах.

— Не стану я туда спускаться без света! Дайте мне его!

И он властно протянул руку.

— Я вам посвечу, — предложил Джеррард.

Двое мужчин неприязненно уставились друг на друга.

— Постойте, у меня ведь тоже есть фонарик, — вспомнила Анна и открыла сумочку. — Правда, он совсем маленький, но, может быть, пригодится...

Она вытащила крошечный фонарик для подсветки замочных скважин, прикрепленный к колечку с ключами, и включила его. Фонарик послал во мрак тусклый желтенький лучик. Но Первис, не сказав ни слова, взял его и исчез в колодце.

Джеррард обвел взглядом остальных. Потом кивнул Харди:

— Вы следующий. — Харди перелез через край и отправился следом за Первисом. — Теперь вы двое...

Это относилось к женщинам, затем настала очередь Слейтера. Джеррард бросил последний взгляд на начальника станции и, сняв с себя плащ, укутал им бесчувственного толстяка.

— Вы меня слышите? — спросил канадец. Ответом ему было едва заметное дрожание век. — Тогда запомните. — Он говорил почти в самое ухо больного. — Мы пошли за помощью. Понимаете? — Последовал слабый кивок. — Как только сможем, непременно за вами вернемся. А пока вы побудете здесь в полной безопасности.

На этот раз ответного кивка не последовало, только подрагивание век говорило, что больной слышит. Джеррард круто повернулся, посветил фонарем в колодец, затем перекинул ноги на лестницу и начал спускаться. Стены колодца были серыми и липкими, на потемневших от старости кирпичах вились настеки известки. Казалось, что находишься внутри печной трубы. До слуха Джеррарда эхом донесся крик Первиса:

— Я внизу!.. Тут вроде бы все спокойно...

Все стали спускаться резвее, подошвы скрипели на древних скобах, хлопья ржавчины сыпались в глаза.

Добравшись донизу, они очутились в невысоком сводчатом помещении с кирпичными стенами. В дальней стене была тяжелая стальная дверь с массивными засовами. Посреди комнаты на козлах лежали какие-то доски, а на них тяжелые гаечные ключи и разной длины трубы. Возле сварочного аппарата валялись две кирки и лом. На полу стоял чайник, а рядом — две кружки и пакетик чаю. Слейтер принялся рассматривать инструмент, а Анна взяла в руки чайник.

— Тepлый! — воскликнула она.

— Слава богу, — отозвался Слейтер. — Значит, кто-то был здесь совсем недавно. Вопрос только в том, каким путем он отсюда ушел?

Джеррард направил луч фонаря сначала в самый конец помещения, а потом осветил стальную дверь.

— Вот именно, — Слейтер первым выскавал то, что сразу же пришло в голову обоим. — Вероятно, он или они вышли через эту дверь и... закрыли ее за собой. Наверное, так положено, если рядом пожар...

— От того, что мы будем здесь торчать, ничего не изменится, — раздраженно перебил его Первис. — Попробуем выйти другим путем...

Он первым направился в противоположный конец помещения. Тут был спуск. По лицам вновь заструился устойчивый ветерок.

— Воздух-то теплый, — шепнула Анна Джеррарду. Тот мрачно кивнул. — Значит, тут не выйти. Значит...

— Значит, — подхватил Джеррард, — одно из двух: или это просто спертый воздух с линии на другом, более глубоком уровне, или там тоже пожар.

С этими словами он поднял свой мощный фонарь так, чтобы осветить пространство впереди. Там ока-

зался короткий и узкий лаз. В дальнем его конце луч фонаря высветил квадратный железный люк — выход. Тем временем Первис опустил свой фонарик вниз. Свет отразился в большой луже на полу.

— Придется нам лезть в эту лужу, — констатировал он.

— Подождите! — вмешался Джеррард. Первис застыл на месте. — Ну-ка, отойдите немногоЛ

Первис неохотно подвинулся в сторону; Джеррард склонился к лазу и осветил одну из его стенок. По ней шла толстая связка кабелей, едва державшаяся на ржавых кронштейнах. В одном месте провода почти касались поверхности воды. Пролезть под ними было практически невозможно.

— Ну! — сказал Первис нетерпеливо. — Давайте же!

— Легче на поворотах, — огрызнулся Джеррард. — Потерпите. — Он еще раз медленно провел лучом по стене. — А вы что думаете? — осведомился он у Слейтера.

— Чертовски рискованно.

— Почему? — поинтересовался Первис.

— А потому, — ответил Слейтер, — что если эти провода под током и кто-нибудь заденет их, стоя в воде, из него получится неплохо зажаренный бифштекс.

— Какой здесь может быть ток? Мы видели десятки лампочек, и ни одна не горела...

— Их могли просто выключить. А выключатель, допустим, по ту сторону двери.

— Все равно я полезу, — сказал Первис в раздражении и уже наклонился, чтобы втиснуться в узкую горловину.

— А я нет, — голос Слейтера казался особенно спокойным после упрямых и безапелляционных реплик Первиса. — Вам не пробраться на ту сторону, не задев проводов.

Теперь, когда глаза попривыкли к темноте, они стали различать слабый свет, исходивший с противоположной стороны лаза.

— Там что-то светится,— заметил Первис.

— Вот именно,— сухо отозвался Слейтер.— Потому-то я и не советую вам лезть туда.

— А вы можете предложить что-нибудь другое?— осведомился Первис.— Возражать вы мастак, а где ваши предложения?

Слейтер еще более понизил голос и заговорил сдержанно, почти шепотом:

— Будут и предложения, только соблаговолите выслушать.— Первис угрюмо уставился на него.— Пойдемте, я вам кое-что покажу.— Слейтер повел их обратно и осветил фонарем сварочный аппарат.— Вот, извольте. Все в полном комплекте.— Он бросил взгляд на дверь.— Держу пари, мы сумеем выжечь все эти замки и врезать запоры...

Подняв фонарь, он поднес его к двери и вдруг издал торжествующий возглас. На стене была небольшая распределительная коробка.

— Вот это повезло,— сказал Слейтер. Шагнув вперед, он открыл коробку и опустил вниз рубильник. Тотчас же комнату залил яркий свет, и все, как по команде, инстинктивно прикрыли глаза руками.— По-моему, мы ухватили судьбу за хвост. В нашем распоряжении есть средства пройти через запертую дверь. Надо думать, эта дверь ведет наружу, иначе рабочие торчали бы здесь до сих пор. Разумеется, они ушли только этим путем. И... — он осмотрелся еще раз,— кажется, — он наклонился,— здесь есть даже еда!

— Еда? — переспросила Анна.— Где еда?

Слейтер показал на маленький деревянный ящилик.

— Они оставили нам завтрак.

Анна раскрыла ящичек и извлекла из него немногого сыра, сухое молоко, сахар и жестянку, в которой оказались бисквиты. Первис тем временем обследовал дверь.

— Листовая сталь. Толщина не менее сантиметра. Нам никогда с ней не справиться...

Слейтер вдруг, всхлипнув от ярости, резко обернулся и оттолкнул бизнесмена к стенке.

— Да заткнешься ли ты, наконец? Осточертел...

Первис секунду помедлил, потом глаза у него сузились, и он ринулся на Слейтера с поднятыми кулаками. Джеррард встал между ними:

— Вам не кажется, что у нас хватает забот и без матчей по боксу? Только силы попусту тратите, прекратите!..

Какое-то мгновение казалось, что они оттолкнут Джеррарда и схватятся. Но боевого задора у спорщиков не хватило. Первис изо рта отошел и сел на доски рядом с Вэнди, а Слейтер принялся за осмотр сварочного оборудования.

Минуту спустя Первис вытащил свою фляжку, встрихнул ее, проверяя, много ли там осталось, затем долил из чайника теплой водой и, навинтив колпачок, еще раз встрихнул, чтобы получше перемешать содержимое.

— Тут немного, но, надеюсь, поможет,— сказал он, предлагая фляжку Анне.

Анна сделала глоток и пустила спиртное по кругу. Последним оказался Слейтер — он перевернул фляжку вверх дном и опустошил ее.

С четверть часа они просто сидели в ожидании, пока благодатное тепло не разольется по усталым костячкам. Лица их давно покернели от сажи. Безупречный деловой костюм Первиса был помят, а кое-где и разорван. Когда хмель взял свое, завязался разговор.

Джеррард неожиданно для себя увлекся беседой с Харди, который по рождению тоже оказался канадцем, просто его акцент за десять лет жизни в Лондоне сгладился. Харди был дипломированным социологом, он специализировался на изучении рынков сбыта и работал на Первиса. Джеррард не удивился, когда узнал, что фирма Первиса выпускает снаряжение для бульдозеров.

Но вот Слейтер, посмотрев на часы, поднялся на ноги.

— Пора начинать! Помогите мне, пожалуйста, — обратился он к Джеррарду.

Вдвоем они кое-как перетащили тяжелые баллоны поближе к двери. Слейтер отвернул главный вентиль и отрегулировал давление.

— Как вы думаете, сколько это займет времени? — спросил Джеррард, кивнув на дверь.

— Не знаю, — ответил Слейтер. — Я давненько не имел дела с этими штуками, но не менее двух-трех часов, все зависит от структуры металла. Дай нам бог, чтобы в баллонах хватило газа.

Оба они хрипло дышали, на лбу у Слейтера выступили капельки пота.

— Вы заметили... — начал Джеррард.

— Да, — перебил Слейтер, — с каждой минутой здесь становится жарче, видно, и содержание кислорода в воздухе падает...

— Точно, — согласился Джеррард. — Не говорите только другим. — Он многозначительно щелкнул по баллону с газом. — Что-что, а дышать нам эта штука не поможет...

— Мы теряем время, — отрывисто бросил Слейтер. — Не могли бы вы отвести всех отсюда подальше? Иногда пламя горелки создает обратный удар, и баллоны взрываются, словно бомбы. Не стоит лишним болтаться рядом.

Слейтер надел защитные очки и открыл вентиль, регулируя подачу кислорода: пламя ударило жесткой свистящей синей струей. Анна решила подняться проводить начальника станции. Джеррард подошел к остальным:

— Придется податься немного назад, просто на всякий случай...

— Что вы имеете в виду? — осведомился подозрительный Первис.

Джеррард кивком показал на пылающий ацетилено-кислородный резак.

— Бывает, они варываются. Лучше отойти...

Они оттащили тяжелые скамьи в самый дальний угол. Здесь стало заметно теплее, перед ними поблескивал железный квадрат лаза, в глубине которого тускло мерцала вода.

Джеррард возвратился к лестнице. Подняв фонарь, он посветил вверх. Анна уже спускалась. Он опять обратил внимание на ее длинные изящные ноги. «Забавно, пятьдесят на пятьдесят, что мы не выберемся отсюда живьем, а она и сейчас волнует меня...» — подумал он.

Спустившись, Анна заглянула канадцу в лицо:

— Недаром меня учили, что женщина должна избегать крутых лестниц, — сказала она. Джеррард пожал плечами и, ощущив смущение, отвел глаза. Тогда она улыбнулась. — А ему значительно лучше...

— Настолько, что он может спуститься к нам?

— Не знаю, — заколебалась Анна, — посмотрите на него сами.

Джеррард стал карабкаться вверх. С каждой ступенькой воздух становился все горячее, так что, добравшись до верха лестницы, он буквально взмок. Дыма тут по-прежнему было немного, но появился едкий химический запах, от которого першило в горле.

Начальник станции расположился подле лампочки у входа в шахту. Склонившись, он что-то писал. Канадец потрепал его по плечу — вздрогнув, он вскинул глаза. Джеррард едва сдержал улыбку, когда увидел, что больной занят разгадыванием кроссворда из захваченного номера «Дейли миррор».

— Значит, вам лучше? — спросил канадец.

— Много лучше, благодаря вас, сэр, — ответил начальник. Лихорадочный румянец исчез с его лица, да и дышал он, пожалуй, гораздо свободнее. Скатав свою форменную тужурку, он облокотился о нее. — Мне здесь вполне удобно. Да и кроссворд напался. Не беспокойтесь обо мне, шеф!

Наклонившись, Джеррард пощупал его пульс.

— Осилите вы спуск?

Начальник станции покачал головой.

— Не думаю. И уж если доберусь донизу, то назад взобраться точно не смогу. Кроме того, — добавил он, — пожар, наверное, скоро погасят, придут спасательные команды. Я думаю, мне лучше оставаться здесь.

Джеррард отнюдь не разделял подобного оптимизма, но спорить не стал.

— Воистину вы самый хладнокровный человек в нашей компании, — покривил он душой. Потом бросил взгляд в сторону тоннеля: — Пойду посмотрю, что там.

Он двинулся по уже знакомому пути вдоль зашлесневелых кирпичных стен к главному тоннелю. Стены были теплыми на ощупь. В отдалении опять послышался хруст и треск бушующего огня. Волна удушливого горячего воздуха заставила его повернуть обратно к толстяку-начальнику.

— Мы там внизу пытаемся открыть дверь. Когда вылезем, снова взберемся за вами и захватим с собой, договорились?

Начальник станции кивнул и с усмешкой бросил:

— Только не задерживайтесь слишком, а то моя хозяйка распилит меня на части...

— На какое-то время тут может стать еще жарче, но имейте в виду, как только мы откроем ту дверь, циркуляция воздуха сразу улучшится. Тогда у вас здесь будет настоящий сквозняк. Он мигом все остынет.

«Интересно, сознает ли этот человек опасность?— подумал Джеррард.— Может, и сознает, но не подает виду... Пристроился к свету, разложил себе кроссвордик. И ни о чем не хочет беспокоиться, пока в том нет прямой нужды». Джеррард улыбнулся ему еще раз и полез обратно в колодец.

Внизу, заслонив глаза от блеска пламени, он сразу же подошел к Слейтеру. Горелка едва прожгла в металле жалкую полукруглую дырочку. Слейтер на секунду прекратил работу, отбросил с глаз очки, вытер лоб. Он давно уже снял пальто и галстук, пот ручейками струился у него по шее.

— Право, не знаю, горелка ли виновата, металл или я,— сказал он,— только боюсь, что дело движется чертовски медленно. А что там?..

Он жестом показал вверх. Джеррард рассказал.

— Значит, это единственный выход,— подвел итог Слейтер,— если только наши спутницы не протиснутся сквозь ту ловушку.

Он подразумевал лаз. Джеррард покачал головой.

— Слишком рискованно. Одно неверное движение — и...

Не договорив, канадец выразительно повел плечом. Слейтер кивнул и, снова напялив свои очки, занялся дверью. Джеррард присоединился к остальным. Вэнди, совершенно измучившись, прикорнула на груди у Харди. Для того это послужило поводом, чтобы сказать Джеррарду:

— У меня у самого дочка. Только не здесь — я отослал ее домой в Канаду. Ходит в школу в Торонто...

Говорил он, слегка запинаясь, дыша чаще и глубже обычного.

Анна тем временем раскладывала на маленькие аккуратные порции еду. Она встретила Джеррарда улыбкой и показала на два бисквита:

— Это вам...

— Все мне?

— Не валяйте дурака, иначе заберу обратно.

— Ну, разумеется, вам к этому не привыкать, — ответил Джеррард с усмешкой.

— Не люблю вспоминать, — вновь улыбнулась Анна, — но в детстве я ходила в походы со скаутами. Знаете их девиз: «Будь начеку!»? Беда лишь в том, что я так и не научилась ему следовать...

Джеррард поискал глазами Первиса. Тот стоял с себя уже не только пиджак, но и рубашку и расхаживал взад и вперед возле лаза.

— Тарзана заперли в клетку, — заметила Анна.

— Хоть бы сидел спокойно, — отозвался Джеррард. — А то только понапрасну кислород тратит. Что, если мы немного отдохнем? Устраивайтесь, — похлопал он себя по колену.

Анна не заставила себя упрашивать, легла на скамейку и положила голову на колени Джеррарда, который, откинувшись к стене, закрыл глаза и попытался забыться.

Однако сразу заснуть он не смог. То и дело он поглядывал на ее блестящие змеистые волосы, на смугловатое лицо с высокими скулами и длинными темными ресницами. Ему подумалось, что она — едва ли не точное воплощение его идеала женской красоты, «Твое лицо одно из всех» — это Шекспир или «Целуй меня, Кэт»?

Однажды, много лет назад, он повстречал девушку, которая была очень похожа... лицо у нее было почти таким же. Но Анна чем-то ближе к его идеалу. И, подумать только, она замужем за Арнольдом Креймером!.. Он постарался отогнать эту мысль и сосредоточиться на том грандиозном бедствии, какое, видимо, разразилось там, над их головами,— там могло выйти из строя все: связь, освещение, газо- и водоснабжение, транспорт...

Широко ли распространилось это явление? Разрушаются ли пластмассы повсеместно, по всему городу, или только в районе Кингз-кросс? Видение полупарализованного Лондона оказалось непосильным для его утомленного мозга. Мысли становились все более вялыми, и он провалился в глубокий сон.

Кемптон-стрит к востоку от Эджвар-роуд почти круглосуточно запружен транспортом. По обеим сторонам мостовой теснятся стоянки для легковых автомобилей и грузовиков, ограничивающие движение в каждом направлении до одного-единственного нервозного ряда.

В центре мостовой выделяется островок, который сулит временное спасение пешеходам, пытающимся увернуться от нетерпеливых, раздраженных водителей. На этом островке возвышается еще один островок — торец громадной бетонной трубы, отверстие которой прикрыто литой чугунной решеткой. Здесь на поверхность выходит вентиляционная шахта линии метро Бейкерлоо. Обычно из-под решетки в промозглую атмосферу улицы вырывается устойчивый поток теплого несвежего воздуха с запахом гудрона и хлорки.

В тот момент, когда взорвалась станция Кингз-кросс, Кемптон-стрит была заполнена прохожими.

Энергично работая локтями, люди прокладывали себе путь к автобусным остановкам или машинам, притиснутым к счетчикам платных стоянок.

А в шахте, что вела к решетке, беззвучно и неумолимо поднималась к поверхности дурно пахнущая жидкая масса. Она пенилась и росла, росла словно на дрожжах... Каждая ее клетка делилась и распадалась на двое. Две тут же превращались в четыре, четыре — в восемь. Не ведая недостатка в питательных веществах, они бесконечно и неуклонно следовали своей единственной цели — делиться и расти, чтобы снова делиться.

Час за часом, день за днем выходящая на Кемптон-стрит шахта заполнялась вспухающей пеной, которая добралась почти до решетки.

Безвестный прохожий, остановившись на островке посреди улицы, закурил сигарету и бросил спичку. Она провалилась в решетку.

Последовала короткая вспышка, сильный глухой удар, и бетонная шахта раскололась, будто картонка для шляп, разметав незадачливого прохожего в пыль. Чугунная решетка взлетела в воздух, ударилась о тротуар и прокатилась по нему, давя пешеходов, словно обруч дитяти-великаны, пока не пробила стену магазина полуфабрикатов и не улеглась на ложе из расплющенных коробок и битого стекла.

В центральной диспетчерской лондонского метро на Кобург-стрит царила паника. Все высшие чиновники собрались здесь в большой овальной комнате, смятенно вглядываясь в схему подземных магистралей.

Дежурные у пультов тщетно пытались помочь поездам, красными точками отмеченным на схеме. Было очевидно, что масштабы катастрофы стремительно разрастаются, угрожая охватить все сто двенадцать километров тоннелей.

Десятки поездов со скрежетом останавливались на перегонах. Орды перепуганных пассажиров совершили вынужденные прогулки, устремляясь по затхлым темным тоннелям к спасительному свету ближайших станций. Все это сопровождалось еще и мелкими взрывами, пожарами, из строя вышли практически почти все провода и кабели. По мере разрушения пластмасс, которое приобретало все больший размах, стройный порядок подземной системы превратился в совершеннейший ералаш. И в конце концов главный инженер системы отдал приказ, единственно возможный в создавшихся обстоятельствах,— закрыть метро.

Над землей, в стылом декабрьском воздухе, навис запах разлагающейся пластмассы. Отвратительный сладковатый запах, подобный запаху гниющего мяса. Он заполнил улицы и дома, мастерские и подвалы.

Огни светофоров погасли, напрочь парализовав движение. На центральной телефонной станции полетела изоляция в главном зале релейных искателей. Разрушение пластмасс не миновало и радиовещание. Из эфира ушли первая, а за ней и четвертая программы. Попробовали ввести дублирующее оборудование, но и оно отказалось. На Уордор-стрит вспыхнула газовая магистраль: оказалось, что регуляторы давления герметизированы полипропиленом.

На Грик-стрит на верхнем этаже гравировальной фабрики помещался пластмассовый резервуар с концентрированной азотной кислотой; разложение коснулось и его, он деформировался, лопнул, и поток кислоты хлынул сквозь потолок в расположенную ниже контору. Юные секретарши и клерки с воплями выбегали из помещения, подгоняяемые обжигающим дождем, от которого на коже вздувались огромные волдыри.

Распухали и расползались пластмассовые водопроводные трубы, вода затопляла жилые дома, магазины, рестораны.

Темп разрушений неумолимо нарастал, аварии множились. Спустя буквально двое суток центр Лондона превратился в замерзающий содом, лишенный света, отопления и транспорта.

В агентстве Креймера Бьюкен с возмущением бросил телефонную трубку.

— Ни от кого ничего не добьешься. Такое впечатление, что никто и понятия не имеет, что с ними случилось.

— Сколько времени прошло с тех пор, как они спустились? — спросил Райт.

Бьюкен посмотрел на часы.

— Часов восемь, не меньше.

— Но должен же кто-то в управлении хотя бы знать, с кем они полезли в тоннель? Разговор-то был о Сэмсоновской линии?

— Да, — ответил Бьюкен, — только с управлением теперь тоже не свяжешься. Я уже пробовал. Все, чего я добился в последний раз, это записанного на магнитофон совета позвонить по другому номеру.

— Ну, и вы звонили?

— Звонил, разумеется. Но номер не отвечает.

— Может, съездить к ним на машине? Тогда уж...

— Минуточку, — вмешался Скэплон. Подойдя к телевизору, он повернул ручку регулятора громкости.

Диктор с экрана вещал с явно наигранным спокойствием:

— Вам, несомненно, уже стало известно о весьма серьезных происшествиях в центре Лондона. Следующие передачи пойдут одновременно по второй программе Би-би-си и по системе промышленного

телевидения. Мы постоянно рекомендуем вам не выключать свои телевизионные приемники, особенно если вы проживаете в центре Лондона...

Изображение диктора уступило место тщательно подобранным цветам в вазе на сверкающем полированной столе. Затем камера отъехала назад, и перед зрителями предстал угрюмый, насупленный лик министра внутренних дел. Голос диктора представил его:

— Слово имеет мистер Джастин Бредбери...

Лицо министра оставалось неподвижным чуть дольше, чем следовало бы, должно быть, он ждал сигнала оператора,— но вот он заговорил:

— Добрый вечер! Я выступаю перед вами, чтобы сообщить о некоторых решениях, принятых сегодня на чрезвычайном заседании кабинета министров. Все вы уже знаете о катастрофах, которые произошли в центре Лондона. В результате их трагически погибли или пострадали многие наши соотечественники. Большинство из вас, наверное, слышали, что эти события вызваны неизвестным до сих пор процессом, который охватывает и разрушает многие виды пластмасс. К сожалению, я со всей прямотой должен сказать, что попытки сдержать и тем более остановить распространение этого грозного процесса пока не увенчались полным успехом...

— Почему он не скажет просто, что они провалились? — вставил Бьюкен.

— ...и, несмотря на принятые нами решительные меры, наши советники по вопросам науки пришли к выводу, что многие городские службы могут полностью выйти из строя, поскольку процесс распространяется все с большей скоростью. Я сознаю, что с этим нелегко смириться, однако мы располагаем неоспоримыми фактами. Вместе с тем должен вам сообщить...

Камера слегка переместилась, чтобы зрители видели его нервно подрагивающие пальцы.

— что сегодня в полдень ее величество королева подписала вердикт о чрезвычайном положении, который дает правительству неограниченные полномочия предпринимать любые шаги, чтобы как можно быстрее и эффективнее справиться с создавшейся ситуацией.

В настоящее время с помощью вооруженных сил в зоне поражения устанавливаются специальные посты. Поскольку телефонные станции там практически не работают, связь будет осуществляться по временным линиям, которые сейчас прокладываются. Каждый, кто заметит какие бы то ни было признаки разрушения пластмасс, должен немедленно сообщить об этом на ближайший пост. На место поражения будут высланы специальные дезинфекционные команды, которые примут соответствующие меры.

Ученым еще не удалось выяснить, чем вызвано разрушение пластмасс, однако установлено, что оно распространяется, подобно острой инфекции. Обращаться с пораженной пластмассой следует с такой же осторожностью, как если бы она была инфицирована.

Теперь мне придется перейти к самой сложной части моей задачи. Я вынужден уведомить вас, что, опираясь на полномочия, предоставленные нам вердиктом о чрезвычайном положении, правительство приняло решение закрыть пострадавший район.

Это решение уже проводится в жизнь. Вокруг упомянутого района сосредоточиваются войска, задача которых перекрыть все возможные входы и выходы. Начиная с этой минуты все, кто находится в районе бедствия, не вправе покинуть его, за исключением некоторых особых случаев...

Скэнлон встал и выключил приемник, сосредоточенно уставившись в одну точку, он заговорил:

— Милосердный боже, вы только подумайте! Уберите из современного города все пластмассы, и что

останется — сплошная разруха. Мы все, оказывается, полностью зависим от них.— Он повернулся к Райту.— Страшно подумать, но если это наша продукция...

— Едва ли нас можно в чем-нибудь обвинить.

Если Райт и был напуган, то он твердо решил этого не показывать. Бьюкен хладнокровно перевел взгляд с одного на другого.

— Еще как можно! И не только вас, всех нас...

— Нашли время бить себя кулаком в грудь,— откликнулся Райт.

Бьюкен хлопнул ладонью по газетам, разложенными на столе, и вскочил на ноги.

— Мой бог, ну что за народ теоретики! Можно подумать, что вы обсуждаете какой-то отвлеченный вопрос теоретической химии. Вы что, в самом деле не понимаете, что все это прямо связано с вами? Рассыпается самая основа, на которой держится город, и мы, возможно, несем за это полную ответственность!..

Райт внезапно вспылил:

— А что мы можем сделать? Разумеется, я обеспокоен...

— Но вы не желаете признавать свою вину!

— Я признаю ее, если и когда возникнет такая необходимость, но нельзя же отрываться от земли! В нашем распоряжении нет достаточных фактов. Мы разработали аминостирен, мы продали его со всеми экспериментальными данными, мы ни от кого ничего не скрывали. Вы знаете это ничуть не хуже, чем я!

Бьюкен отвернулся с негодованием. Скэнлон слабо двинул рукой, словно пытаясь примирить враждующие стороны.

— Больше всего меня поражает,— сказал он,— что, судя по всему, процесс затронул все виды пластмасс. Если бы только аминостирен, тогда да, тогда, наверное, можно было бы найти химические причины.

Например, разрушение под воздействием света — распадается же наш дегрон под влиянием света и кислорода воздуха...

— Не пойдет, — заявил Райт. — Концы с концами не сходятся. Да, действительно, мы придумали самораспадающуюся бутылку: потяните за отрывную полоску, откроите доступ свету и кислороду к внутренней отливке — и она начнет разрушаться. Удобряйте себе на здоровье свой садик или спустите остатки в сортир. Только это еще ничего не доказывает. Нет никаких оснований считать, что то же самое может происходить с другими пластмассами. Они же, по крайней мере многие из них, имеют совсем иную молекулярную структуру — с чего бы им реагировать на свет?..

— Но предположим, — не унимался Скэнлон, — что дегрон обладает еще и свойством передавать свои особенности другим материалам. Предположим, что существует некий фактор икс, переносчик этих особенностей от одного вида пластмассы к другому, что тогда?

— Чтобы это могло произойти, — заявил Райт, — ваш таинственный икс должен был бы располагать накопленной информацией. Можно было бы допустить лишь одно из двух: или некий универсальный реактив, или, скажем, живая клетка...

— Клетка? — воскликнул Скэнлон. — А вдруг? Согласен, химического соединения, реагирующего со всеми видами пластмасс, быть не может, но клетка, живая клетка — она подошла бы вполне. Крохотная убогая козявка — животных таких, разумеется, нет, а вот у бактерий бывают самые странные вкусы. Ведь есть бактерии, которые поедают ржавчину.

— Честно говоря, — перебил Бьюкен, — в данный момент меня больше интересует судьба Анны. Куда к черту запропастился Креймер, хотел бы я знать?..

Скэнлон ответил многозначительным взглядом.

— Он все еще в Кембридже.

— Надо разыскать его!

— Совершенно непонятно, почему он до сих пор не вернулся сам,— сказал Бьюкен.— Если бы моя жена вот так застряла под землей...

— Но он-то,— вставил Райт,— он-то об этом знает или нет?

Просыпался Джеррард мучительно. Ему снилось, что на лицо и грудь навалился какой-то большой мохнатый зверь. Под тяжестью зверя дышать становилось все труднее, а тот давил все сильнее и сильнее...

Под конец привиделось, что зверь, неторопливо повернув морду, уставил на него круглыми блестящими желтыми глазами. Джеррард разом очнулся и вскочил, едва не сбросив Анну на пол. Она, вскрикнув, тоже проснулась.

Канадец окончательно пришел в себя и осмотрелся.

— А где остальные? — спросил он.

Скамья рядом с ними была пуста. Рубашка на Джеррарде взмокла от пота, хоть выжимай; воздух в каморке сгустился, подернулся дымкой и невыносимо прогрелся. Чтобы сказать хоть что-нибудь, приходилось ловить его широко раскрытым ртом. Сколько они ни всматривались в темноту, им удавалось разглядеть лишь силуэт Слейтера в ореоле искр, летящих от горелки. И никаких следов другой троицы.

Внезапно в той стороне, где был лаз, что-то ярко вспыхнуло, раздалось не то громкое шипение, не то треск, сопровождаемый протяжным криком.

Джеррард поспешил включил фонарь и осветил лаз. У входного отверстия, по колено в воде, стояла

Вэнди. Ее была неудержимая крупная дрожь, перед ее платья был порван и обожжен. Анна кинулась на помощь Вэнди, но Джеррард успел схватить ее за руку.

— Назад!..

Он направил луч чуть дальше. Показалось еще одно тело. Оно распласталось по стене в неправдоподобной позе распятия, с широко раскинутыми руками, лицо было перекошено от боли, язык вывалился. Очень медленно тело сползло вниз, к воде. Джеррард посветил фонарем ниже. Обнаженные провода теперь лежали поперек входа, одна из провисших петель скрылась под водой. Он снова бросил луч на лицо и узнал Харди.

Первый бесследно исчез.

Джеррард передал фонарь Анне, а сам отбежал назад. Там, возле кучи инструмента, лежал свернутый резиновый шланг. Он потащил этот шланг к лазу. Слейтер, увлекшись своим делом, по-видимому, до сих пор ничего не заметил.

Джеррард ухитрился быстро размотать бухту и, захлестнув шланг вокруг талии пострадавшей, выволосил ее из воды на бетонный пол. Вэнди была смертельно бледна, но еще сумела сделать несколько коротких, неуверенных вздохов. Вдруг она судорожно дернулась, веки ее задрожали, и короткое трепетное дыхание оборвалось. Тело сразу обмякло.

Не теряя ни секунды, Джеррард наклонился над девушкой и принял ритмично поднимать и опускать ей руки. Реакции не последовало. Он наклонился еще ниже и, оттянув ей нижнюю челюсть и закинув назад голову, попробовал применить прием, который врачи называют «поцелуем жизни»: выдохание воздуха изо рта в рот. На мгновение подняв взгляд, капитан увидел, что Слейтер стоит рядом и Анна объясняет ему, что произошло.

Безмолвно и беспомощно они следили, как Джеррард пытается вдохнуть жизнь в тело погибшей. Тянулись долгие минуты, а он все так же продолжал глубоко заглатывать сырой горячий воздух и вдувать его в раскрытый рот Вэнди, через каждые два-три вдоха безуспешно пытаясь нащупать пульс у нее на шее.

Наконец он сложил ей руки крестом одну на другую и стал часто и сильно нажимать через них на грудную клетку. Опять попробовал пульс. Прошло уже с четверть часа. Тогда он выпрямился. Пот градом катил у него по лицу.

Он посмотрел на товарищей, но никто не нарушил молчания. Джеррард бережно поднял хрупкое тело девушки, перенес его на козлы и прикрыл своим плащом.

Анну била дрожь, она спрятала лицо в ладонях. Джеррард бережно обнял ее за плечи.

— Я больше не в силах ничего сделать, Анна. Тут слишком спертый воздух, слишком мало кислорода...

— А что с Харди? — осведомился Слейтер.

— Харди досталось еще сильнее, — ответил Джеррард. — Он мертв. — Канадец показал на тело Вэнди, распростертное на досках. — Должно быть, Харди сыграл роль сопротивления, и ее ударило током через него...

С этими словами он направился к стальной двери. Слейтер сумел проделать вокруг замка восьмисантиметровый разрез.

— Что у вас? — спросил Джеррард. — Как давление?

Он бросил взгляд на вентили баллонов. Слейтер кивком подтвердил его догадку:

— Быстро падает. Буду продолжать до последней возможности, но...

Безнадежно цожав плечами, Слейтер отвернулся к двери и вновь натянул очки. Пламя горелки отбрасывало на замшелые кирпичи свода гигантские танцующие тени.

В конце концов разрез в листовой стали охватил замок с двух сторон. Пожалуй, теперь можно было попробовать просунуть туда острие лома. Джеррард подал Слейтеру знак отойти. Тот выключил ацетиленовую горелку и снял очки.

— Ну что ж, — одобрил Слейтер, — давайте попробуем. Газа уже все равно почти не осталось...

Вдвоем они вставили острий конец лома в прорезанную щель. Лом едва входил, и Джеррард принес молоток. Слейтер поддерживал лом на весу, а канадец наотмашь бил по другому его концу, пока острие не заклинилось надежно в щели. Затем они вдвоем навалились на лом, как на рычаг. Металл начал слегка подаваться.

— А ну еще!

Двое мужчин буквально повисли на своем орудии, Анна уперлась им в спины, пытаясь помочь, но все усилия были тщетны. Лом, когда его отпустили, остался торчать в двери, словно индейская стрела в борту переселенческого фургона. Изнуренные, они прислонились к противоположной стене.

Тогда Анна обратила внимание на тяжелую скамью.

— Может быть, использовать ее как таран?

Джеррард медленно покачал головой. Все трое хрипели и задыхались, рубашки были насквозь пропитаны потом. У Анны блузка, обтянув грудь, прилипла к коже.

— А может, ударить этой скамейкой по лому? — предложила она.

Джеррард обменялся взглядом со Слейтером.

— Давайте, — устало пожал тот плечами.

— Ладно,— согласился Джеррард. Он первым подошел к массивной скамье, и они втроем подняли ее, слегка покачнувшись под тяжестью ноши.— Если мы разбежимся отсюда и не промажем, то, может, что-нибудь и получится...

Они оттащили скамью еще дальше назад, стали потверже на ноги, а потом неуклюже бросились к цели. Но просчитались и врезались в дверь. Удар заставил их выронить скамью и сбил с ног. Падая, скамья задела Слейтера по ноге, и он вскрикнул от боли.

— Попробуем еще раз,— сказал Джеррард.— Я стану направляющим.

Он наклонился над тем концом скамьи, что был ближе к двери, и приподнял его. Слейтер, чуть прихрамывая, занял позицию в хвосте, Анна осталась в середине. На этот раз они выбрали более короткую дистанцию. Джеррард, чувствуя, что грудь его вот-вот разорвется от напряжения, смерил расстояние глазами.

— По-моему, точно,— выдохнул он.— Ну!..

Они снова рванулись вперед, наискось через каморку. Торец скамьи пришелся как раз на лом. Раздался громкий треск, и, отступив на шаг, они увидели, что дверь, наконец, отошла, приоткрав один из клепанных швов. Зазор между дверью и косяком был, пожалуй, достаточен, чтобы просунуть руку.

Джеррард так и сделал и нашупал пальцами длинный засов. Упервшись в стенку, он медленно отжал его вверх. Заскрежетали болты, и дверь со скрипом отворилась.

Они были слишком утомлены, чтобы по-настоящему обрадоваться. Сквозь распахнутую дверь повеяло прохладой, и все трое облегчению расстегнули воротнички, освежая разгоряченное тело. Впереди лежал короткий, едва различимый в темноте коридор.

дорчик, а за ним лестничный марш: ступеньки вели куда-то вверх, а куда — пока не было видно.

Джеррард прошел до самых ступенек и посветил фонарем. Лестница заканчивалась дверью. Еще одной дверью, и эта дверь была затворена точно так же, как и предыдущая.

— Нет, только не это,— взмолилась Анна.— Пожалуйста, пусть она откроется...

Джеррард взлетел по ступенькам, забыв о том, что у него саднит каждая мышца. Потрогал ручку, потом резко потянул ее на себя. Дверь была заперта! Слейтер, прихрамывая, поднялся следом.

— Но должен же быть у нас какой-нибудь выход! — воскликнул канадец, наваливаясь на дверь.

— Если он и есть, то не здесь,— покачал головой Слейтер.

— А наша горелка?

— Там не осталось газа.

— Может быть, есть еще баллоны?

— Ни одного. Я уже смотрел.

Слейтер отвернулся и, ссутуля плечи, поплелся назад по коридорчику; Джеррард тяжело опустился на ступеньки, не в силах отвести взгляд от двери, которая так жестоко отрезала их от надежды на спасение. В самом сердце огромного города их заперли, как в ловушке, в этих подземных лабиринтах. До сих пор у них были свет, вода, даже немного пищи. Долго ли они еще смогут продержаться? И что творится там, на поверхности?

На мгновение Джеррард прикрыл глаза и представил себе Лондон, каким он видел его в кадрах старой кинохроники времен фашистских бомбёжек: остовы зданий, выпотрошенных взрывами и пожарами, перегороженные дороги, залитые водой из лопнувших магистралей, факелы газа, рвущиеся сквозь битый камень... Он напряг всю силу воли, чтобы ото-

тнать от себя это видение, и тут ощутил мягкое прикосновение к своему плечу.

— Очнитесь, Люк. Очнитесь! — звала Анна, склонившись над ним и опустив ему на плечо руку.

— Где Слейтер?

— Растигнулся на одной из скамеек. Идите к нам!

— Не пойду, — ответил Джеррард. — Здесь прохладнее.

Анна вздрогнула.

— Там сейчас как в печке, — согласилась она. — Скажите, мы действительно можем задохнуться от недостатка кислорода?

— Огонь пожирает кислорода столько, сколько захочет... — ответил Джеррард — и запнулся. «Если уж ты не можешь не думать об этом, — обругал он себя, — то делай это про себя».

Анна взглянула на него с любопытством.

— Продолжайте!

— Право, это неважно... — неуверенно отозвался Джеррард.

Она вспыхнула.

— Не надо обращаться со мной, как с глупенькой пустышкой! Будьте добры, договаривайтесь...

— Да я ничего особенного не сказал.

— Ладно, пусть будет так, — и она отвернулась, покусывая пальцы. Джеррард уставился в темноту, передернув плечами. Анна беспокойно пошевелилась. — Вы как хотите, а я возвращаюсь. Здесь дует.

У Джеррарда не было сил спорить. Она выпрямилась и пошла обратно в комнатушку.

«Надо же, — подумал Джеррард, — пока мы все активно действовали, она держалась молодцом. А сейчас, когда вся задача — сидеть и ждать, обижается по любому поводу... Она сказала — дует? Откуда же?..»

Он оглядел стены коридорчика. Да, откуда-то дуло. Его руку обевал чуть заметный ветерок. Казалось, он исходит от стены. Джеррард, подобрав фонарь, старался разглядеть ее повнимательнее. Кирпичи были равномерно серыми, раствор между ними раскрошился и напоминал порошковый мел. Он повел фонарем вдоль стены, высматривая трещину.

Раньше здесь определенно была какая-то дверь: кирпичи явно отличались. Очевидно, ими заделали еще один давний проход. У самого пола одного кирпича недоставало. Наклонившись пониже, Джеррард всматривался в дыру, подсвечивая себе фонарем. Кирпичи шли в один слой, и по ту сторону, хотя он едва различал его, действительно был проход! Воздух, проникавший оттуда, казался холодным и свежим. Пробить эти кирпичи не составит большого труда, и кто знает...

Он почувствовал, что Анна сидит на корточках рядом с ним.

— Я дура,— сказала она.— Извините меня, это все из-за...

Джеррард отмахнулся:

— Не стоит разговоров. Смотрите-ка!

Анна нагнулась ниже и прильнула к расщелине.

— А как мы туда пролезем?

— Там, в комнатушке, есть две кирки. Что, Слейтер все еще спит?

— Спит.

— И давно он спит? — Джеррард посмотрел на часы.— Минут двадцать?

— Что-нибудь в этом роде.

— Дадим ему еще четверть часа, а потом разбудим. А я пока начну сам...

Джеррард сбежал за кирками и приволок их к заложенному проходу. Поплевал на руки, невольно поглядев на ладони. Немало времени минуло с тех пор,

как он последний раз орудовал киркой и лопатой. Поднял кирку — одна рука плотно охватила конец черенка, другая ушла под самый корень стальной насадки — и размахнулся.

Первый удар поднял облако пыли, которая тут же засорила Джеррарду глаза. Разозлившись, он размахнулся и ударил по кладке с новой силой. На этот раз стена отозвалась сладостным грохотом — пяток кирпичей, оторвавшись от своих собратьев, обрушились внутрь. Анна, расположившись чуть позади, уже приготовилась атаковать соседний участок стены и занесла кирку над головой, но Джеррард остановил ее.

— Мне не хотелось бы тащить вас дальше на себе.— Он решительно отобрал у нее кирку и положил на пол.— Отойдите-ка лучше в сторонку и полюбуйтесь моими мускулами...

— Да ну вас!..

Анна рассерженно отступила, а он вновь набросился на стену. Пересохший раствор не удержал кладку, и теперь из нее выпал такой солидный кусок, что Джеррард едва не пролетел насеквоздь. Анна расхохоталась.

— Расшумелись, мерзавцы! — Возле них стоял Слейтер.— Ну, как тут к дьяволу выселившись, когда вы подняли такой грохот?

Джеррард выкарабкался из кучи битого кирпича и встал на ноги.

— Валяйте!

Слейтер поднял с полу фонарь и посветил в пролом. Они увидели еще один сводчатый коридор.

— Целый лабиринт,— заметила Анна.

Слейтер взял вторую кирку, и они вдвоем расширили пролом так, что без труда пролезли в него. Холодный свежий воздух моментально восстановил их силы.

— Тут почти можно дышать,— сказал Слейтер, вбирая его полной грудью.

— Пахнет плесенью,— содрогнулась Анна,— будто в могиле.

— А как прикажете тут пахнуть? — отозвался Слейтер.— Проход был заперт целую вечность,— он осмотрел кирпичи на изломе,— может, даже с давних времен...

— А безопасно ли здесь дышать? Я где-то читала, что в таких случаях иногда накапливаются вредные газы...

— У нас нет выбора,— вмешался Джеррард.— Давайте собирать имущество.

Они возвратились в комнатушку. У стены стояла корзинка, вероятно принадлежавшая сварщику, и Анна положила туда банку с водой и остатки еды. Слейтер взял большую отвертку, гаечный ключ, что-то еще из инструмента и сунул все это себе за пояс. Джеррард решил на прощание еще раз проведать начальника станции.

Добравшись до верха лестницы, он увидел, что тот забылся в глубоком сне. Большой дышал тяжело, с присвистом, по лицу его стекали ручейки пота. Пожар на этом горизонте, по-видимому, продолжал свирепствовать до сих пор, но Джеррард обратил внимание, что дым почти рассеялся. Торопливо пощупавльному пульс, он спустился вниз к остальным.

Анна со Слейтером уже поджидали его у пролома. Мимоходом он бросил взгляд на тело Вэнди. Труп был по-прежнему прикрыт, но теперь не плащом, а куском ветхого брезента. Плащ оказался в руках у Анны, и она, не говоря ни слова, протянула его Джеррарду, как только тот подошел. Это тронуло канадца. Вернуться к мертвой и снять с нее плащ, должно быть, стоило Анне немалых усилий, но она

рассудила, что сам он вряд ли совершил подобный поступок, а плащ ему необходим.

Джеррард включил фонарь, и они двинулись вперед по сводчатому коридору, который уперся в обычный узкий лаз. Пробравшись сквозь него, они очутились в большом перегонном тоннеле. В свете потускневшего фонаря были видны старые пропыленные шпалы без рельсов. Воздух здесь, казалось, был недвижим годами.

— Куда теперь? — спросила Анна.

— Тут есть ветерок. Слабенький, но есть. Пошли в ту сторону, — сказал Джеррард.

Они повернули навстречу ветерку. Сначала тоннель вел прямо, круто падая вниз, потом начал изгибаться. В конце концов они уперлись в погнутую и проржавевшую железную решетку. Джеррард рванул один из прутьев на себя. Прут сломался, развалившись на несколько частей. Канадец быстро выломал еще три прута и направил луч фонаря вперед, во тьму.

— Ничего не вижу, — пожаловался он, и голос его отозвался эхом, словно от стен большого зала. — Эй! — крикнул он, — и опять эхо.

Канадец протиснулся между прутьев и зашагал дальше, осторожно пробуя дорогу ногой.

— Что это значит? — прошептала Анна, и даже шепот разбудил эхо.

Луч фонаря рассказал им, что они попали на станцию метро. Но станция эта оказалась давно заброшенной. На секунду они представили себе былые потоки пассажиров, лязг и перестук поездов. Теперь же все покрывал толстый ковер пыли. Обстановка внушала безотчетный страх, и они пробирались вперед в полном молчании.

— Может, здесь тоже есть выключатели? — вслух подумала Анна.

— Попробуем узнать, что это за станция,— предложил Слейтер.

Джеррард повел фонарем, и луч, миновав вереницу плакатов, уперся в надпись: «Грейс-Инн». Когда-то буквы покрывал никель, теперь они обросли ржавчиной.

— Грейс-Инн! — воскликнул Слейтер.

— Разве есть станция с таким названием? — удивилась Анна.

— Была до войны,— ответил Слейтер.— С тех самых пор ею и не пользуются. Вот почему в тоннеле нет рельсов. Их давным-давно сняли.

Они нерешительно двинулись вдоль платформы и чуть дальше вновь наткнулись на ряд плакатов. Первый из них опознать было нетрудно, хотя он сильно пожелтел, был испачкан и надорван с угла. Это, несомненно, была карикатура Дэвида Лэнгдона из серии о Билли Брауне. Опрятный человечек в котелке останавливал своего соседа по вагону, который порывался отогнуть тряпичную, приклеенную изнутри к оконному стеклу. Сохранилась и подпись: «Прошу меня извинить, но материя может вам жизнь сохранить». Некий безвестный остряк добавил от себя жирным черным карандашом: «Спасибо за ценное указание, я приму его во внимание, но прежде чем приставать к соседу, скажите мне лучше, куда я еду».

«В другой ситуации,— подумал Джеррард,— это, пожалуй, могло бы показаться смешным». Сейчас же эти отзвуки далекого прошлого, напоминающие о войне и бомбежках, произвели на них скорее удручающее впечатление. Джеррард посоветил на нижний край карикатуры: «По заказу Министерства информации».

— Плакат военных лет,— проронил Слейтер.— Мне доводилось читать об этом: окна вагонов заклеи-

вали матерней, чтобы их при бомбажке не выбило воздушной волной.

— Так что, по-вашему, эта станция не действует с тех самых времен? — спросила Анна.

— А не разыгралась ли в годы войны в метро какая-то трагедия? — в свою очередь спросил Слейтер. — Я припоминаю, что на одной из станций, служившей бомбоубежищем, погибли сотни людей...

Анна вздрогнула:

— Вы думаете, это та самая?

— Не исключено. Кажется, бомба угодила тогда точно в вентиляционную шахту, все входы и выходы оказались забаррикадированными. Дайте-ка мне фонарь на минутку, — обратился Слейтер к канадцу.

Джеррард передал ему фонарь, и Слейтер направился к дальнему концу платформы, время от времени выхватывая из темноты участки стен. Запомнился еще один плакат: толпа в вагоне, двое экспансионно ведут беседу, а третий сидит, прикрывшись газетой, из-за которой виднеются усыки и челка а ля Гитлер. И подипись: «Легкомысленная болтовня обходится в тысячи жизней».

Они добрались до конца платформы; вот и надпись «Выход в город», и ступеньки, ведущие вверх. Но едва они начали подниматься по ним, путь преградила гора обвалившейся кладки.

— Вот куда пришлось ваше прямое попадание, — сказал Джеррард. — Должно быть, бомба провалилась в шахту и взорвалась над самым перекрытием...

— А тоннель? — откликнулась Анна. — Он же тоже ведет куда-то...

Слейтер осветил черный вход в тоннель; отлогая куча песка поднималась от шпал до арки свода.

— Песчаный буфер! — проговорил Джеррард. — Неужели не помилте? А ведь начальник станции нам рассказывал. В конце линии тоннель перекры-

вают песком, чтобы остановить почему-либо не затормозившие поезда...

Анну била дрожь.

— Нельзя ли отдохнуть хоть немного? Я совсем замерзла.

Мужчины посмотрели друг на друга.

— Там, подальше, навалена уйма всяких деревяшек,— Слейтер показал, где именно.— Можно бы развести костер...

— Костер! — воскликнула Анна.— А он не... ведь газ!..

Джеррард задумался на минуту, затем вынул зажигалку и, прищурившись, высек искру. Язычок пламени слегка качнулся в направлении сквозняка. Слейтер бросил на канадца осуждающий взгляд.

— Это был непростительный риск.

— Н-да,— ответил Джеррард.— Зато теперь можно зажечь костер.

— Но от него загорится все вокруг,— беспокоилась Анна.

— Не загорится,— успокоил ее Джеррард.— Вокруг лишь бетон да камень. Чистый воздух, сквозняк... Нет, это славная идея! Давайте собирать дерево. Да и старые газеты тут тоже есть.

Всего несколько минут понадобилось им, чтобы собрать обломки дерева и свалить их кучей поверх ветхих газет, разбросанных в пыли перрона. Анна подняла одну из газет и при свете фонаря прочла заголовок:

— Великая победа русских под Сталинградом.— Она пробежала глазами первую страницу.— Шестнадцатое января тысяча девятьсот сорок третьего года. Если бы не такой чертовский холод, меня бы все это очень заинтересовало...

Вскоре на платформе, взметая под станичные своды клубы дыма и фонтаны искр, разгорелся весе-

лый огонь. Настроение у всех тут же поднялось. Люди сидели, уставившись на пламя, а от их отсыревшей одежды поднимался пар. По выгнутому потолку станции плясали исполинские тени.

И как только по телу стало разливаться тепло, всех одолела страшная усталость. Слейтер сдался первым. Он сидел у самой стены, прижав колени к груди. Постепенно его голова стала склоняться вперед, пока не опустилась на колени, рука, безвольно свесившись, коснулась пола.

Анна подтащила к костру грязное рваное брезентовое полотнище и принялась натягивать его на какие-то досочки, чтобы заслониться от непрекращающегося звонкого сквозняка.

Она расстегнула молнию на юбке, ловкими движениями выскользнула из нее, пальто и блузки, развесила все это на деревяшках вокруг, а сама склонилась над костром. «Наверное, не сознает,— решил канадец,— что белье у нее, в сущности, совсем прозрачное». В ярких отсветах огня он без труда разливал контуры ее тела.

Потом она подняла на Джеррарда глаза и вдруг подошла к нему вплотную. Он обнял ее одной рукой. Тогда она повернулась к нему лицом. Он поцеловал ее и не без удивления почувствовал, что она со страстью отвечает ему. Волосы у нее рассыпались, лицо при свете костра казалось бледной маской, а тело — темным золотом, по которому чередой метались тени.

И тут он расхохотался; она шепотом осведомилась, в чем дело.

— Сам не знаю,— отвечал он.— Просто мы сейчас в самом центре города, а сидим подле огня полугоые, ну, совсем как наши обезьяны предки...

— Не надо,— взмолилась она, а сама уже начала хохотать вместе с ним.— Пожалуйста, не смешите меня! Мы же разбудим Слейтера...

— Ничего не могу с собой поделать, — смеялся Джеррард, отодвигаясь от нее все дальше и дальше.

Анна почти сложилась надвое, пытаясь подавить приступ смеха.

— Негодяй! — выдохнула она, улучив мгновение между двумя взрывами хохота. — До чего же неромантичный негодяй!..

Слейтер пощевелился и выпрямился, изумленный.

— Боже, — воскликнул он, — этого нам только не хватало! — Выражение его лица заставило их закатиться с новой силой, но и Слейтер, несмотря на недоумение, спустя секунду-другую хохотал уже вместе с ними. — Да скажите же, ради всего святого, что вас тут так забавляет?..

— Ему захотелось поиграть в пещерных людей, — сказала Анна, отвернулась и принялась одеваться, натягивая на себя подсохшую одежду.

— Неплохая идея, — заметил Слейтер. — Дайте мне знать, когда придет моя очередь включиться в игру.

— Пора выбираться отсюда, — заявил Джеррард.

— Тише! — призвала Анна. — Погодите, я что-то слышу...

— Что?!

Они замерли. По спине Джеррарда поползли мурашки. Но все, что им удалось расслышать, — это лишь шипение и потрескивание сырого дерева на огне.

— Да нет, не то, — сказала Анна. — Что-то еще... — Внезапно, распластавшись на полу, она прильнула ухом к платформе. — Точно, это здесь. Послушайте сами!..

Джеррард встал на колени и припал ухом к бетонной плите. Он различил шум, который, как он понял теперь, присутствовал здесь с самого начала, просто они были раньше слишком измотаны, чтобы

уловить его. Тихое с присвистом бульканье. Оно неслось откуда-то из-под платформы.

— Наверное, тут где-нибудь есть трещина, попробуем туда заглянуть, — предложил Джеррард.

Он взял фонарь. Слейтер вытащил из костра пылающую головешку и двинулся следом. Шаг за шагом они обыскали все подземелье и в конце концов нашли смотровой колодец с разбитой чугунной крышкой.

Джеррард нагнулся, приблизил лицо к зияющей щели и вдруг, отшатнувшись, закашлялся.

— Ну и зловоние!

Слейтер, последовав его примеру, понюхал и тоже отпрянул, борясь с приступом тошноты.

— Что это? — вымолвила Анна.

Слейтер на секунду задумался.

— Почему мы не ощущали этого запаха на том конце платформы?

— Наверное, сквозняк относил его, — предположил Джеррард. Он посветил фонарем в колодец. — Да там целый поток! Вся масса движется в одном направлении, взгляните сами!..

Слейтер и Анна уставились вниз, зажав ладонями носы. Еле видимая в тусклом свете, под ними текла, булькала, пузырилась коричневатая слизь. И она действительно перемещалась в одном направлении.

— Выходит, платформа внутри полая? — удивился Слейтер.

— Разумеется, — подтвердил Джеррард. — Но этот запах — где-то я его уже слышал. Где? Черт побери! — ударил он кулаком по ладони, помогая себе сосредоточиться. — Ну конечно! Пластмасса — гниющие провода в метро, шестеренки робота...

— Вы правы, — вполголоса сказала Анна, — вы абсолютно правы... — Она отбежала к оставленному

костру и подобрала пустую банку из-под воды. Смерив взглядом обоих мужчин, Анна выбрала Слейтера.— Ваш пояс, пожалуйста...

Слейтер снял с себя пояс. Она обвязала им горловину банки и спустила ее в колодец. Как только банка коснулась пеняющейся жидкости, Анна ослабила ремень, позволив ей погрузиться, а потом вытащила. Содержимое банки беспрестанно шевелилось, булькало и шипело. Анна отнесла свой трофея к огню, достала из сумочки флакон с одеколоном и, перевернув его, вытрясла оттуда все до капли. Потом она протерла флакон изнутри, намотанным на карандаш платком и осторожно наполнила его жидкостью из банки. При свете костра жидкость казалась мутно-желтой и даже теперь, в крохотном сосуде, продолжала шипеть и пениться. Анна тщательно вытерла флакончик снаружи и завернула металлическую пробку.

Джеррард взял его у Анны.

— А не поставить ли нам опыт? — вслух подумал он.— Интересно, что будет...

Он полез в карман и, вынув дешевую пластмассовую ручку, опустил ее в банку — только самый кончик торчал над бурлящей поверхностью. Слейтер все так же сидел на корточках возле колодца и, когда Анна и Джеррард вернулись к нему, озадаченно произнес:

— Поток идет куда-то за пределы платформы. И течение очень сильное.

— А, может, он связан с одной из подземных рек, — предположила Анна.— Кажется, как раз в этом районе протекает подземная речка Флит...

— Возможно, и так, — нерешительно отозвался Слейтер.— А, возможно, просто где-то неподалеку лопнула канализационная труба. Пахнет, во всяком случае, подходящем.

Джеррард возвратился к костру и, заглянув в банку, вскрикнул. Остальные бросились к нему. Он медленно извлек авторучку из банки. Даже торчавшая наружу верхушка ее слегка размягчилась — пальцы оставляли на пластмассе след, а нижняя часть почти расплавилась, стекая с металлического стержня каплями, словно влажная краска.

— Ничего не понимаю, — сказала Анна.

— Я и сам еще не понимаю, — ответил Джеррард. — Но что бы это ни было, в банке содержится реагент, разъедающий пластмассу. Вероятно, он и есть причина всех бед...

Внезапно он окунул в жидкость кисть руки.

— Вы с ума сошли! Что вы делаете? — закричала Анна. — Вы же сами не знаете, что там.

— Ну что ж, теперь узнаю, — отозвался Джеррард.

Он подержал руку в банке еще секунду-другую, потом вынул ее и внимательно осмотрел. Вытер руку носовым платком и выбросил его.

— Как будто все в порядке. Можно спуститься вниз.

— Что? Под платформу? — переспросила Анна. — Вы не знаете даже, глубоко ли там...

— Очень глубоко там быть не может. До уровня путей меньше метра. Прав ли я, мы сейчас увидим.

И он широкими шагами двинулся в сторону лука, Анна и Слейтер следовали за ним.

— Но хоть скажите, что у вас на уме? — осведомился Слейтер.

— Надеюсь, через минуту вам все станет ясно.

Он перебросил свое тело через край колодца и осторожно опустил ноги в бурлящий поток. Глубина оказалась чуть выше пояса. Вонь выворачивала желудок наизнанку, течение было ровным и сильным. Он принял от Слейтера фонарь.

Как только Джеррард, пригнувшись, подсунул голову под платформу, бульканье и присвистыванье охватили его со всех сторон, ударили прямо в лицо. Он начал медленно продвигаться вперед, вздрагивая каждый раз, когда нога задевала о какой-нибудь затонувший предмет.

Пройдя, как ему казалось, примерно половину длины перрона, он наконец обнаружил то, что надеялся найти. В стену была вделана частая решетка, бурлящий поток устремлялся сквозь нее. У решетки собралось изрядное количество всякого мусора и обломков; жижа, шипя, обтекала их и проваливалась в черноту. Джеррард встал покрепче и, опустив руку в жидкость по самое плечо, принялся обшаривать ячей решетки.

Следующие несколько минут канадцу представились самыми долгими во всей жизни. Вынимая из под поверхности размокший мусор и разглядывая его при свете фонаря, он огромными усилиями воли старался сдержать непрестанные позывы к рвоте. Желудок словно сжимала чья-то большая рука.

Но все же он нашел то, что искал, и побрел обратно. Уровень жижи, казалось, повысился и теперь доходил до нагрудного кармана пиджака. Добравшись почти до самого колодца, он различил голос Анны. Она звала его, и под платформой гуляло эхо:

— Люк, Люк!..

Кошмарный, обволакивающий запах довел его почти до обморочного состояния. Он еще сумел кое-как перевалиться через край — и в полном изнеможении распластался на бетоне. Анна наклонилась над ним, протянула руку, но он бессильно оттолкнул эту руку подальше.

— Не надо. Я сейчас вроде как неприкасаемый. Зато я добыл их. Целых два...

Он вяло покопался в кармане пиджака, достал оттуда два маленьких кружка и предъявил их Анне и Слейтеру на раскрытой ладони.

— Я что-то не совсем... — начала она.

Слейтер вытянул шею. Анна тоже всмотрелась пристальнее.

— Горлышки бутылок! Горлышки самораспадающиеся бутылок... Ну конечно! У первых, кто купил лицензию, — у них в пластмассу задевались металлические вкладыши. Они... ну, да, это они и есть.

Она указала на выбитую в металле витую монограмму.

— А, может, это и не горлышки вовсе, — заявил Слейтер.

— Маловероятно, — ответила Анна и, смерив Джеррарда взглядом, добавила: — Значит, именно их вы и искали?

— Да, — подтвердил канадец.

— Значит, вы с самого начала думали, что это они?

— Логически рассуждая, другого объяснения просто не было. Известно, что самораспадающиеся бутылки под воздействием света и воздуха разлагаются и превращаются в вещество, съедобное для бактерий. Это вещество по своей структуре находится как раз на полпути между пластмассой и протеином, не так ли? Вот я и подумал, что бактерии, способные питаться этим веществом, мутировали и стали потреблять и другие виды пластмасс. Каждое новое их поколение становилось все более приспособленным и всеядным...

— Но что это за невиданные бактерии? — спросил Слейтер.

— По-моему, ответ у нас под ногами. Эти бактерии развились в канализационных трубах. Самораспадающиеся бутылки, как и полагается, спускали в

канализацию, и бактерии, которые там живут, привыкли к питанию такого рода. Ну, а потом они сами принялись искать новую пищу и мутировали до тех пор, пока не обрели способность пожирать все прочие пластмассы. Подумайте, — обратился Джеррард к Аппе, — не слышали ли вы о каких-либо новых микроорганизмах, выведенных, скажем, для обеззараживания нечистот?

Анна кивнула.

— Что-то такое было, не помню, правда, точного названия. А года два назад я даже собиралась писать о бактерии *Bacillus accelerens*. Ее специально вывели на очистной станции в Рединге. Говорили, что она разрушает нечистоты быстрее, чем любая другая бактерия, да и размножается с необычайной скоростью. Но пластмассу она не трогала. Это безусловно исключено. К тому же они там давно прекратили эксперименты. И как могло разрушение, — она помедлила, — перекинуться на пластмассовые провода?

— Да это же очевидно, — ответил Джеррард. — Не знаю, где раньше лежал канализационный сток, но только не под самой платформой. Стало быть, он пробил себе новое русло. Разумеется, это все догадки, но где-то по дороге жижа коснулась одного из кабелей. Едва зараза въелась в пластмассу, скорость размножения бактерий чудовищно возросла, и разрушение в мгновение ока распространилось по всей длине кабеля, покинуло канализацию и перебралось в метро. Под землей есть, наверное, сотни точек утечки. Никто их не считал, никто и не догадывается, где они...

— А вслед за электрическими кабелями, — продолжил Слейтер, — стали разрушаться газовые и водопроводные пластмассовые трубы, и в конце концов процесс достиг компьютера, управляющего моей дорожной сетью...

— Точно.

— Мой бог,— воскликнул Слейтер,— но если это так, то я вообще не вижу способа остановить бедствие!

— Не знаю, есть ли такой способ,— заметил Джеррард,— и в настоящее время не чувствую в себе способности рассуждать дальше. Наша задача — доставить добытые образцы на поверхность земли, и как можно скорее. Одному всевышнему известно, что там сейчас делается..

— Но как нам туда выбраться? — грустно промолвила Анна.

— Сквозняк,— ответил Джеррард. — Он должен подсказать нам путь. Он ведь откуда-то возникает. Вот и надо выяснить, откуда.

В своих рассуждениях Джеррард был почти прав — и в то же время жестоко ошибался. Не ведая того, он открыл бациллу Эйнсли.

Вполне обычная в среде бактериологов практика — тот, кому посчастливится обнаружить новый штамм, нарекает его своим именем. Такая забавная и немного грустная форма бессмертия — зачастую единственное средство поддержать иссохшее самолюбие этих лабораторных червей.

Бацилла Эйнсли не удостоилась описания на страницах учебников. Точнее говоря, до поры до времени она не была известна никому, кроме самого Эйнсли.

Эйнсли начал свою работу за два с половиной года до того, как Джеррард и его спутники попали в ловушку. Впервые за всю его деятельность доктору Саймону Эйнсли посчастливилось натолкнуться на воистину плодотворную идею. Осенило его после того, как в один прекрасный день намертво засорилась

выходящая из его домика фановая труба; он шлепал по залитым водой полам в резиновых сапогах, тщетно пытаясь прочистить систему с помощью гибкого прута, и в конце концов нашел причину бедствия — скомканный кусок полиэтиленовой пленки, вероятно нечаянно смытый в уборную кем-то из его детей.

Доктор Эйнсли был бактериологом. Человек по натуре мягкий, он никогда не прилагал особых усилий к тому, чтобы вскарабкаться повыше по академической лестнице, и в свои уже отнюдь не молодые годы застрял на должности старшего преподавателя кафедры микробиологии в Кенсингтонской больнице — учебном центре для всех практикантов Лондона.

Деля свое время между трафаретными больничными анализами и довольно скучными лекциями для студентов-медиков, которых он, признаться, начинал побаиваться — уж очень они были молоды и напористы, Эйнсли частенько ставил еще и какие-нибудь причудливые опыты в смутной надежде набрать достаточно материала для статьи.

И вот, пока он вытаскивал из трубы кусок полиэтилена, его вдруг осенило, что этот самый кусок мог бы сохраняться в канализации тысячелетиями, что пластмасса никогда не подвергнется, подобно сточным водам, разрушительному действию бактерий.

Никогда не подвергнется?..

Так родилась идея. А что если заставить бактерии разрушать бросовую пластмассу? Что если специально изменить их природу подбором последовательных питательных сред, создать генетическую мутацию с помощью соответственно подобранных нуклеиновых кислот? Какое замечательное решение проблемы уничтожения отходов! А быть может, и решение всей грандиозной проблемы отравления окружающей среды в мировом масштабе... Фантазии его

разрастались — но воспитанная с годами способность мыслить здраво взяла верх.

Сколько поколений микроорганизмов должно смениться? Как достать необходимое оборудование? Какие тут потребуются ДНК и РНК?

К моменту, когда он с лязгом поставил заглушку фановой трубы на место, мимолетное возбуждение уже улеглось. Однако ближе к вечеру, едва он выпил традиционный стаканчик сухого черри, идея вернулась — и на сей раз пустила корни. Раскрепощенный алкоголем, он налил себе второй стаканчик, побольше, и принялся писать. Сперва несмело, но потом все скорее и скорее Эйнсли излагал свой проект на бумаге. Идея была стоящей и могла оправдаться!

Пробило полночь, а он все сидел у стола. Наконец он поставил точку и расслабился, предаваясь блаженным мечтам о членстве в Королевском обществе и даже о Нобелевской премии.

Прошла неделя — он не сказал никому ни слова, но безоговорочно поверил в свою правоту. Он решил, что не поделится своей идеей ни с кем. Если она вовлекнется в жизнь, его, наконец, ждет научное признание.

Мало-помалу Эйнсли начал таскать домой оборудование из больницы. У себя в кабинете он монтировал добытую аппаратуру, устанавливал термостаты и штативы для пробирок, пока не создал настоящую бактериологическую лабораторию — несколько уменьшенную копию своей лаборатории в больнице.

А затем он яростно набросился на работу. Сократив число своих лекций, он стал уходить из больницы все раньше и раньше. Глядя на его торопливую походку и вечно озабоченный вид, коллеги решили, что Эйнсли, должно быть, завел себе любовницу. На самом деле он спешил домой с первым же поездом, на какой только мог успеть, и, обменявшихся

двумя-тремя словами с женой, запирался у себя в кабинете-лаборатории и углублялся в опыты. Взяв для начала несколько колоний хорошо известного микроба *Bacillus prodigiosus*, он стал последовательно переделывать его природу.

Сначала он выращивал микробов на нормальной питательной среде, потом менял отдельные ее составляющие, с тем чтобы сами бактерии на протяжении поколений менялись в нужную экспериментатору сторону. Он лишал микроорганизмы их нормальной белковой пищи, замещая протеин различными веществами, сходными по структуре с длинными молекулярными цепочками пластмасс.

Раз в несколько дней Эйпсли втайне ото всех брал одну из пробирок с подопытными бактериями с собой в больницу и подвергал ее облучению радиоактивным кобальтом, который хранился в лаборатории для совершенно других целей. Облученные бактерии он опять приносил домой и перемещал на новую питательную среду, уповая, что хоть одна из мутаций, вызванных радиацией, может приспособиться к потреблению пластмассы.

Как все, кому довелось повенчаться с самобытной идеей — с идеей, на которую возлагается много личных надежд, — он постепенно начал принимать желаемое за действительное. Нет, о заведомой подтасовке результатов, разумеется, не было и речи; но как не подправить цифирку, как не перестроить слегка ход опыта с тем, чтобы результат лучше отвечал заданной заранее цели!

Месяцы шли за месяцами, а он, все меньше и меньше внимания уделяя работе в больнице, жил только своей маленькой домашней лабораторией. Он не сознавал, что его мозг и тело находятся в постоянном перенапряжении. Да и мог ли он думать, к примеру, что его левосторонняя мозговая артерия

на большом участке сужена отложениями холестерина — атеросклероз, сказали бы коллеги Эйнсли. В постоянной спешке он не отдавал себе отчета и в том, что участившиеся головные боли — признак грозного повышения кровяного давления.

Однажды вечером, часов в одиннадцать, он уже почти закончил изучать под микроскопом пятьдесят девятую по счету разновидность *Bacillus prodigiosus*. У него было шесть пробирок с этой культурой. Внимательно рассмотрев содержимое каждой пробирки, он аккуратно ставил ее в стакан с сильнейшим дезинфицирующим раствором.

Это вошло в привычку — Эйнсли был добросовестным и квалифицированным исследователем и не хотел рисковать, нечаянно выпустив мутировавшие бактерии на свободу. Результаты опытов сегодня обнадеживали более обычного, по крайней мере так казалось его пристрастному взгляду. Обнаруживались явные признаки того, что заботливо выведеные микроорганизмы поглощают пластмассу.

Он взял последнюю из пробирок — и издал торжествующий крик. Сомнений не было — бактерии поглотили заметное количество подобного пластмассе вещества.

Эйнсли пришел в сильное волнение — но, как только он резко поднялся на ноги, перенапряженная артерия лопнула, залив кровью мозговую ткань. Еще какое-то мгновение он стоял неподвижно. Последнее, что смутно осознал его гаснущий разум, была страшная боль в голове.

Эйнсли покачнулся, теряя равновесие, и тяжело опрокинулся назад, на лабораторный стол. Пробирка с бактериями, вылетев из его безжизненных пальцев, разбилась о край раковины, и тонкая струйка мутной желтоватой жидкости, пробежав по фаянсу, устремилась в сливную трубу. А тело съехало со стола и

рухнуло на пол с таким грохотом, что жена Эйнсли опрометью выскочила из гостиной. Пока она добежала до дверей кабинета, мутант-59, потомок *Bacillus prodigiosus*, уже попал из сливной трубы в фановую, ту самую, в которой когда-то произошло засорение, а оттуда в магистральный коллектор. И потоки сточных вод в своем неудержимом беге к насосной станции принялись дробить сотни миллионов бактерий, выплеснувшихся из пробирки, на все более и более мелкие колонии.

Смерть Эйнсли отметили короткими сухими некрологами в журнале, издаваемом Кенсингтонской больницей, и в «Бритиш медикал джорнел»; в обоих случаях рядом с некрологом поместили фотографии, на которых покойный выглядел неправдоподобно молодо. Вскоре о нем забыли. Мутант-59, просуществовав какое-то время в канализационных трубах, тоже начал исчезать. Не в силах найти специфическую пищу, созданную для него Эйнсли, мутант потерял способность к делению и погиб. Однако не все микробы были уничтожены — некоторые из них образовали споры.

Спора — особая стадия покоя, в которую переходит бактерия, попав в неблагоприятные условия. Она подобна семени. Когда условия вновь становятся благоприятными, спора возвращается к жизни и опять образует бактерию, которая затем делится на две, на четыре, на восемь и так далее, давая начало целому роду. Обладая удивительной устойчивостью к обезвоживанию, к высоким и низким температурам, споры могут сохраняться сотни лет.

Глубоко под землей, неподалеку от станции метро Кингз-кросс, к стенке коллектора прилипла высохшая капелька сточных вод — и в ней около сотни спор. Каждая спора была диаметром в две тысячные миллиметра и каждая содержала в себе точнейший

биологический чертеж мутанта-59, потомка *Bacillus prodigiosus*. Безмолвные микроскопические свидетели единственного оригинального замысла Саймона Эйнсли, они покоились в высохшей капельке, с бесконечным долготерпением дожидаясь своего часа. Дожидаясь привычной пищи, которая, возможно, никогда и не появится. Дожидаясь бесконечно малой вероятности того, что какая-то иная молекула, по размерам и структуре сходная с их пищей, найдет себе путь по мрачным зловонным трубам и даст им энергию, чтобы начать новую жизнь.

Но вот спустя два года после того, как доктор Эйнсли канул в небытие, всеобщее распространение получили самораспадающиеся бутылки, изобретенные в агентстве Креймера. В канализацию полетело то, что от них оставалось. По торопливым подземным речкам из миллионов стоков потекли специфические молекулы дегрона.

Случилось так, что однажды под вечер после проливного дождя вода в коллекторе возле станции Кингз-кросс поднялась до небывалого уровня. И молекулы дегрона, очень похожие на те, которые использовал Эйнсли, создавая свои питательные среды, выплеснулись на засохшие споры.

Прошло еще без малого двадцать четыре часа, прежде чем споры убедились в достоинствах вещества, окружающего их заскорузлые оболочки. Оболочки лопнули, и мутант-59, наследник *Bacillus prodigiosus*, пробудился к жизни.

Условия пришли к микробам по вкусу. Они множились и распространялись. Куда бы их ни занесло, везде они без труда находили пищу. Дегрон был теперь повсюду. С каждым новым поколением микробы становились все более подвижными и всеядными. Человек оказался добр к мутанту-59. Он обеспечил бактерии пищей на тысячи лет вперед.

В лаборатории Креймера было темно, светились только неоновые индикаторные огоньки, разбросанные по пультам электронной аппаратуры. Тишину нарушало лишь урчание мотора холодильной установки. Бьюкен подошел к выключателям и разом опустил их головки вниз. Заливший комнату свет помог рассеять ощущение неестественности происходящего.

— Ну, так где же они? — осведомился Скэнлон.

Бьюкен молча приоткрыл дверцу термостата и достал оттуда штатив со стеклянными колбочками, маркированными фламастером. Он был утомлен, говорил запинаясь:

— Может, они... может, я их еще не выдержал, сколько нужно. Делать-то все пришлось в спешке...

— Скажите лучше, что именно вы сделали? Да, между прочим, а где Райт?

— Неважно где. Будете работать со мной.

Бьюкен вынимал колбу за колбой, поворачивал их к свету и делал беглые заметки в блокноте. Казалось, он вообще забыл о присутствии Скэнлона.

— Старина! — взмолился тот. — Ведь два часа ночи! Вы попросили — я приехал, так объясните по крайней мере, что вы затеяли?

— М-да, я не слишком-то с вами вежлив, но слишком многое я поставил на карту! Разрешите, я сейчас все вам объясню. — Он указал на первую колбу. — Здесь водная сuspензия той дряни, которую Джеррард соскоблил с деталей робота. В соседней колбе то же самое, но с одной существенной разницей: она прошла стерилизацию в автоклаве.

— Зачем?

— Сейчас узнаете. Под номером три — стандартный питательный бульон, я капнул туда из колбы номер один нестерилизованной взвеси. Номер четыре — тот же бульон, но добавленная взвесь стерилизована. Теперь взгляните...

Он поднял штатив к свету. В первых двух колбах жидкость была чуть желтоватой, в третьей она приобрела мутно-коричневый цвет и покрылась тонким слоем пены. Содержимое четвертой колбы оказалось коричневатым, но совершенно прозрачным.

— Вы запомнили, номер три — добавка нестерилизованная, номер четыре — стерилизованная, так?

— Так.

— Сами видите, взвесь в колбе номер три проявляет тенденцию к росту.

— Просто эксперимент не был чистым. Вместе со своими образцами Джеррард неизбежно прихватил множество самых разнообразных бактерий. Расти может буквально любой из сотен видов.

— Хорошо, допустим.

Бьюкен снова подошел к термостату и вытащил стопку круглых чашек Петри. Чашки напоминали пепельницы с плотно притертymi крышками, под которыми прятались кусочки окрашенного желе. Бьюкен расставил их перед собой рядом. Каждая крышка была помечена красным стеклографом.

— Вы, разумеется, правы. Поэтому я подготовил еще и эти чашки. Умсния у меня, правда, поубавилось — ничего не попишешь, с университетских времен много воды утекло...

Бьюкен приподнял крышечку с первой чашки. Всмотревшись, Скэнлон сумел различить десятки крохотных округлых колоний. Колонии были всевозможных видов, размеров и цветов.

— Сюда я пересеял первоначальную культуру, — продолжал Бьюкен. — Перед вами по крайней мере четыре типа колоний. — Он показал их платиновой петелькой, заплавленной в торец стеклянного стерженька. — Это колибактерии, это, видимо, стафилококки, эти похожи на дифтерийные палочки, а вот эти, — он помедлил, — эти представляют интерес...

— А что я вам говорю, — упорствовал Скэнлон. — Из первоначального препарата получился чуть не весь микробиологический спектр.

— Именно так, но пересев для того и делается, чтобы разделить бактерии по типам. А раз это удалось, то остается взять частичку каждой колонии и идентифицировать ее на предметном стекле под микроскопом.

— Что, просто на глаз?

— Вовсе нет. Окрашивая культуру по Граму, используя разные избирательные методы и питательные среды — вообще-то это настоящая головоломка, но в конце концов можно отождествить каждый вид с абсолютной точностью! — Он припел в возбуждение, описывать проведенное расследование было для него удовольствием. — Взгляните, я покажу вам. Мне удалось выделить вот эту колонию... — Он вынул из ряда одну из чашек — на слое желе виднелась кучка сморщеных поблескивающих дисков. — Вот они, те, за кем я охотился...

— Старина, время очень позднее, я теряю нить...

— Погодите, сейчас все поймете. Присмотритесь внимательнее — по краям колонии идут как бы высохшие крапинки...

— Ну и что?

— А то, что нашим маленьким друзьям вовсе не нравится та среда, на которую их поместили. Среда эта — кровяной агар.

— Им не нравится кровяная среда?

— Равным микробам нравится разная пища, только и всего. Как бы то ни было, я идентифицировал все колонии, кроме этой единственной — она не желала расти ни на одной из общеупотребительных сред: ни на чистом, ни на кровяном агаре, ни на среде Мак-конохи и ни на какой другой...

— И что же дальше?

— Я составил среду по собственному рецепту.

Бьюкен опять направился к термостату и достал оттуда большой лабораторный стакан, внутри которого стояла толстая коническая колба, заткнутая ватой. Верх стакана был запечатан металлической фольгой. Медленно, осторожно Бьюкен опустил все это на стол, поближе к свету. Скэнлон замер в изумлении. Между краем колбы и ватой образовался шевелящийся ободок пены; она вздувалась, лениво сползала по внешней поверхности конуса и растекалась лужицей по дну стакана.

— Боже, что за рецепт вы выбрали?

Прежде чем ответить, Бьюкен помолчал.

— Я измельчил немного дегрона и растер его в пасту, добавив некоторые соли и аминокислоты, главным образом тирозин...

— Черт знает что! Этому должно быть какое-то иное объяснение.

— Например?

— Ну, — замялся Скэнлон, отчаянно пытаясь удержаться в рамках логики и в то же время обойти очевидное. — Хорошо, вы вырастили бактерии, одним из них нравится кровь, другим — сахар...

— Скэнлон, когда необходимы доказательства, ставят решающий эксперимент. Если в каком-то случае — в клинической практике, скажем, — возникло подозрение, что возбудитель болезни — микроб, надо вырастить его чистую культуру на здоровой ткани, взятой у пациента. В данном случае больна пластмасса. Ладно, ладно, вы мне не верите, но это так. Я взял капельку вон той дряни из пробирки и поместил эту капельку на здоровую пластмассу. — Бьюкен открыл последнюю из чашек Петри. — Вот, полюбуйтесь. — И он указал на поверхность геля в чашке. Она была вся облеплена сырой клейкой пеной. — На сей раз я использовал просто кусочки дегрона и даже самый

обычный полистирол. Взгляните, что с ними сталося, — все видно и невооруженным глазом...

— Но с чего вы решили, что это бактерии? Разве не может это быть каким-то химикатом... каким-то веществом, которое вы нечаянно перенесли?..

Скэнлон, по-видимому, понял всю вынужденность своего предположения и замолчал, не закончив фразы.

— Допустим. Значит, нужен еще один эксперимент. Вот мы и проведем его, если вы мне поможете.

— Какой эксперимент?

— С помощью электронного микроскопа. Пошли!

Он встал и направился к двери, на которой красовались клеверный лист — международный знак радиационной опасности — и табличка: «Высокое напряжение. Опасно для жизни. Посторонним вход воспрещен».

За дверью в тусклом желтом свете над ними нависла уходящая под потолок колонна электронного микроскопа. С ее верха свешивался толстый высоковольтный кабель, который вел к двухметровому шкафу, набитому электронной аппаратурой. Слышалось мягкое хлюпанье и посапыванье вакуумных насосов: они поддерживали разрежение, недостижимое даже в космическом пространстве.

Бьюкен принял манипулировать ручками управления. Огоньки на контрольных пультах стали ярче, а шум насосов назойливее. Потом шотландец поднялся.

— Пусть пока покачает, а мы тем временем подготовим препарат для исследования.

Вернувшись в лабораторию, он положил на стол стеклянную пластинку и водрузил на нее чапику Петри с пластмассовой питательной средой. Взяв предметное стеклышко, он помахал им в пламени бунзеновской горелки и кропечной пипеткой нанес на него капельку дистиллированной воды. Раскалив на

огне, а затем остудив платиновую петельку, Бьюкен осторожно отодвинул крышку с чашки Петри и захватил петелькой частицу ее содержимого. Тщательно смешав эту частицу с дистиллированной водой на стеклышике, он вновь провел проволочкой сквозь пламя. Работа не мешала ему разговаривать. Скэнлон завороженно следил за всеми этими священнодействиями.

— Итак, мы получили суспензию той культуры, которая была в чашке. Теперь смешиваем ее с фосфорно-вольфрамовой кислотой. Получаем препарат, взвешенный в кислотном растворе. Берем вот эту медную сеточку. Малюсенькую сеточку трех миллиметров в диаметре — она как раз подходит к микроскопу. А сейчас помещаем на эту сеточку капельку полученной взвеси...

Он встал, бережно держа сеточку на фильтровальной бумаге. Открыл стеклянный колпак, подсоединенный к насосам, положил фильтровальную бумагу вместе с сеточкой под стекло, загерметизировал шов и включил насосы, внимательно следя за вакуумным манометром, указывающим величину атмосферного давления под колпаком.

— В вакууме вода из нашей капельки испарится. Как только это произойдет, фосфорно-вольфрамовая кислота осядет пленкой на любых материальных телах, какие есть в препарате. Дело в том, что для электронного микроскопа все биологические объекты почти прозрачны, зато вещества, содержащие тяжелые металлы, выглядят на экране абсолютно черными.

— Значит, все имеющее биологическую природу должно казаться — дайте подумать — чистым пятнышком в окружении темного ореола?

— Вот именно, вы хорошо себе это представили, Джим. Думаю, что наш препарат готов.

Открыв клапан, Бьюкен впустил воздух обратно под колпак. Раздавшийся было резкий свист постепенно стих. Приподняв колпак на противовесах, шотландец вынул из-под него фильтровальную бумагу с сеточкой и не спеша двинулся к микроскопу. Скэнлон последовал за ним и притворил за собой легкую, отменно пригнанную дверь.

Бьюкен открыл замок и поместил сеточку в препаратодержатель. Уверенно вращая ручки управления, он перевел микроскоп на рабочий режим. Экран под непроницаемым для излучения стеклом загорелся зеленым светом, отбрасывая снизу тени на сосредоточенные лица ученых. Бьюкен тронул тумблер дистанционного управления препаратом. Линии на экране колыхнулись и исчезли, затем появились вновь и замерли в неподвижности. Оба с минуту просидели не шевелясь и не произнося ни слова.

На экране виднелись тысячи прозрачных прямоугольников, и каждый прямоугольник был окружен темным ореолом. Не оставалось сомнений — это были электронные изображения бактерий.

— Лучше бы позвать Райта, — сказал Скэнлон. Бьюкен потянулся за телефонной трубкой.

Чрезвычайный контрольный пост построили в 1945 году. Расположен он под плац-парадом конной гвардии на глубине примерно двадцати метров и входит в большой подземный комплекс тоннелей, центров связи и жилых помещений, простирающийся на север до самой Трафальгар-сквер, а на восток под улицей Уайтхолл до военного министерства. Целый подземный город, откуда можно управлять всей страной, не поднимаясь на поверхность.

Стены чрезвычайного поста усилены армированными бетонными брусьями, выкрашенными в белый цвет, а пол застлан зеленым линолеумом изящного образца. Одну из стен почти полностью занимает проекционный экран, а перед ним — мешаница пультов с разноцветными телефонами, микрофонами оповещения ПВО, телевизионными устройствами. Оставшееся пространство наскоро заставлено рядами разнокалиберных стульев.

В комнате темно от табачного дыма, она заполнена беспокойным гулом голосов — здесь собралось человек пятьдесят, есть люди и в военной форме, есть и в безликом цивильном платье. Атмосфера сдержанно напряженная. Большинству присутствующих давно перевалило за пятьдесят. Их лица отражают привычку к власти, сознание собственной значимости. Это лица людей, которые не станут уклоняться от ответственных решений, будь они правильными или нет.

В первом ряду с места поднялся коренастый мужчина в форме бригадного генерала. Посмотрев вокруг, он постучал костяшками пальцев по крыше соседнего пульта, требуя внимания. Разговоры словно бы нехотя смолкли. Со спокойной уверенностью человека, привыкшего повелевать, генерал произнес:

— Господа, — он бросил мимолетный взгляд на часы, — думаю, нам пора начинать...

Генерал подошел к пульту перед экраном.

— Многие из вас, вероятно, более или менее в курсе дела, но прежде всего я хотел бы представить вас друг другу. Вас привезли сюда в большой спешке, и я приношу вам за это свои извинения, но мы постарались сделать все, что могли, чтобы обеспечить всех времененным жильем. Мистер Риггс, — генерал кивком показал на человека в штатском, стоящего возле дверей, — передаст вам карточки с номерами ваших ком-

нат и указаниями, как до них добраться. Система тоннелей весьма разветвлена, и я просил бы вас строго придерживаться направлений, предписанных в карточках, поскольку сотрудники службы безопасности... гм... очень ревностно относятся к исполнению своих обязанностей. — Он холодно улыбнулся. — Всем вам будут разданы опознавательные жетоны, так что я без промедления перейду к существу вопроса. Медицинской стороной операции руководит сэр Фрэнк Дейл...

Он указал на седовласого, аскетического вида мужчину во втором ряду, который сделал неловкую попытку приподняться и поклониться. Генерал отмечал рукой каждого, о ком шла речь.

— Полицейской службой и уличным движением ведает заместитель комиссара полиции. Подземным транспортом — мистер Холланд. Передвижения войск происходят под командой присутствующего здесь генерала Фенвика, помочь ему буду я. Деятельностью дезинфекционных центров руководит доктор Фэннинг, главный врач муниципалитета Большого Лондона... Вы, видимо, уже обратили внимание на принятые нами меры предосторожности — все они необходимы и взаимосвязаны и исходят из правил, действующих в районе местопребывания правительства. Соответствующий документ, я надеюсь, вы уже читали...

Он обвел взглядом слушателей, которые согласно кивали.

— Теперь, с вашего позволения, сэр, — он слегка повернулся в сторону генерала Фенвика, который небрежно помахал пухлой ручкой, — рассмотрим проблему на местности...

Генерал нажал на кнопку, и за его спиной на проекционном экране зелеными линиями вспыхнула карта центра Лондона.

— Наши данные указывают на то, что поражения, какова бы ни была их природа, в основном сосредоточены на довольно узком участке. — Он взял белую указку. — С северной стороны они ограничены улицей Юстон-роуд, на западе до перекрестка с Портленд-плейс и на востоке — с Уоберн-плейс. Границы эти, разумеется, только приблизительны. В южном направлении граница идет по Саутгемптон-роу и затем по улице Олдвич выходит к Темзе, которая замыкает периметр с юга. Площадь пораженного района составляет в целом около четырех квадратных километров. Встречаются, правда, отдельные вспышки и за пределами этой территории, но их немного, они весьма удалены друг от друга, и мы надеемся, что с ними удастся справиться без серьезного риска.

Однако в границах района, о котором я говорил, процесс стремительно расширяется и сдержать его стало совершенно неотложной задачей. До некоторой степени нам еще помогает погода, поскольку холод, как выясняется, снижает скорость... мм... реакции, как только она выходит из-под земли на поверхность.

Генерал помедлил, в поисках поддержки метнув быстрый взгляд на желтое пергаментное лицо сэра Фрэнка Дейла, потом продолжал:

— Наша цель, — подчеркивая значимость своих слов, он ударил рукой по пульту, — полностью изолировать означенный район — на земле, над землей и под землей. Вряд ли нужно разъяснять вам, что, если процесс, разрушающий пластмассу, распространится по всему миру, это может привести к полной катастрофе. К району поражения следует относиться как к зачумленной, смертельно опасной зоне...

Два слова о передвижениях войск. Поскольку сегодня в полдень ее величество подписала вердикт о чрезвычайном положении, мы начали стягивать части к границам района. Первый батальон шотландской

гвардии уже изолировал северо-западный сектор — вот здесь — во взаимодействии с тремя ротами бронедивизиона конной гвардии, дислоцирующимися на северо-востоке — вот здесь...

Теперь он стучал уже прямо по экрану.

— Контроль за южным сектором осуществляется под общей командой полковника Сетбриджа, который в настоящий момент вводит сюда подвижные части парашютного полка. Приблизительно к двадцати трем ноль-ноль изоляция пораженной зоны будет закончена, и мы сможем начать мероприятия по ее эвакуации. Вспомогательные операции поручено осуществлять ремонтному корпусу и королевскому корпусу связи.

На секунду он замолчал и вновь обвел аудиторию взглядом, желая убедиться, что владеет ее вниманием.

— Как вам известно, электро- и газоснабжение в ряде секторов полностью прекратилось, поэтому мы устанавливаем по периметру аварийные генераторы и тянем кабели внутрь зоны с тем, чтобы обеспечить ее энергией хотя бы для отопления. Как только сумеем, установим также турбины для обогрева воздуха. В районе поражения проживает много стариков, которым сейчас угрожает смерть от холода. Такова в общих чертах ситуация, а теперь, с вашего разрешения, передаю слово сэру Фрэнку Дейлу. Он объяснит вам причины происходящего. Прошу вас, сэр Фрэнк!..

Дейл, неуклонно поднявшись, вышел к экрану. Он молча осмотрел слушателей, и на лице его отразилось некоторое неудовольствие оттого, что столь тонкие вопросы науки приходится обсуждать с непосвященными. Заговорил он монотонно и пудно, без какого бы то ни было предисловия:

— До настоящего времени в нашем распоряжении почти пять точной информации ни об организме, вызывающем разрушения, ни об его действиях.

С практической точки зрения известно, что, оттолкнувшись от промежуточных веществ белковоподобного характера, имеющихся в канализационной системе, организм выработал в себе все более универсальное свойство поглощать самые разнообразные пластмассы...

Слушатели беспокойно заерзали.

— Обычно скорость роста бактерий относительно низка, но в данном случае как латентная фаза, так и фаза угасания... мм... замещены фазой ускоренного экспоненциального роста.

Из аудитории донесся раздраженный голос:

— Сэр Фрэнк, извините, но я не понял ни единого слова. Не могли бы вы снизойти к нам, невеждам?

Остальные поддержали это заявление приглушенным ропотом.

— Мм? — удивился сэр Фрэнк. — Ну-да, конечно... В общем, это значит, что произошло как изменение скорости роста, так и поистине удивительное увеличение скорости воспроизведения. Более того, с появлением каждого нового поколения организм обретает способность разрушать новые и новые виды пластических материалов. Питаясь пластмассой, бактерии высвобождают значительные количества газа — опасной и взрывоопасной смеси, в основном сероводорода и метана; в этом и кроется причина серии взрывов, которым мы были свидетелями.

Я уже известил министра внутренних дел, что мои сотрудники заняли две пустые палаты в больнице святого Томаса — как раз через реку от южной границы зоны поражения — и переоборудуют их в исследовательские лаборатории. Мы работаем по двадцать четыре часа в сутки, чтобы изыскать средства борьбы с этим необыкновенным организмом.

Обычные приемы иммунологии, сыворотки и прививки нам, очевидно, не помогут; ни человека, ни жи-

вотных организм — по крайней мере пока — не поражает, или не заражает, как вам больше нравится. Быть может, нам следует сделать ставку на широкое использование распыленных антибиотиков, но до сих пор не удалось обнаружить антибиотик, к которому организм проявил бы достаточную чувствительность. Пока продолжаются поиски, лучшим, по нашему мнению, средством приостановить подземные разрушения было бы заполнение тоннелей метро и коллекторов инертным газом. Мы обнаружили также, что в атмосфере, состоящей из азота и углекислого газа, скорость воспроизведения бактерий уменьшается и, насколько я знаю, — он посмотрел на бригадного генерала, — уже организуется доставка этих газов ко всем главным входам в метро и люкам канализации. Должен заметить, что в своих действиях мы руководствуемся чисто эмпирическими поисками, поскольку какие-либо прецеденты отсутствуют. Надеюсь, через день-другой у меня появятся для вас более приятные новости. — Он повернулся к генералу. — Пожалуй, у меня все, благодарю за внимание.

Генерал снова встал.

— Спасибо, сэр Фрэнк. А теперь, комиссар, не откажите проинформировать нас вкратце о мерах, принятых вами.

Заместитель комиссара полиции, грувный и нерасторопный, медленно вышел вперед с пачкой бумаг в руке. Он не старался сгладить свой акцент истинного кокни, и завистники поговаривали даже, что этот акцент становится все заметнее по мере того, как ранг его обладателя — все выше. Утверждали, что он глottает слова специально для того, чтобы напомнить всем: я начинал простым констеблем на участке Хэкни...

— Главная наша задача — эвакуировать население из района поражения в самый короткий срок.

Действовать мы будем в соответствии с планами эвакуации, разработанными на случай войны, и, по-моему, у вас эти планы есть.— Он посмотрел на слушателей, которые снова согласно закивали, и принялся рыться в своих бумагах.— Вы видите, что основных дезинфекционных центров три — на вокзалах Чериング-кросс, Юстон и Сент-Панкрас. Доктор Фэннинг чуть позже расскажет вам о них подробнее. А я уж ограничусь тем, как мы планируем выселять людей из района.

Если коротко, все они делятся на постоянных жителей и приезжих. Как только вокруг появятся заставы, всякие там покупатели, провинциалы, туристы и так далее выйти сами уже не смогут, и о них мы решили позаботиться в первую очередь. Чрезвычайное положение дает нам право реквизировать собственность, и мы предписываем владельцам отелей в этом районе, чтобы они установили как можно больше кроватей и приютили всех, кто не живет постоянно в зоне, до тех пор пока мы не сумеем их вывезти.

Еще более срочное дело — освободить места в двух крупных больницах: Юниверсити Колледж и Чериング-кросс. В зону посланы кареты скорой помощи, и мы надеемся вывезти всех больных, которых можно транспортировать, уже сегодня к полуночи. Здесь на Риджентс-Парк-сквер,— он показал на карте, где именно,— создается специальный дезинфекционный центр, так что больных можно будет обрабатывать отдельно от здоровых. Все это даст нам, счи-тая по нормам военного времени, примерно двести тридцать вакантных больничных коек. Ведь если чрезвычайное положение затянется надолго, мы наверняка столкнемся с разного рода заболеваниями...

А как только мы вывезем больных и приезжих, очередь дойдет и до постоянных жителей района. Разумеется, каждый, прежде чем покинуть зону, должен

будет пройти полный цикл дезинфекционных процедур; машины с громкоговорителями уже патрулируют по улицам, оповещая всех, что им делать, и распространяя листовки с инструкциями. Но боюсь, на это понадобится еще часов шестнадцать-восемнадцать, и поначалу не избежать определенного замешательства.

Весьма существенно, и этого мы можем добиться уже сейчас, чтобы все оставались на своих местах. Если надо, пусть обратятся на ближайший пост, получат крышу над головой, а потом пусть сидят и не рыпаются. Сэр Фрэнк еще раньше сообщил мне, что, чем больше люди будут слоняться по улицам, тем скорее они разнесут эту заразу, какова бы она ни была, так что я дал распоряжение очистить весь район. Кому действительно надо передвигаться — врачам и так далее, — тем мы выдадим удостоверения особой формы.

Боюсь, однако, что обстановка складывается весьма-благоприятно для уголовного элемента и вполне вероятен рост всякого рода преступлений. Что же касается толпы как таковой, мы не предвидим больших забот, но на всякий случай, так сказать, договорились с генералом Пауэллом о поставках специального снаряжения для борьбы с бунтовщиками. Приняты меры к тому, чтобы вооружить до зубов полицейских окрестных районов, да и сами мы ввозим в зону защитные экраны, ружья для стрельбы резиновыми пулями, баллоны с газом «Си-Эс». Все это будет храниться на каждом из наших постов. А теперь, доктор Фэннинг, не хотите ли вы поделиться с нами сведениями о системе дезинфекции?

Едва комиссар сел на место, раздался общий возбужденный гомон — специалисты спешили сравнить свои заметки и документы.

Фэннинг, высокий, спортивного сложения человек лет тридцати с небольшим, легко вспрыгнул на возв

выпение, прочистил горло, пытаясь привлечь к себе внимание, и с трудом дождался, пока умолкнет шум. Говорил он быстро и как-то легковесно:

— Видите ли, дезинфекция, в сущности, очень простая штука. Нужно убить всех микробов, каких можно, — только и всего.

Проблемы, возникающие при дезинфекции, вполне аналогичны тем, с какими сталкиваются при лечении инфекционных больных в стационаре. Каждое из звеньев системы подобно клапану. Люди, движущиеся сквозь него, должны снять с себя одежду, принять душ, а затем надеть все новое. Впрочем, в отличие от клапана процесс обратим. Те, кто выходит, обязаны раздеться догола, опять-таки вымыться под душем и подождать, пока их одежда стерилизуется в автоклаве, то есть обрабатывается паром под высоким давлением. В данном случае мы не справимся с обработкой одежды вовремя, поэтому просим всех надевать старое платье — его помятят и стерилизуют, а после душа, перед выходом из зоны, людям выдадут новую одежду, то есть новую для них лично, а на самом деле тоже старую. Мы обратились к тем, кто живет вокруг района поражения, с просьбой принести ненужную одежду, и фирма «Оксфэм» также заверила нас, что окажет нам в этом отношении определенную помощь...

Железнодорожные вокзалы выбраны для размещения дезинфекционных центров не случайно: это позволяет строго контролировать выезд людей из зоны. К тому же железные дороги меньше, нежели остальные виды транспорта, соприкасаются с другими, не пострадавшими районами города. Теперь, если вы разрешите, я расскажу более подробно о том, как мы думаем...

Бригадный генерал нетерпеливо посмотрел на часы и твердо сказал:

— Благодарю вас, доктор Фэннинг. Благодарю вас, вы нам несомненно очень помогли. Однако время не ждет.— Он мельком заглянул в список присутствующих и спросил: — Мистер Холланд, что вы можете добавить от лица транспортников?

Холланд нервно теребил себя за пальцы и старался не думать о нарастающей боли в желудке.

— Ничего особенного, пожалуй,— ответил он.— Могу только сказать, что принятые меры оказывают самое серьезное влияние на движение во всем городе. У нас есть данные, что пробки возникли уже в сорока пяти километрах отсюда...— Он помолчал.— Это и понятно: из радиальной системы движения выключен центр, и хотя мы вводим объездные маршруты, расчеты показывают, что они возьмут на себя лишь четырнадцать процентов нагрузки. Ничего другого мы в настоящее время не в состоянии предпринять. Разумеется, в районе поражения закрыты все станции метро, и нам остается только налаживать подвоз пассажиров к окраинам по неповрежденным участкам.

Взгляните на схему,— он нажал кнопку, и на экране вспыхнула карта столичной подземки,— и вы убедитесь, что зона перерезает все основные линии метро, за исключением восточного плеча Северной линии до станции Бэнк. Правда, источники инфекции сосредоточиваются как будто в неиспользуемых отрезках тоннелей, но тем не менее мы предпочли закрыть всю систему, кроме периферии.

Военные, насколько я понимаю, дают нам солдат, и те будут двигаться по тоннелям к центру, стерилизуя их с помощью огнеметов. Но на отдельных участках эти меры исключены: там накопился взрывоопасный газ, риск слишком велик. У меня, видимо, пока все...

Он сел. Генерал вновь заглянул в список.

— А сейчас мистер Хэнтри из санитарного управления муниципалитета поделится с нами соображениями относительно канализационной сети.

Маленький подвижный человечек, сидевший позади Холланда, ловко вскочил на ноги и начал скороговоркой еще на полпути к возвышению:

— Самые существенные факты. Зона поражения перекрывает коллектор среднего уровня, идущий с запада на северо-восток к насосной станции Эбби-Миллс в Стрэтфорде. Вам уже сообщали, что откачка сточных вод непосредственно из центра будет прекращена. Всем жителям в черте оцепления уже объявлено, чтобы они не пользовались уборными и не выливали ничего в раковины. Тем не менее мы по-прежнему откачиваем нечистоты из районов к западу от зоны по направлению к Бектону, к северному водоотводу.

По сигналу Хэнтри на экране появилась карта дренажной сети Лондона — фантастически сложное переплетение линий, почти столь же густое, как уличная сеть. Завладев указкой, Хэнтри продолжал:

— В зону попадает всего один коллектор, ведущий с севера на юг, — коллектор Сэвой-стрит. Он не из главных, и его легко перекрыть со стороны Юстон-роуд. Главная проблема в другом: куда направить сток с запада? Сначала мы думали использовать русло подземной речки Флит и Северный коллектор верхнего уровня, но это невыполнимо — слишком мала мощность насосов на станции Лотс-роуд. Другая возможность — магистральный коллектор Пикадилли и русло подземной речки Рейнлей, но и тут мы опять-таки сталкиваемся с проблемой: не удается полностью перекрыть ответвления, ведущие из зоны поражения.

Хэнтри выждал паузу, едва ли не наслаждаясь предвкушением того эффекта, какой произведут его заключительные слова:

— Исходя из этого, мы пришли к выводу: уверенности в том, что никто во всей зоне не спустит в канализацию новой заразы, быть все равно не может; значит, остается одно — закрыть магистральную систему среднего уровня целиком. А это, в свою очередь, означает, что весь сток с севера и с запада придется направить в ливневую канализацию и, следовательно, прямиком в Темзу...

Аудитория немедленно взорвалась гулом, сквозь который прорвался протестующий возглас сэра Фрэнка Дейла:

— Но послушайте, боже мой, вы просто не имеете права!.. Это опасно для здоровья, вы что, не соображаете? Десятки инфекционных болезней! Эпидемии!..

— Сэр Фрэнк, — терпеливо повторил Хэнтри, — у нас нет выбора. Направить сток больше просто некуда.

— Разве у вас нет отстойных резервуаров или как там они называются?

— Есть, но они не вместят и десятой доли сброса. Мы вынуждены направить сток в Темзу, другого выхода у нас нет.

— Предупреждаю, — продолжал раздраженно сэр Фрэнк, — мы сразу столкнемся с серьезными вспышками...

Бригадный генерал поспешил подняться с места и проговорил примирительным тоном:

— Благодарю вас, мистер Хэнтри, вы нам тоже очень помогли. Сэр Фрэнк, я думаю, будет лучше, если вы продолжите ваш спор после перерыва. Нам нужны дополнительные факты, и, как я понимаю, — он бросил взгляд в сторону одного из своих помощников, который ответил кивком, — сейчас сюда прибудет уполномоченный Лондонского порта, чтобы сообщить нам о прогнозе приливов и отливов и еще кое о чем. Быть может, вы примете такое предложение?

Сэр Фрэнк нехотя согласился.

— А пока я, с вашего позволения, расскажу вам чуть-чуть подробнее об особенностях данного подземного комплекса...

Пока бригадный генерал в ярком свете и тепле подземелья держал свою речь перед избранными, по земле далеко над их головами резкий северный ветер швырялся редким снежком и нес его вдоль улицы Портленд-плейс к зданию Би-би-си. Полицейский фургон, вставший посреди мостовой на углу Ленгхэм-плейс, через громкоговоритель на крыше хрюпло инструктировал собравшихся вокруг пешеходов:

— Лицам, постоянно проживающим в данном районе, настоятельно рекомендуется вернуться домой и больше на улицу не выходить. Проживающие в других районах должны немедленно прибыть в один из пунктов, отмеченных на плане, откуда они в минимально короткий срок будут выпущены за пределы зоны. Планы, на которых указано размещение подобных пунктов, можно получить здесь, а также у любого встречного констебля. На случай возможной задержки и во избежание трудностей проживающим в других районах рекомендуем также получить список реквизированных отелей, где им бесплатно будет предоставлено временное жилье и питание...

Пожилая женщина в твидовом пальто не по росту, взяв из рук полисмена грубо напечатанный план, досадливо проворчала:

— А как, скажите на милость, я туда доберусь? Мне на моих ногах и сотни метров не одолеть..

Полисмен, крупный мужчина с дружелюбным лицом крестьянина, глядя на нее сверху, ухмыльнулся:

— Не беспокойся, дорогуша, я подтолкну тебя пониже спины...

Какую-то секунду она свирепо ела его глазами, потом с одышкой прокаркала:

— Ну что ж, я не возражаю...

Двое элегантно одетых дельцов выслушали все, что сообщил им громкоговоритель, и один повернулся к другому:

— Не кажется тебе, что это звучит как приглашение распить рюмочку-другую?

— В баре «Савиль»? — ослабился второй.

— Совершенно верно.

И оба, круто повернувшись, удалились.

Полицейские двигались сквозь толпу, раздавая планы и инструкции. В этот момент, перекрывая надсадный вой ветра, с северного конца улицы послышался нарастающий грохот. Из-за поворота, с полуокруга площади Парк-сквер, вылетела, резко выделившись на снегу, длинная черная колонна армейских грузовиков. Вдоль колонны взад и вперед, словно хлопотливые насекомые, сновали мотоциклисты.

Как только головной грузовик достиг Лентхэм-плейс, вся вереница машин со скрежетом остановилась. Тотчас же упали задние откидные борта, и на землю попрыгали солдаты, которые стали выгружать деревянные рогатки и мотки колючей проволоки.

Чины военной полиции в красных фуражках, покинув свой грузовик, быстро рассредоточились вдоль западной стороны улицы и принялись останавливать транспорт, выруливающий из боковых проездов. Водителям коротко приказывали дать задний ход и убираться, откуда приехали.

То тут, то там вспыхивали яростные споры — водители не хотели ничего знать и не желали выполнять приказания военных. Солдаты работали с неистовой скоростью, возвигая заграждения на крестообразных подпорках. Боковые проулки в мгновение ока были забаррикадированы все до одного.

С юга Темза, бегущая вдоль гигантской излучины набережной, образовала естественный барьер — пришлось закрыть один-единственный крупный мост, Ватерлоо. Два полугусеничных броневика встали попереек дороги на южном берегу, как раз на уровне яйцевидного купола концертного зала Фестивал Холл. Полицейский вездеход приткнулся между ними, и патрульные дорожной полиции установили мигающие предупредительные сигналы и знаки «Проезд нет». Тех, кто в сердцах предпринимал попытки перебраться на северный берег по пешеходному мосту Хангерфорд, задерживали у подножия длинного марша каменных ступеней, ведущих к мосту от Вильерсстрит.

Мало-помалу, по мере того как армия и полиция со своими рогатками и прочим снаряжением продвигались вперед, значительная часть улиц, площадей и магазинов оказалась отрезанной от остального города, подобно какому-то древнему гетто. По Юстон-роуд и Саутгемптон-роу рогатки перерезали все поперечные улицы. Машины, лихорадочно пытаясь выбраться из кольца, лишь создавали бесконечные пробки. Множилось число несчастных случаев, вспыхивали драки.

Но постепенно, едва машины исчезли с улиц, на район спустилась тишина. На смену привычному гулу движения пришли звуки шагов; пешеходы, сбиваясь в испуганные кучки, сообща изучали планы и инструкции, выданные полицией, и торопились к ближайшему убежищу.

Воздух был сухой и стылый, все так же падал снег, и у бровки тротуаров начали вырастать небольшие сугробы.

В своей роскошной квартире, выходящей окнами на неопрятную космополитическую Олд-Комптон-

стрит в квартале Сохо, Гарри Мензелос сосредоточенно слушал очередную сводку о чрезвычайном положении. Дослушав, он выключил приемник, подошел к окну и задумчиво уставился на магазинчики и закусочные, расположенные напротив. Так оностоял довольно долго, барабаня пальцами по стеклу, его унылое лицо ровным счетом ничего не выражало. Потом он отошел от окна и достал из золотой коробочки длинную сигарету.

Мензелос был профессионал.

Чего стоят жизнь и смерть, он усвоил еще будучи ротным старшиной при британской военной миссии в Салониках. Воюя в горах Хортиатис на севере Греции, он быстро заработал себе репутацию — и в среде своих, и в стане врагов — умелого убийцы. Подчиненные почитали в нем начальника, способного добиться успеха и требующего от них только одного — беспрекословного повиновения.

После войны он оставил свой родной Пирей и перебрался в Англию, где дрейфовал от преступления к преступлению, не получая больших барышей, но и не попадаясь. Первым его значительным успехом было ограбление в Хэттон Гарденс, когда он захватил партию мелких легко реализуемых бриллиантов на кругленькую сумму в десять тысяч фунтов.

От природы неглупый и восприимчивый, он задумал и совершил еще несколько крупных краж, а свои доходы вкладывал во вполне легальные деловые предприятия. К настоящему времени он был владельцем двухочных клубов в Пэддингтоне и сети обувных магазинчиков как в самом Лондоне, так и в окрестных графствах.

Он неукоснительно платил подоходный налог.

Сейчас Гарри Мензелос налил себе в стакан на два пальца выдержанного французского коньяку, затем подошел к телефону и набрал номер, в ожидании

ответа наблюдая за тем, как нарастает столбик пепла на кончике сигареты.

— Солли? Да, это я, Гарри. Радио слушал? Скверное дело, правда?.. — Он издал короткий смешок. — В общем, мне все это подсказывало одну прекрасную мысль. Участвуешь, Солли? Ладно, тогда почему бы тебе не подъехать сюда?.. Вот именно. Поторапливайся, Солли, теперь или никогда... Точно. Захватил бы с собой и Олфорда... Да, совершенно верно. Где он держит свой грузовик? Здорово, это в пределах зоны, не так ли? Заберите его и поставьте на вадворках... Да, да. До встречи...

Положив трубку, он проплывал в спальню и, откатив в сторону широкую двуспальную кровать, отогнул ковер. Вынув из гнезд три узкие паркетные планки, он достал из-под них увесистый ком промасленных тряпок. Развернул.

Свет настенных бра упал на тусклую сталь пистолета системы Стэн и двух револьверов армейского образца и на обоймы с патронами.

На улице внизу магазинчики закрывались один за другим. Торговцы прятали банки с огурцами и консервированной рыбой и приводили в порядок опустевшие прилавки.

На Брюэр-стрит было темно и пустынно; трое, притаившись у самых дверей, прислушались. Снег уже покрыл тонким слоем весь тротуар, и гангстеры с тревогой вглядывались в путаные цепочки собственных следов, которые, казалось, нарочно указывали, где они спрятались.

Наконец, удостоверившись, что вокруг никого, Солли Экермен вынул из сумки миниатюрную дрель

на батареях, ввинтил в нее длинное сверло с карбидным наконечником и начал высверливать дырку рядом со скважиной главного дверного замка. Над его головой красовались крупные чеканные, слегка припорошенные снежком буквы: «А. Боннингтон. Ювелирные изделия».

Яростное завывание дрели в тишине безлюдной улицы казалось до безумия громким. Но вот Солли остановил дрель и засунул в просверленное отверстие длинный нарезной прут. На конце его была закреплена массивная поперечина, и, как только прут прошел насеквось, поперечина выскоцила из гнезда — теперь вынуть инструмент с наружной стороны было невозможно.

На внешний нарезной конец прута Солли навинтил тяжелую однозубую фреазу, очень напоминавшую школьный циркуль, затем приладил к ней коловорот с храповым механизмом. Он вращал коловорот, а фреаза рывками вгрызаясь в металл, и вокруг замка появлялся полукруглый разрез. Остальные нетерпеливо следили за его работой, потея на холодном ветру. Поблескивающие синеватые завитки раскаленной стальной стружки с коротким шипением падали в снег.

А в трех метрах ниже поверхности улицы, под кирпичным сводом коллектора давней викторианской постройки, мутант-59 неуклонно следовал предназначенному ему путем. Жадно поглощая дегрон самораспадающихся бутылок, поколения бактерий росли, делились и погибали, и каждая из них выделяла частичку газа. Газ заполнял сырье канализационные тоннели, медленно поднимался по фановым трубам, проникал в подвалы и дома...

Экермен повел их за собой через торговый зал, мимо пустых стеклянных витрин и вниз по лестнице, крытой ворсистым ковром. Луч фонаря выхватывал

из темноты то мягкую мебель, то ряды эстампов на изогнутой лестничной стенке. Наконец луч уперся в коробку с предохранителями и шеренгу литых выключателей. Не говоря ни слова, Солли передал фонарь третьему в компании, Олфорду, и тот опытной рукой направил луч так, чтобы как можно лучше осветить выключатели. Экермен вскрыл один из них, предварительно сорвав свинцовые фирменные пломбы. Затем вынул из сумки маленький прибор с торчащими из него проволочками и прикоснулся ими к сверкающим медью пластинам. Стрелка прибора остановилась на нуле.

— Все в порядке, тока нет, — шепнул он.

— Тогда приступим, — также шепотом откликнулся Мензелос.

И они, крадучись, двинулись дальше. Олфорд проворчал:

— Должно быть, здесь кто-то нагадил. Боже, ну и вонища!

— Давай, давай, — раздраженно заявил Мензелос, выхватывая у Олфорда фонарь и шаря лучом по комнате. — Вот он, вон там!..

Луч метнулся в угол и осветил тяжелый черный сейф. В полутьме никто из них не заметил, что над раковиной, притулившимся в противоположном углу, вздымается небольшая шапка пены. Олфорд сосредоточенно осматривал сейф, приговаривая:

— Автогеном тут не возьмешь, это же Паркстоун, высший сорт. Вы только взгляните, четыре винта, два со стороны замка, два со стороны петель. Придется его, голубчика, шаклевочкой, уж она-то с ним справится, не сомневайтесь...

Потребовалось двадцать минут, чтобы Экермен просверлил в оболочке сейфа четыре глубокие дыры как можно ближе к каждому из засовов. Мензелос распутывал провода, ведущие к цилиндрической гор-

ке высокоразрядных никелево-кадмевых батарей, а Олфорд снял с лестницы ковер и бросил его на полу перед сейфом.

Затем Экермен достал из своей сумки жестянку из-под какао и принялся выгребать оттуда «шпаклевку» — пластичную взрывчатку, раскатывать ее на тоненькие колбаски и запихивать их в просверленные отверстия. Покончив с этим, он воткнул в «шпаклевку», выступающую из дыр, четыре крохотные медные трубочки — детонаторы. С каждого детонатора свисала наружу пара проволочек. И наконец, вытащив шарик модельной глины, он разделил ее на четыре равные части и осторожно, пальцами, обмазал детонаторы так, чтобы из-под глины выглядывали только эти проволочки.

Тогда за дело взялся Мензелос: он подсоединил концы к грубо сделанной разветвительной коробке и, подхватив батареи, повел провода прямо по голым ступеням обратно наверх. Олфорд бережно обмотал сейф лестничным ковром, приперев его для верности двумя стульями.

А пена, выплескивающаяся из сливной трубы, уже разлилась по всей раковине.

— А ну-ка, выметайтесь оттуда! — позвал сверху Мензелос. Олфорд и Экермен, бросив вокруг последний взгляд, поспешили к своему шефу. Все трое встали в углу торгового зала, и Мензелос распорядился: — Выгляни на улицу, Ленни. Чтоб там ни души...

Олфорд приблизился к окну, посмотрел в одну сторону, в другую, убедился, что на улице по-прежнему пусто, и вернулся:

— Все в порядке, никого нет...

Мензелос аккуратно подсоединил один провод к батареям, а другой — к ключу, привязанному сбоку черной тесьмой. Закрыл глаза — и решительно повернул ключ.

Внизу, в подвале, четыре заряда взорвались одновременно. Раздался гулкий грохот, ковер и стулья отлетели на другой конец комнаты, и четыре дыры выбросили четыре огненных язычка. Гангстеры ринулись по лестнице вниз — и тут воспламенился собравшийся в раковине газ.

Пламя распространилось вниз по сливной трубе и через ее подземные разветвления переметнулось в главный коллектор. Весь газ, накопившийся под его сводами, с чудовищным гулом взорвался. Тяжелая чугунная решетка, замурованная в мостовую, волчком взлетела в воздух и с резким звоном грохнулась на тротуар.

Гангстеры уставились на разрушения, открывшиеся им в подвале. Они задыхались от пыли, луч фонаря едва проникал во мглу. Вокруг был совершенный хаос. Штукатурка обвалилась, кое-где за нею последовала и кирпичная кладка. На месте раковины в полу разверзлась вияющая брешь. Искореженная дверца сейфа болталась на одной-единственной петле.

— Ну и ну! — прошептал Олфорд. — Что за взрывчатку ты заложил?

Экермен был в полном недоумении.

— Обычную шпаклевку, только и всего...

— Давайте сматываться, — запаниковал Олфорд. — Моргнуть не успеем, сюда заявятся легавые...

Он двинулся назад к лестнице, но Мензелос схватил его за руку.

— Мы забыли камушки, Ленни...

Экермен уже выгребал из сейфа закопченные бумаги и коробки с драгоценностями. В конце концов он извлек из металлического ящичка три бархатных мешочка с этикетками.

— Вот они, теперь в темпе...

Он перебросил один мешочек Мензелосу, а два других опустил себе в карман.

Где-то над их головами, на улице, заскрежетали шины, лязгнули автомобильные дверцы, раздались приглушенные голоса. Это трое напряглись, силясь разобрать слова. На верху послышался скрип шагов. Мензелос спешно погасил фонарь.

— Ни звука, ни звука!..

— Чертова дверь! — шепнул Олфорд. — Они же заметят дырку в двери...

— Заткнись! — отозвался шепотом Экермен.

Гангстеры замерли в полном молчании. Тихо звякнула сталь — Мензелос поставил на боевой взвод свой пистолет. Прошла, казалось, вечность, прежде чем голоса и шаги начали удаляться; снова лязгнули дверцы, зарокотал мотор — и затих за поворотом.

— Подождем еще немного, — сказал Мензелос, вновь включая фонарь. — Переждем здесь, потом выйдем как ни в чем не бывало и вернемся ко мне в берлогу.

— Непохоже, чтобы мы кого-нибудь встретили, Гарри, — заявил Экермен.

— Все хотят дать тягу из зоны, вот почему надо было действовать сегодня. Дальше мы вообще станем здесь полными хозяевами. Даже солдаты на улицу носа не высунут!..

Мутант-59 сжал центр Лондона мертвой хваткой.

Леденящая декабрьская стужа не останавливалася — он эволюционировал, приспособливаясь, делился, — и новые его поколения обучались нападать на новые молекулярные структуры и разрушать их. В поисках пропитания бактерии набрасывались на любые сорта пластмасс, и те размягчались и пузырились, добавляя к общей эпидемии еще одну вспышку. И повсюду, где бактерии попада-

ли в замкнутое пространство, довольно было искорки или огонька, чтобы газ, достигнув оптимальной концентрации, неизбежно взрывался.

Вся гигантской сложности система — сосуды и нервы, необходимые для нормальной жизни города, — попросту развалилась. Все подземные газовые и водопроводные магистрали, все электрические кабели рассыпались прахом. Повсеместно были хоть какие-нибудь пластмассовые детали, и повсеместно проникали прилипчивые споры или взрослые бактерии, и повсеместно происходили новые и новые разрушения.

Ветер переносил клочья заразной пены с места на место, и они вызывали новые несчастья. И сами люди, не ведая о том, становились переносчиками пластмассовой эпидемии — частички инфицированных веществ приставали к их рукам и одежде.

Вспышки разрастались в строгой геометрической прогрессии.

Как только по радио передали вердикт о чрезвычайном положении, люди кинулись в продовольственные магазины. У каждой лавочки выстраивались очереди. Закусочные в Сохо в мгновение ока оказались опустошенными — те, кто прежде и на дух не выносил маринованную сельдь или чесночную колбасу, теперь закупали их килограммами.

Без всяких видимых причин, словно мина, взлетела в воздух подземная магистраль под улицей Олдвич, вызвав пожар в одной из старинных таверн и обрушив фасад здания телевизионной компании.

На глазах хирурга, который вел срочную ортопедическую операцию в больнице Юниверсити Колледж, пластмассовая трубка, вставленная в вену пациента, обмякла и лопнула под напором жидкости из капельницы, а он, хирург, не в силах был ничем помочь.

В центральной диспетчерской лондонского метро на Кобург-стрит вышла из строя и погасла настенная схема линий. Диспетчеры сидели над чашками с остывшим кофе, тупо уставившись на безжизненные пульты.

В Скотланд-ярде замолк центр радиосвязи с патрульными машинами — разрушилась изоляция в релейном зале.

И хотя большинство серьезных аварий происходило в оцепленной зоне, те, кто покинул ее до начала обязательной дезинфекции, подчас выносили заразу с собой во внешний мир.

В аэропорту Хитроу диспетчер с ужасом увидел, как одна из кнопок пульта управления отвалилась, приклеившись к его пальцу.

В кузове грузовика, с ревом мчавшегося на север по автостраде М-1, стояли полиэтиленовые бутыли с жидким промышленным цианидом. У самого донышка одной из них, там, где ее коснулся лондонский груичик, образовалась крошечная выпуклость. Под тяжестью валикой в бутыль смертельно опасной жидкости выпуклость медленно росла, росла — и вдруг лопнула. И из отверстия в кузов, а из-под заднего борта на дорогу капля за каплей начал сочиться яд...

Вдали от столицы на реке Уай некий предприниматель по колено в воде спокойно удил рыбу, как вдруг в изумлении почувствовал, что его болотные сапоги расползаются прямо на нем.

В тишине почти вымерших улиц Джек Бейли устало тащился по снегу домой. Уткнув лицо в воротник старой флотской шинели и напялив поглубже островерхую фуражку — свидетельство его принадлежности к артели бывших военнослужащих, он нес в руках два бумажных пакета со снедью. Повернув с Шафтсбери-авеню на Ньюпорт-стрит, он подумал, что Мэри, быть может, и не сумеет готовить на керосинке.

Обогнув автостоянку, заполненную белыми сугробами брошенных на произвол судьбы машин, он ввалился в двери своей полуподвальной квартирки.

Здесь было заметно теплее, но стояла резкая вонь от керосинки. Две свечи на дешевеньком лакированном буфете позволили ему разглядеть жену, которая сидела, обхватив руками грелку и закутавшись в одеяло.

— По радио сейчас передали, что и на улицу выходить нельзя, — сказала она жалобно.

— Знаю. В пивной объявляли перед закрытием. У меня есть инструкция, там сказано, что делать. Чай нет? Я совсем окоченел.

Она встала, не спуская с плеч одеяло, и, взяв одну из свечей, отправилась на кухню. Потом окликнула мужа.

— Газ поступает еле-еле, по радио говорили, что взорвалась какая-то там труба на Черинг-кросс-роуд. Какое-то там пластмассовое уплотнение. Врут, на-верное...

— Все равно не выключай пока. Потеплее будет...

— А монетки для счетчика у тебя есть?

— Да с дюжину наберется.

Она вернулась с подносом в руках — на нем стояли две чашки и свеча.

— Затвори за мной дверь, я пока тут все расставлю...

А позади нее, в полутемной кухне, в раковине во-круг сливного отверстия появился тонкий ободок пе-ны. Мутант-59 поднялся из коллектора, проходящего под квартиркой Бейли, но в стылом воздухе кухни деление клеток замедлилось. Пена стала было подсыхать, и тут вялое пламя газовых горелок слегка подогрело воздух.

Джек и Мари тихо отдохнули, держа в ладонях чашки с чаем. Мэри покачивалась в кресле, а Джек

поглядывал на стопку журналов и брошюр из серии «Умелые руки» и «Сделай сам».

Чем бы еще заняться? Сделать полки в кладовой или потолок в спальне? Мало-помалу он согрелся, вёки его смыкались, голова упала на грудь. Мэри наблюдала за мужем, улыбаясь своим мыслям. Когда он начал мягко посапывать, она сняла с себя одеяло и бережно накрыла ему колени. Потом она, завернувшись в его пальто, откинулась в кресле, подобрала зачитанную книжку в бумажной обложке и повернулась так, чтобы отблеск оплывающей свечи падал на страницы.

А на кухне пятнышко пены зашевелилось и стало понемногу расширяться.

Почуявший тепло мутант-59 проснулся.

Сложные биохимические сигналы побудили неподвижную протоплазму клеток вновь начать пульсировать и делиться. Бросая вызов законам Дарвина, каждое новое поколение не только наследовало успехи предыдущего, но и находило собственные способы вспарывать молекулы пластмасс, добывая энергию для дальнейшего существования. Мутант научился все шире обращать себе на пользу творения рук человеческих. Проснувшиеся клетки усвоили остатки недоеденной пищи вокруг себя, в раковине образовались пузырьки газа. Один из пузырьков беззвучно лопнул, и несколько мельчайших капелек брызнуло на сушильную доску, которую Джек собственноручно покрыл самоклеящимся пластиком.

В то же мгновение капельки как бы впитались в пластик и исчезли.

Очнувшись в полутишине гостиной, Джек заметил одеяло на коленях.

— Спасибо. А тебе-то тепло?

Она кивнула.

— Как ты думаешь, это надолго?

— Откуда я знаю! Наверное, наведут порядок. В больнице святого Томаса целую кучу ученых старишек собрали...

— Словно во время бомбёжек, верно?

— Ну нет, ведь тогда это длилось целых два года...

— Не знаю, как мы протянем. Керосина у нас литров десять, не больше.

— Все будет хорошо, родная. Я немного позже схожу на этот, как его там, пост и выясню, что творится. Они, похоже, все продумали. У меня тут где-то была инструкция... — Он вытащил сложенный вчетверо листок коричневатой бумаги, по которому бежали жирные черные строчки. К листку была приколота крупномасштабная схема центра города.

— Вот она, я тебе сейчас прочту.

Он принял разбирать слово за словом. От свечи на бумагу ложились блики, тяжеловесные фразы звучали в его устах нелепо и неестественно.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Провозглашено сегодня в соответствии с законом о чрезвычайных полномочиях от 1920 г., часть I, пункт А. Настоящим удостоверяется, что закон вступил в силу, скрепленный подписью Ее Величества по рекомендации Тайного Государственного совета.

Ниже следующая инструкция составлена ради вашей собственной безопасности. Весьма желательно, чтобы вы отнеслись к ней со всем вниманием и неукоснительно выполняли все ее требования. Эти требования касаются тех и только тех, кто находится в пределах зоны, показанной на прилагаемой схеме.

В связи с введением чрезвычайного положения правительство намерено полностью эвакуировать данный район; это означает, что вы должны будете явиться в один из дезинфекционных центров, обозначенных на схеме. Другой возможности покинуть зону не существует.

Не обременяйте себя багажом и личным имуществом. Оденьтесь как можно теплее, предпочтительно в старое платье, и не берите с собой никаких вещей, сделанных из пластических материалов. Проверьте самым внимательным образом, не осталось ли на вас или при вас каких бы то ни было пластмассовых изделий. Обнаружив таковые, без колебаний оставьте их.

(К примеру, если вы носите зубные протезы, вам придется их снять. Аналогичным образом придется отложить обувь, если ее подошва или верх выполнены из пластика.)

В дезинфекционном центре вас попросят снять с себя всю одежду и пройти через специальную душевую камеру. Ваша одежда тем временем подвергнется обработке паром и будет вам возвращена перед выходом из центра. В отдельных случаях может возникнуть необходимость задержать вашу одежду для дальнейшего исследования. Тогда центр предоставит вам запасное платье взамен изъятого. По выходе из центра вы свободны следовать в любом направлении, но возвращаться в зону категорически воспрещается.

К иногородним

Если вы случайно оказались в зоне, следуйте в один из отелей, перечисленных в приложении А, где вам предоставляют пищу и постель. Вам выдадут также номерной нагрудный знак с указанием, в каком из центров вам надлежит пройти дезинфекцию. Следуйте в ближайший из перечисленных отелей без промедления, нигде не задерживаясь и никуда не заходя по дороге.

Эти предписания касаются в равной степени как британских граждан, так и иностранцев.

К жителям района

Если вы постоянно проживаете в пределах зоны, НЕ ВЫХОДИТЕ ИЗ СВОЕЙ КВАРТИРЫ.

Не беспокойтесь о продовольствии: полиция и армейские подразделения доставляют его в район оцепления, и вплоть до эвакуации оно будет распределяться бесплатно.

Внимательно изучите схему и найдите ближайший к вашему дому специальный полицейский пост. С улицы его местоположение нетрудно определить по мигающему красно-белому фонарю, напоминающему по расцветке столбик у дверей парикмахерской.

Что делать с зараженной пластмассой

Если вы заметили признаки разрушения пластмассы, прежде всего НЕ ТРОГАЙТЕ НИЧЕГО поблизости от нее. Пластмасса, подвергшаяся заражению, чаще всего сначала размягчается, потом плавится, а затем на ее поверхности образуются пузырьки, и это сопровождается неприятным запахом, похожим на запах тухлых яиц. Газ, выделяемый пузырьками, взрывоопасен — не пользуйтесь открытым огнем. Если, к примеру, процесс начался у вас на кухне, немедленно выключите все горелки газовой плиты. Если отопление в вашем доме действует от угольной или газовой печи, погасите их.

Вслед за тем сразу же отправляйтесь на ближайший полицейский пост и дождитесь о случившемся. Инцидентом займется специально обученный персонал.

ЗАПОМНИТЕ:

Ни к чему не прикасайтесь.
Не пытайтесь справиться с инцидентами собственными силами. Немедленно докладывайте о них.

Публичные заведения

Все публичные заведения обязаны прекратить свою деятельность. Это относится к магазинам, расписочным, ресторанам, театрам, кинотеатрам, клубам и к любым другим учреждениям, где собирается много народа.

Средства передвижения

В пределах зоны не разрешается пользоваться никакими средствами передвижения, за исключением тех случаев, когда эти средства понадобятся полиции или уполномоченным на то военным и гражданским лицам. Однако, если к вам обратились с подобной просьбой и вы ведете машину по официальному делу, от вас не потребуется ни справки об уплате дорожного налога, ни страхового свидетельства.

Общественный транспорт

Движение общественного транспорта в пределах зоны прекращено до особого распоряжения. Особенно важно, чтобы никто не приближался к станциям и сооружениям метрополитена. Они закрыты, поскольку Метро — один из главных источников заражения. Его следует всячески избегать.

Водопровод и канализация

Канализационные магистрали подверглись особо сильному заражению, поэтому их пришлось закрыть.

Независимо от того, живете вы в зоне постоянно или нет, чрезвычайно важно, чтобы вы впредь не сливали что бы то ни было ни в раковины, ни в унитазы. Заполните ванну холодной водой и применяйте эту воду исключительно для питья. Если все же вы будете пользоваться водой для умывания, собирайте ее после этого и храните в стенах квартиры. Выливать воду на улицу ни при каких обстоятельствах не разрешается.

Категорически воспрещается пользоваться уборными.

Для отбросов вам будут выданы бумажные мешки, и вы сможете освободить мусорные ящики, залить на дно дезинфицирующую жидкость и употреблять их для туалетных нужд.

Особенно важно, чтобы вы никоим образом не смешивали воду для питья, которую обязательно следует кипятить, с водой для умывания. Пренебрежение этим правилом может привести к распространению опасных заболеваний.

Если вы заболели

Если вы или кто-либо из членов вашей семьи все-таки заболели, обращайтесь на ближайший специальный пост, отмеченный на схеме, — вам окажут медицинскую помощь. Тяжелобольные в тех случаях, если их не удастся вылечить в больницах Юниверсити Колледж или Черинг-кросс, будут эвакуированы через дезинфекционный центр «М» на Портленд-сквер.

Средства связи

Поскольку телефонная сеть полностью вышла из строя, настройте свои радиоприемники на третью программу, по которой ежечасно передаются специальные бюллетени и инструкции.

Ответственность при неповиновении

С введением чрезвычайного положения полиции и другим должностным лицам предоставлены широкие полномочия. Выражая надежду, что в применении карательных санкций нужды не будет, правительство тем не менее настоятельно просит граждан строго придерживаться вышеуказанных рекомендаций. В противном случае их ожидает суровое наказание.

На кухне мутант-59 уже развернулся в полную силу.

Пятышко на сушильной доске пузырилось вовсю, разбрасывая капельки по виниловой поверхности обоев и по лежащим поверх слоя войлока плиткам пластика на полу. Каждая капелька тут же впитывалась, и все вокруг нее размягчалось и шло пузырями.

Потом эти новые пузыри в свою очередь взрывались, рассеивая новые и новые капли. Мгновение за мгновением мутант пожирал кухню Бейли. Прозрачная пластмассовая банка с надписью «Кофе» — на самом деле в ней хранился сахар — вдруг размякла, потеряв всякую форму. Полиэтиленовая миска осела, выгнулась и перевернулась, выплеснув заготовленную

для омлета яично-молочную смесь. Блестящая клеенка на кухонном столе зашевелилась как живая, и нарисованные на ней цветочки приняли сюрреалистический вид. И наконец, черное мусорное ведро, стоявшее под раковиной, вдруг раздулось и лопнуло, и по полу поползла густая клейкая масса.

По мере того как скорость деления бактерий нарастала, дурно пахнущий газ стал просачиваться из под двери в гостиную. Джек с отвращением повел носом и кивнул в сторону кухни.

— Какую дрянь ты там держишь?

Секунду-другую он смотрел на жену, потом перевел глаза на листок с инструкцией. Мэри в свою очередь не сводила с мужа расширенных от испуга глаз.

— Господи, неужели ты думаешь?.. — начала она.

Они оба поднялись на ноги и одновременно потянулись за свечкой. Джек распахнул дверь в кухню, Мэри, вздрогивая, жалась у него за спиной. Им показалось в полумраке, что вся кухня движется, словно предметы в ней стали одушевленными. Очертания знакомых вещей расплывались, окутанные тихо шипящей пеной.

— О господи, господи!..

Она вцепилась ему в рукав, ее тряслось.

— А ну, давай отсюда...

Он втолкнул ее обратно в гостиную и заставил сесть.

— А газ, про газ ты забыл? Выключи его скорее...

Бейли бросился в кухню. Погасив обе горелки, он захлопнул за собой дверь и взял жену за плечи.

— Тут сказано — об этом надо докладывать. Я пойду...

— Джек, умоляю, ради бога, не оставляй меня наедине с этим... Не оставляй меня одну!..

— Ничего не поделаешь, надо. Успокойся, все будет в порядке.

— Если ты уйдешь, я здесь одна не останусь, ни за что не останусь!

Она попыталась встать.

— Да я вернусь через две минуты. Ближайший к нам пост — на Кембридж-серкс. — Он показал на кухонную дверь и добавил: — Только не ходи туда, и все будет в порядке.

— Джек, я здесь не останусь...

— Так надо. Я вернусь — оглянуться не успеешь. — И он решительно усадил жену обратно в кресло. Бросил взгляд на дверь, затем на керосинку. — Ее придется потушить тоже. Ведь сказано потушить, верно? — Он прикрутил фитиль и подождал, пока, мигнув, погас голубенький огонек. — Я скоро вернусь!

Она еще раз посмотрела на мужа снизу вверх, из кресла, и, плотнее закутавшись в одеяло, как завороженная уставилась на кухонную дверь. Он осмотрелся в последний раз, почти в полной темноте, и вышел.

Она ждала его, дрожа от страха, целых двадцать минут, потом Бейли вернулся, стряхнул с ботинок налипший снег, защелкнул за собою замок и прислонился к стенке, стараясь отдохнуть.

— Ну, и что теперь будет? — спросила Мэри.

— Пришлют дезинфекционную команду. Я дал им адрес. Сказали — прибудут скоро, не задержатся...

Еще полчаса они просидели в полутьме, поджидая. Внезапно снаружи, из каменного коридорчика, донесся скрип шагов, а затем громкий повелительный стук.

— Кто там? — нервно отозвался Бейли.

— Дезинфекция. Откройте, пожалуйста!

Бейли встал, отодвинул тяжелый засов, снял цепочку и распахнул двери. Мэри вскрикнула.

За дверями высились три огромные фигуры с громоздкими, как у горноспасателей, фонарями в руках. Все трое были одеты в защитные костюмы с капюшо-

нами и прозрачными щитками, прикрывавшими лица. У каждого поперек груди красовалась черная надпись «Бистон — подразделение химической защиты». У одного был распылитель с баллоном, прикрепленным к спине, второй нес инструменты — лопату, ломики, топор на длинной рукоятке. Третий держал какой-то электронный прибор — на боковой крышке висели моточки проводов со штырьками на концах. Несколько секунд они стояли в дверях неподвижно, и смутные их силуэты в сиянии фонарей напоминали пришельцев из космоса.

Наконец Джек Бейли оправился от изумления:

— Напугали вы нас, черт вас побери...

— Извини, старина, мы этого не хотели, — ответил старший по команде. Голос его за щитком звучал приглушенно.

Они вошли в комнату, осветив ее лучами своих фонарей. Мэри съежилась в кресле. Один из пришельцев заметил это и сказал:

— Да не бойтесь, мамаша, мы вас долго не задержим. — И, обернувшись к Джеку, спросил односложно: — Где?..

— Вон там, на кухне, — кивком показал ему Бейли.

Старший, с сержантскими напивками на рукаве, подал знак рукой, и они втроем принялись распаковывать свое имущество и раскладывать его при свете фонарей на полу.

— Что вы собираетесь делать? — озабоченно спросил Джек.

Сержант смерил его из-под щитка пристальным взглядом.

— Боюсь, придется устроить тут у вас небольшой кавардак.

— То есть?

— Прежде всего давайте посмотрим...

Сержант осторожно приоткрыл кухонную дверь и посветил фонарем во тьму. Вся кухня, казалось, была в движении, ее заполняли вздывающиеся и опадающие тени. В гостиную потек сырой тошнотворный запах.

— Чтоб мне лопнуть, скверное дело! — выскавался сержант и снял с плеча сумку. Из сумки он достал три пары огромных бот, и каждый из троих, прежде чем перешагнуть порог, напялил эти боты поверх ботинок. Сумку они захватили с собой и поставили посреди кухни.

Джек вознамерился было последовать за ними, но сержант круто повернулся и бросил:

— Не входить! Теперь вам сюда дороги нет, оставайтесь в комнате...

Джек отошел ворча, а команда умело и решительно взялась за дело. Один ручной пилой отпиливал провисшую раковину, второй сгребал в кучу искореженные миски и банки, а третий, сжав выступающую рукоять распылителя, принялся качать, свободной рукой направляя струю жидкости из длинного тонкого планга на пораженные участки. Острая химическая вонь тут же проникла в гостиную.

Мэри сидела, испуганно раскрыв глаза, капляла, задыхаясь от едкого запаха. Объединенными усилиями трое учинили в кухне совершенный погром. Выдергивая и кромсая поделки Джека одну за другой, они подчистую выскребли из комнатушки всю поврежденную, а заодно и нетронутую пластмассу. А Джек, онемев от потрясения, лишь наблюдал из-за порога, как обращаются в прах плоды его многомесячного труда.

Все свои трофеи команда сразу же складывала в сумку. Виниловая пленка была отделена от стен, клеенка снята со стола вместе с верхней доской, плитки пластика безжалостно сорваны с пола.

Наконец они закончили. Распухшую сумку переставили поближе к двери, и, прежде чем вернуться в гостиную, каждый стащил с себя боты. Достав из кармана флакон с аэрозолем и потянув за рычажок сбоку, сержант опустил его на пол. Флакон тут же начал яростно шипеть. Сержант, прикрыв за собой дверь, запечатал ее куском клейкой ленты и повернулся к обескураженным супругам. Мэри беззвучно плакала.

— Будет вам, хозяйка, — сказал сержант. — Получите компенсацию, может, даже на шубу хватит... — Он коротко хохотнул из-под маски, потом посоветовал Джеку: — Лучше оденьтесь потеплее...

— Зачем?

— Вы же не можете оставаться здесь, или как?

— Куда мы пойдем? Да и не хочу я никуда идти. Слушайте, что все это значит?

— Вам надо пройти дезинфекцию, вот что. В общем собирайтесь. До вокзала Чаринг-кросс рукой подать. Всего-то десять минут ходьбы. Я дам вам пропуск, чтобы вас никто не задерживал.

— Но почему, — воскликнула Мэри, — почему мы должны куда-то идти? О господи!..

Она залилась горькими слезами.

— Послушайте, дорогая моя, — сержант начал терять терпение, — против вас лично никто ничего не имеет. Вы подверглись инфекции, так? Значит, вас надо дезинфицировать, так? Давайте двигайтесь, у нас еще десять вызовов, мы не можем торчать тут с вами всю ночь...

Пока он увещевал ее, двое других ловко складывали свое снаряжение. Верх сумки был накрепко перевязан, команда приготовилась уходить. Сержант, достав из внутреннего кармана карточку, черкнул на ней два слова восковым карандашом и вручил Джеку.

— Вот вам пропуск. Собирайтесь, и чем скорее,

тем лучше. Извините, хозяйка, — добавил он, адресуясь к Мэри. — Доброй вам ночи...

Все трое разом повернулись и, тяжело ступая, вышли из квартиры.

Супруги Бейли молча глядели им вслед. Свечка оплыла и едва горела. Почти не отдавая себе в том отчета, Джек обнял Мэри за плечи.

Бьюкен опустил телефонную трубку на рычаг.

— Звонили из лаборатории в больнице святого Томаса, — сказал он. — Они подтверждают наши выводы. Получили микроснимки и сейчас пытаются идентифицировать эти самые бактерии. Ничего не получается: бактерии не похожи ни на один из знакомых науке видов. Меня это не удивляет...

Бетти сунула голову в дверь и объявила:

— Я опросила все больницы. — Она была бледна. — Все, куда сумела дозвониться, кое-где телефоны просто не работают. Их нигде нет, никаких следов. И в списках жертв их имена тоже не значатся. Даже не знаю, что еще можно предпринять...

Тут она подняла глаза и заметила стоящего неподалеку от двери Креймера. Она попыталась сказать что-то еще, но Креймер остановил ее взмахом руки:

— Ладно, Бетти, я слышал — новостей у вас нет.

Он тяжело опустился в кресло. Телефон зазвонил снова, и Бетти ответила:

— Да, да... Да, он здесь. Хорошо, сейчас позову. — Она передала трубку Креймеру. — Вас вызывает НАСА, Нью-Йорк.

— Креймер слушает, — отрывисто бросил он. — Кто? Ах, это вы, Маркер, — как поживаете? И что же вы хотите? Понимаю, ну что ж, вам надо быть в курсе дела. Да, мы уже выяснили. Нет, аминостирен

тут ни при чем. Откуда я знаю? У нас есть доказательства. Послушайте, Маркер, материал ни в чем не виноват, причина совершенно иная... нет же, нет!.. разумеется, я могу это доказать. Это бактерия, микроб! Нет, я не шучу, действительно микроб. У нас уже собраны все данные. Считайте что вам будет угодно, а материалы у нас первоклассные. Ну что ж, придется поверить. Когда? Завтра, в десять тридцать? — Он бросил взгляд на часы. — Минус шесть поясных часов, значит, как раз успею, если сейчас же вылететь. Что? Допустим, но если они не поверят вам на слово, я привезу им эти чертовы доказательства сам! Сказал — буду, значит, буду. Хорошо, до свидания...

Он швырнул трубку на аппарат и откинулся в кресле.

— Честно говоря, их трудно винить...

— В чем дело? — поинтересовалась Бетти.

— Завтра в десять тридцать по местному времени в Нью-Йорке состоится заседание закупочной комиссии НАСА. На повестке дня вопрос об аминостирение — безопасен он или нет. В случае отрицательного решения мы потеряем контракт и отчисления на сумму полтора миллиона долларов. Закажите мне билет до аэропорта Кеннеди.

— Но как же... — начала, но тут же осеклась Бетти. — А что будет с Анной? Ведь так и не известно, где она...

Ответ прозвучал подчеркнуто сухо:

— Будьте любезны заказать мне билет на ближайший самолет, следующий в аэропорт Кеннеди. Я пойду уложу вещи. — Он широкими шагами направился к двери и вдруг обернулся к Райту. — Приготовьте мне препараты бактериальных культур, такие же, как те, что мы использовали здесь. Препараты поместите в металлическую коробку, стерилизуйте

ее снаружи и запечатайте в парафин, понятно? Я возьму эту коробку с собой. Да, и еще присовокупите парочку микроснимков из той серии, что вы сделали. Придется пустить в ход все доказательства, какими мы только располагаем...

И он вышел из комнаты, хлопнув дверью.

Напрягая зрение, Джеррард всматривался в глубину платформы. Пламя костра неожиданно поднялось и разогнало мрак ровно настолько, чтобы он различил вдалеке деревянную будку блокпоста. На секунду ему почудилось, что там, в будке, что-то движется, но тут пламя некстати опало.

Превозмогая боль, он поднялся на ноги и подошел к своей одежде. Она высохла и торчала колом, но, как только он натянул ее, ему стало тепло и уютно.

— Осторожнее, — шепнула Анна.

Он вытащил из костра тлеющую головешку, раздул из угольков огонь и, подняв факел высоко над головой, направился в сторону блокпоста.

В будке было запыленное стеклянное оконечко. Дощатая дверь оказалась приоткрытой и без труда повернулась на петлях; он еще раз дунул на головешку, чтобы огонь разгорелся плярче, и шагнул внутрь.

Большую часть механизмов давным-давно разобрали и увезли, но в полу до сих пор торчали массивные железные рычаги с захватами для проводов, а на дальней кирпичной стене висела выцветшая схема путей. В той же стене была утоплена и другая дверь, крест-накрест забитая досками и запертая на висячий замок. Дверная рама держалась на болтах, прочно вогнанных в кладку.

Джеррард ощущил прилив сил. Это выход!

В одном месте доска слегка отошла. Приблизив лицо к щели, он услышал тонкий пронзительный

свист: снаружи была струя свежего холодного воздуха. Джеррард отступил на шаг, приглядываясь к замку. Ну, это будет несложно: сорвать его, и... Сзади раздался какой-то звук, словно кто-то резко вздохнул. Он обернулся, глядываясь во мглу, но тут у него под черепом разом взорвалась тысяча разноцветных огней.

Пошатнувшись, Джеррард выронил головешку. И сразу же на него обрушился новый удар. Он скользнул по стене и потерял сознание.

Очнулся он от вкуса крови во рту и тупой боли в затылке. Открыв глаза, он обнаружил, что, в сущности, ничего не видит. Прошло какое-то время, прежде чем он осознал, что над ним озабоченно склонилась Анна.

Он был опять у костра и лежал на брезенте. Попытался было приподнять голову, но боль нестерпимо усилилась. Поднял руку — и нашупал в волосах коросту запекшейся крови.

— Что случилось? — едва шевеля губами, спросил он и, собравшись с силами, повторил более отчетливо: — Что случилось?

— Не знаю, — ответила Анна озадаченно. — Вероятно, вы упали и ударились...

Джеррард покачал головой и поморщился от нового приступа боли.

— Ничего подобного, — сказал он. — Не я ударился, а меня ударили.

— Откуда вы знаете?

— Вы все время были здесь? — медленно выговарил Джеррард. — Вы ничего и никого не видели?

— Ничего, — ответила Анна. — Да разве тут есть кто-нибудь, кроме нас?

Джеррард поднес руку с часами к самому лицу, пытаясь разглядеть стрелки. Было семь — значит, он провел в беспамятстве без малого два часа.

— Думаю, что там можно выбраться, — Джеррард встал, слегка покачнувшись. Анна хотела поддержать его, но он отмахнулся и, повернувшись спиной к костру, показал на дальний конец платформы. — Там есть дверь. Дверь деревянная, она забита, но, по-моему, мы пройдем...

— У нас нет инструмента, — возразил Слейтер. — Я оставил его в том тоннеле...

— Думается, мы сумеем выбраться другим способом, — ответил канадец и снова ткнул пальцем кудато в даль. — Там, у самого блокпоста, свалены старые банки с краской. Ее, наверное, можно поджечь...

— А это не опасно? — осведомилась Анна.

— У вас есть какие-нибудь другие предложения? — Джеррард сам не ожидал, что окажется столь нелюбезным. — Голыми руками нам дверь не высадить. Но будка деревянная, она сгорит быстро. А кроме того, — добавил он, — у меня есть свои причины на то, чтобы именно поджечь ее...

Спутники не без любопытства посмотрели на Джеррарда, но мешать не стали, и он принялся скрепать обломки древесины, пинками сгоняя их по платформе к блокпосту.

Собрав у стен будки изрядную кучу дерева, он не стал больше открывать дверь, а взял старую ржавую жестянку, вышиб каблуком дно и обильно полил всю кучу влажной поблескивающей краской. Наконец, вытащив из костра новую пылающую головню, подошел к будке вплотную.

— А теперь, — сказал он нарочито громко, — теперь я все это подожгу. Полыхнет, как бомба...

Он поднял головню, покрутил ею в воздухе, чтобы пламя разгорелось как следует, и отступил на шаг.

И тут раздался вопль. Из будки на перрон вывалилась страшная, потерявшая человеческий облик фигура. Первис!

Лицо бывшего бизнесмена почернело от сажи, волосы спутались и покрылись грязью, костюм превратился в лохмотья. В одной руке Первис сжимал увесистую, больше метра длиной, палку, в другой — фонарь Джеррарда. Анна сдавленно вскрикнула. Слейтер бросился вперед. Первис дико глянул на них и замахнулся палкой.

— Уходите, — рявкнул он. — Все уходите! Прочь от меня, прочь!..

— Первис! — позвал Слейтер. — Какого черта вы там прятались?

Джеррард схватил его за руку и оттолкнул в сторону.

— Держитесь от него подальше. Он свихнулся...

Первис медленно опустил палку. Он сверкал глазами, словно затравленный зверь, а губы его по-прежнему лепетали:

— Прочь... прочь!.. Уходите, все уходите!.. Не трогайте меня... уходите... убирайтесь вон!..

— Ну-ка, бросьте свою дурацкую палку, — приказал, выступив вперед и протянув руку, Слейтер. — Отдайте ее мне!

— Осторожнее! — предупредил Джеррард.

Не успел он договорить, как Первис кинулся на Слейтера. Одной рукой схватив его за отвороты пальто, он ухитрился поставить Слейтера на колени, а другой — занес палку над его головой.

— Берегитесь! — закричала Анна.

Джеррард стремительно поднял факел, который так и не выпускал из рук, и метнул его в кучу пропитанного краской дерева. Досочки шевельнулись от толчка и тут же вспыхнули яростным пламенем. Первис отшатнулся, потерял равновесие и неуклюже, спиной, грохнулся с перрона на шпалы. Придя в себя, он затряс шевелюрой, как раненое животное, и начал шарить в пыли в поисках оброненной палки.

Джеррард поднял фонарь и посветил вниз. Первым дико дернулся головой, заслонил рукой глаза от света, а потом повернулся и побрел, прихрамывая, подальше от людей, в тоннель. Несколько секунд — и он исчез в темноте. Все трое еще долго слышали его тяжелые шаги.

Тогда канадец отвел своих спутников от края платформы.

— Пусть идет, куда хочет. Далеко в таком состоянии ему не уйти.

Они обратили свои взоры на пылающую коробку блокпоста. Доски, которыми была заколочена дверь, уже начали коробиться от жары, отваливаясь от рамы.

— Как же мы справимся с огнем? — беспокойно спросила Анна.

— Я видел там несколько старых пожарных ведер, — ответил Джеррард. — Остались, видимо, со времен войны...

И они снова двинулись вдоль перрона. У самого замурованного выхода стояло с полдюжины красных, сильно поржавевших ведер, давно не ведавших воды.

— Откуда же мы возьмем воду? — осведомился Слейтер.

Джеррард показал на смотровой колодец в центре платформы.

— Придется использовать эту дрянь.

Анна скривила гримасу, но другого выхода не было. Привязав к дужке ведра пояс Слейтера, они опустили ведро с краями в густую пенистую жидкость. Вскоре все ведра были наполнены. Но прошло еще не менее получаса, прежде чем древесина выгорела и они смогли приблизиться к пожарищу. От блокпоста уцелела лишь закопченная черная рама. Она еще была раскалена, зато доски двери прогорели почти на-

сквозь. Сильный сквозняк швырял им в лица споны искр и пепел.

Джеррард, кое-как подбравшись к заветной цели, ударил в дверь ногой и выбил несколько обугленных досок. Еще два удара — и дыра расширилась настолько, что могла свободно их пропустить. С наружной стороны тянуло ветром, который в сравнении с дымным воздухом станции казался холодным и чистым.

Канадец оглянулся. Слейтер старательно раздирал на полосы брезент, обматывал ими концы полуобгоревших досок и окунал в жестянку с краской, сооружая примитивные факелы.

— Не мог смириться, что все идеи до сих пор были вашими, — подмигнул он Джеррарду. — На какое-то время этого хватит...

— А потом? — спросила Анна.

— Сделаем про запас, — ответил Слейтер.

Джеррард выбрал один из факелов и ткнул им в огонь; факел загорелся, и канадец поднял его высоко над головой. Краска пылала, с треском разбрасывая вокруг огненные капли. Одна из капель обожгла Джеррарду щеку.

И снова он — в который раз — не мог не подивиться неправдоподобности ситуации. Они были замурованы в чреве огромного города, они выпили последнюю воду, съели последнюю пищу, и в довершение всех бед у них за спиной прятался безумец, жаждущий убить их по какой-то своей пааноидальной прихоти.

В голове пульсировала тупая боль. В свете факелов на платформу падали резкие тени. На дальней стене виднелись изъеденные временем рекламные плакаты: какие-то консервы, сигареты «Крейвен Эй» — таких он при всем желании не мог и припомнить, — какао «Бурнвиль», два младенца на автоматических весах и под ними подпись «В здоровом теле здоровый дух»...

— Нарисовать бы на стенке парочку антилоп и еще какую-нибудь охотничью сцену, — пошутил Джеррард.

Слейтер ответил кривой усмешкой:

— Если мы не выкарабкаемся отсюда, единственное, что появится на стенке, будет традиционное «Покойтесь с миром»...

— Уж это вряд ли, — улыбнулся Джеррард. Он сделал несколько шагов и обернулся: — Не спускайте с меня глаз. Как-то не хочется снова получить по затылку...

И он переступил через обгорелый дверной остов. За дверью был недлинный кирпичный коридорчик, и вот он оказался на дне круглой вертикальной шахты метров пяти в диаметре. Воздух здесь был просто ледяным. Дно выстилали потрескавшиеся бетонные плиты, сквозь трещины просвечивала вода. Стены были сложены из кирпича, кое-где выступали железные каркасные ребра. Метрах в семи-восьми над головой располагались два выступа, соединенные частоколом железных прутьев, — Джеррарду припомнились старые зарисовки Ньюгейтской тюрьмы.

Подошла Анна и принесла еще один зажженный факел. За ней следовал Слейтер, один факел в руке, остальные в свертке под мышкой.

Свет трех факелов, залив основание шахты, проник до самого верха. Шахта тянулась в высоту, казалось, метров на тридцать, и там, наверху, едва виднелись два круглых отверстия.

— Вот откуда свежий воздух, — сказал Слейтер. — Это выход — если, конечно, сначала забраться наверх...

— Но как? — удивилась Анна.

— Вскарабкаться по стене, — предложил Джеррард.

— В жизни не сумею, — заявила Анна.

— Я тоже, — поддержал ее Слейтер. — Я боюсь высоты.

Джеррард приблизился к стене вплотную и внимательно осмотрел ее. По обеим сторонам вертикальной каркасной балки шли ряды крупных заклепок, сантиметров пяти в диаметре, они выступали над поверхностью сантиметра на три-четыре. Взобраться по ним будет нелегко.

— Попробую. Надеюсь, что влезу, — произнес он. — Достать бы веревку, тогда и вас втяну следом...

Он начал подъем. Мышицы болели и не желали слушаться. В неверных отблесках факелов разнородные железки, за которые он хватался и на которые опирался ногами, сначала, казалось, вырастали в размерах, а потом словно съеживались. Тени вытягивались и сжимались, ему чудилось, что он карабкается в каком-то сюрреалистическом кошмаре, где все лишено надежности и даже самый металл колышется, словно море, — то прилив, то отлив...

И все же Джеррард взвирался все выше и выше, приближаясь к округлым жерлам, темнеющим над головой.

Свет факелов едва доходил сюда, но его все-таки хватило, чтобы разглядеть два круглых отверстия — нижние срезы двух более узких шахт. Они имели метра по полтора в поперечнике.

Как Джеррард и ожидал, узкие жерла оказались изнутри совершенно гладкими, если не считать полоски очень мелких заклепок. Опоры ни для рук, ни для ног здесь не было никакой. Подняться по этому стволу можно было только так, как поднимаются по трещинам в скалах альпинисты: упираясь плечами и подошвами в противоположные стенки и сантиметр за сантиметром перемещаясь вверх.

Но сначала надо было еще забраться внутрь ствола. Единственный способ сделать это — подняться в

рост и, оттолкнувшись от последнего из поперечных ребер, одним движением бросить свое тело в пустоту так, чтобы руки уперлись в дальний от него край узкой шахты. Тогда он окажется распят, подвешен наискось между стенкой основной шахты и краем верхнего ствола. Росту в нем хватит — сто восемьдесят восемь, — но любая ошибка, и он тут же окажется на дне, рядом с Анной и Слейтером.

Потом ему предстоит перенести в узкую шахту ноги — одну, а за ней и вторую, ни на секунду не ослабляя рук, прижатых к противоположной стене, но если даже это удастся, пути назад больше не будет. Останется только дорога вверх. И в случае малейшего промаха — падение с тридцатиметровой высоты.

А что ждет его наверху? Что если ствол приведет к железной решетке, сквозь которую он не сможет пробиться? Он будет тогда висеть на этой решетке, не в силах привлечь внимания прохожих, висеть, пока руки не разожмутся и тело не рухнет вниз...

А если шахту венчает характерная для вентиляционных колодцев коническая крышка? Тогда схватиться будет просто не за что, — тогда выхода вообще не будет, вернее, путь будет только один — вниз...

Лучшее, на что он мог рассчитывать, — где-нибудь выше ему встретится изгиб, и если удастся заползти в горизонтальную часть ствола, то можно попытаться и пробить его. Металл проржавел и был не слишком прочен. Но что это даст? И если уж задумываться о толщине металла: не случится ли так, что вертикальная секция, не выдержав его веса, проломится, когда он вынужден будет давить на нее изо всех сил?

Он посмотрел вниз. К горлу подкатила тошнота.

Анна и Слейтер теперь сидели, привалившись друг к другу, свои факелы они сунули в трещины бетонного дна. Долго им так не продержаться. А если

даже и продержатся, то кто и когда их найдет здесь? Нет, выбора у него не было — вверх, только вверх! Джеррард приготовился к самому рискованному броску в своей жизни.

Трижды он напрягался и трижды его охватывала волна слабости и нерешительности. Он понимал, что в таком состоянии его ноги просто не сообщат ему необходимого толчка. Он скорчился, припав к стене, его била дрожь, он ощущал себя таким бессильным, таким усталым — и вдруг лицо ему опалило чувство стыда, а на смену стыду пришел яростный гнев.

Все, что он помнил, все, о чем мог рассказать потом, — это то, что тело его вдруг словно само по себе напряглось, изготоилось и, будто пружина, расправилось спиной вперед в пространство. Вытянутые за головой руки уперлись в края ствола, плечи глухо ударились о дальнюю его стенку, и ноги рванулись вверх. Какую-то долю секунды он, казалось, висел в пустоте, но вот его подошвы коснулись противоположной стены, он выпрямил ноги и замер.

Еще мгновение он отдыхал. Снизу до него донесся сдавленный крик, но он не мог себе позволить взглянуть туда. Даже мимолетный взгляд вниз — и он мог бы сорваться. Теперь он уже буквально не мог остановиться, он должен был двигаться беспрерывно, расклинивая собой стены ствола и сантиметр за сантиметром продвигаясь вверх, как альпинист в расщелине. Назад пути не было, и он собрал последние силы.

Несколько долгих минут он ничего не видел, не слышал, не воспринимал. Напряжение было таким, что он просто ослеп от пота. В ушах барабанным боем стучала кровь, рот и горло пересохли до окостенения. Как зверь, который отчаянно рвется на волю, к свету, он полз вверх, вверх и вверх, беспрерывно шагая руками по стенам в поисках вожделенной опоры.

Наконец он остановился — тело наотрез отказывалось двинуться дальше. Он конвульсивно хватал ртом воздух, непроизвольно коротко всхлипывая. Стены ствола усиливали этот звук. Хоть на секунду расслабиться бы — но тогда, как мешок картошки, он со скрипом рухнет на далекое дно. Он осторожно глянул из-под локтя вниз. Все, что он мог различить там, — тусклое мерцающее пятнышко света. Наверху все по-прежнему было черно, словно заткано темным саваном.

Он сжал волю в комок и сделал еще одно усилие. Но едва он пошевелился, как тут же оскользнулся и чуть не упал, притормозив лишь в последнюю долю секунды.

И вдруг, к вящему его ужасу, спина словно потеряла опору; стенка, казалось, утратила свою прочность, он забился в безотчетной панике, вновь едва не потеряв ненадежного равновесия, пока до него не дошло, что это означает изгиб ствола. Тогда он выжал себя еще дальше вверх и в сторону, за поворот, и в конце концов почувствовал, что лежит на спине, подняв ноги над головой. Теперь он опирался на стену ствола всем своим весом и мог не давить на нее больше ни ногами, ни руками.

Облегчение было несказанным, и он лежал так, не двигаясь, целых пять минут. Воздух здесь, казалось, был еще свежее и чище, чем в шахте. Джеррард осторожно перевернулся на четвереньки и пополз. Потом достал из кармана фонарь. Луч совсем ослалился, но он сумел различить впереди новый поворот под прямым углом и еще одну вертикальную секцию. Как только он дополз до поворота, то понял, что сверху просачивается бледный, голубоватый дневной свет. Он выключил фонарь, медленно перевалился на спину и поднял глаза. Метрах в трех над его головой была решетка, и сквозь нее... сквозь нее виднелось небо!

Самообладание вдруг изменило ему. Несколько минут он просто лежал, глядя на решетку, и по лицу его текли слезы. Одолеть последний участок оказалось относительно несложно; Джеррард вцепился в прутья решетки и прислушался. Где он? Снаружи была полная тишина. Он тряхнул головой, чтобы прочистить уши, — и вновь ни звука. В какой же это район Лондона он попал, если здесь только небо и тишина? Лондон никогда не знает беамолвия. В душу закрался страх: что случилось? почему тишина?

Все, что он мог увидеть из-под решетки, была какая-то глухая стена. Он попытался крикнуть, слюну, но из горла вырвалось лишь сухое блеяние. Вцепившиеся в решетку руки ныли от напряжения. Он осмотрел края решетки в надежде установить, как она открывается. Может быть, какая-нибудь щеколда, болт? Ровным счетом ничего. Он кричал, кричал снова и снова, пока не затрясся всем телом в неудержимых рыданиях. Никто не отыпался.

Он прилип к решетке, как обезьяна, непристойно ругался, плакал навзрыд, но в ответ — ни звука. Наконец, в припадке бессильной ярости, чувствуя окончательное крушение всех надежд, он с размаху пнул ногой по стенке ствола. И нога... провалилась. В испуге он стиснул прутья мертвой хваткой и закачался на вытянутых руках. Потом снова поднял ногу и опасливо ощупал стену подошвой. Рискуя жизнью, отпустил одну руку и вытащил из кармана фонарь.

Ему удалось выбить кусок обшивки! И там, за обшивкой ствола, проглядывала какая-то полость. Он посветил тусклым лучом в пробоину и различил еще одну стену и ступеньки под ней. С лихорадочной быстротой он спрятал фонарь, поднял обе ноги и, согнув, ударил ими по расшатанной обшивке.

Он раскачивался словно маятник. Один удар, второй, третий — на третий раз обшивка не выдержала.

Он забросил ноги в рваную дыру, сделал еще рывок — и мешком рухнул вниз, на ступеньки. Ступеньки вели к деревянной двери. Он исчерпал свои силы до дна. Подняться по этим ступенькам стоило ему громадных трудов. Он одолевал каждую ступеньку, как дряхлый старик.

Когда он вытянул руку и коснулся замочной скважины, дверь цоплыла перед его глазами. Окажись она запертой, у него ни за что не хватило бы сил ее выломать. Он повернул ручку. Безуспешно. Повернул опять, потянул к себе. Дверь неожиданно подалась, и резкий порыв ледяного зимнего ветра швырнул ему в лицо облачко морозной пыли.

Джеррард вывалился на волю.

Маленький дворик занесло снегом чуть не по щиколотку. За свой долгий подъем Джеррард пропотел настолько, что теперь на ледяном ветру его одежда сразу же одеревенела.

Кругом стояла полная тишина. В крохотный, обнесенный стенами прямоугольник не проникало ни шума уличного движения, ни скрипа шагов по снегу.

В дальней стене виднелась еще одна дверь, он подошел к ней — заперта. Он выругался и тут же улыбнулся. После всего, что он одолел при подъеме, такое препятствие не должно казаться серьезным. Осмотревшись, он заметил у стены лестницу, полузаметенную снегом. Оставилось лишь приставить ее к стене, взобраться и перекинуть тело на другую сторону. Тяжело плюхнувшись на землю, он очутился среди темных вечнозеленых кустов. Какой-то садик, но какой и где?

Продравшись сквозь кусты, он вышел к чугунной ограде, отделяющей садик от улицы. Сначала Джеррард просто не поверил своим глазам. Улица казалась

знакомой. Широкая мостовая, разделенная посередине полоской платных автостоянок с их непременными счетчиками. Чуть дальше она делилась надвое, огибая островки кустарника.

Словно какая-то защелка в памяти стала на место — он неожиданно понял, что это Портленд-плейс. Вон там, немножко дальше, здание Би-би-си, а с другой стороны — Риджентс-парк. Но что-то было неладно, очень неладно. Джеррард бросил взгляд на часы — ровно пять.

Пять часов пополудни, семнадцать ноль-ноль, пять вечера. Куда же делся весь транспорт? Да нет, сейчас не может быть пяти. В пять уже совсем темно. Сейчас, должно быть, гораздо меньше, и все же... и все же нигде ни одной машины. Никакого движения, никаких признаков движения, только откуда-то издалека чуть доносится слабый рокот. Ни в конторах, ни в жилых домах не видно огней. И насколько хватает глаз — ни одного прохожего!

Он перелез через ограду и упал. Снег на тротуаре лежал почти совершенно нетронутый — ни следа ног, лишь на мостовой, по всей ее ширине, две-три колеи, оставленные тяжелыми ребристыми покрышками.

Он пустился по Портленд-плейс к центру, держась между двумя рядами стояночных счетчиков и инстинктивно избегая опустевшей мостовой. Охватив себя руками, чтобы как-то сберечь тепло, он трусил по направлению к Оксфорд-серкс. Вокруг одни неяркие фасады — ни проблеска света. Вся улица вымерла, замкнулась в себе, словно разразилась атомная война. Стылый воздух жалил тело сквозь одежду, и с каждым шагом оно все глубже утопало в безвольной сладости полного изнеможения.

Кое-как, едва передвигая ноги, он доплелся до Аппер-Риджент-стрит; город представлялся покинутым.

Жалюзи на окнах были опущены, двери заперты и забраны засовами.

Он прошел мимо музыкального магазина, мимо кинотеатра, рекламирующего фильм под пророческим названием «Паника на улицах», и добрался до ресторочка. Здесь он задержался, с надеждой заглянув внутрь, но за стеклянными витринами не оказалось никакой еды. Ни обычных здесь пирожных, ни ромовых баб, ни ломтей шоколадных тортов. Полки из нержавеющей стали блистали совершеннейшей пустотой. Над всем висело тяжкое злование.

Внезапно краешком измученного разума он уловил какое-то движение за спиной — что-то отразилось в зеркальной витрине. Джеррард обернулся. На противоположной стороне улицы, чуть подальше в сторону центра, была открыта дверь, возле нее молча копошился человек. Джеррард на негнущихся ногах бросился к нему.

Толстый ковер снега скрадывал шаги, и Экермен увидел канадца только тогда, когда тот едва не толкнул его. Тут он обернулся, машинально приняв защитную стойку и сунув руку в карман за пистолетом.

Мензелос и Олфорд вышли из двери за спиной Экермена в тот самый миг, когда подбежал Джеррард.

Канадец задыхался, он совершенно выбился из сил. Чтобы не упасть, он схватил Экермена за руку, не замечая, что его отнюдь не торопятся поддержать; вся троица замерла в странной неподвижности, пристально вглядываясь в лицо нежелательного свидетеля.

— Я... нас завалило... их надо вытащить... они все еще там...

Волна непреодолимого головокружения накрыла Джеррарда, колени у него подогнулись. Олфорд едва успел поймать его и поддержать, чтобы он не упал.

— Он видел, как мы выходили отсюда...

Экермен показал на ювелирный магазин у них за спиной.

— Да он и так почти окочурился, — отозвался Олфорд. — Оставим его тут, он загнется — и концы в воду...

— Ну уж нет, — Мензелос быстро принял решение. — Возьмем его ко мне.

— К тебе? Как это?

— Слышали, что я сказал? Он нам пригодится. Взваливайте его на спину и пошли!..

Немного позже Джеррард очнулся в квартире Мензелоса; он сидел ссутуясь в кресле и в руке у него была большая рюмка бренди. Гангстеры расположились вокруг и с каменными лицами следили за каждым его движением. Потом Мензелос разложил на колене карту и махнул рукой в сторону бутылок, выстроившихся на полках бара в углу.

— Если хотите, налейте себе еще...

Джеррард кивнул и направился к бару. Он отгрелся, но в то же время чувствовал невероятную усталость; спиртное ударило в голову, и, возвращаясь к креслу, он слегка пошатнулся. Мимоходом, почти безотчетно он заметил рукоятку пистолета, торчащую из кармана Экермена. Мензелос перехватил этот взгляд. Канадец поставил рюмку на стол и нетвердо поднялся на ноги.

— Мне надо идти. Надо доставить образцы в больницу святого Томаса.

Он двинулся к двери и, в сущности, совсем не удивился, когда Олфорд поспешил загородить ему путь, сунув руку в карман.

— Не выйдет, доктор...

— Доктор? Откуда вы знаете, что я доктор?

— Пока вы не оклемались, мы успели немножко пошарить у вас за пазухой.

— Послушайте! Но вы не можете не отпустить меня. Там, внизу, остались люди. Я должен им....

— Доктор Джеррард, — спокойно перебил его Мензелос, — Солли, вот этот, подле меня, полагает, что вас следовало бы убить...

— А я-то думал — вы спасли мне жизнь...

— Не люблю убивать, рискованное это дело, но вам придется нам помочь...

— А если я не захочу?

Экермен подался вперед. Мензелос продолжал:

— Вы хотите доставить свои образцы в больницу, вы хотите помочь своим друзьям. Мы тоже хотим выбраться отсюда, вот и давайте поможем друг другу. Позвольте-ка мне, док, взглянуть на эти ваши образцы.

Он протянул руку. Джеррард нехотя достал из кармана металлическую коробочку. В коробочке лежали флакон и пробки, выловленные под платформой метро.

Мензелос тут же выхватил все это у канадца. Джеррард попытался протестовать.

— Вы получите свои сокровища обратно, док, — Мензелос приподнял крышку коробочки. — А ну-ка, Солли... — Экермен вынул мешочки с бриллиантами. — Они прекраснейшим образом войдут сюда же, только заверни их во что-нибудь еще, чтобы смотрелись по-врачебному...

Экермен принялся втискивать мешочки рядом с добычей Джеррарда, а Мензелос расстелил карту на полу. Потом он поднял взгляд на канадца и начал:

— Ну, так вот...

Вчетвером они быстро вышли пустынными улочками к Пикадилли, пересекли ее и направились к вымершей, нереальной Трафальгар-сквер. Надвигались

сумерки. Перейдя через площадь, они остановились на углу улицы Уайтхолл и опасливо осмотрелись. Щебетали птицы — больше нигде ни звука. В дальнем конце улицы, у памятника жертвам первой мировой войны, на снежном фоне резко выделялось протянутое поперек заграждение из колючей проволоки. За ним нелепо приткнулись три автомобиля: большой военный грузовик, броневичок и длинный оливкового цвета фургон. Гангстеры замешкались.

— А ты ручаешься?.. — Экермен не докончил фразы.

— У нас нет выбора, — заявил Мэнзелос.

Экермен вынул пистолет из кармана и пихнул им Джеррарда в спину. Тот не пошевелился. Мэнзелос покачал головой, наклонился и отобрал оружие. Затем, вытащив носовой платок, он тщательно обтер пистолет и опустил его в решетку канализации.

— Эй! — воскликнул Олфорд. — Какого черта?..

— Он пам ни к чему, — ответил Мэнзелос. — Что с него проку, они нас все равно разденут догола. Надо иногда шевелить мозгами...

— А с ним как? — Экермен кивком показал на Джеррарда. — Заложит нас этот сукин сын, как пить дать, заложит, пока мы будем там валандаться...

Мэнзелос медленно приблизился к канадцу.

— Солли прав. Когда мы доберемся туда, — он махнул рукой вдоль улицы, — вас уже не остановишь. Пересечете кордон и тут же преследуйтесь нас заложите. Что вы мне на это скажете, док?

Экермен высунулся из-за плеча своего шефа:

— Попробуй только выкинуть такой номер, гад, я из тебя омлет сделаю...

— Я не знаю, что у вас в мешочках, — начал Джеррард, — и, повторяю, не хочу знать. Все, что мне надо, — это перейти через реку и попасть в больницу. Даю вам слово...

— Доверьтесь чести джентльмена, — ухмыльнулся Олфорд.

Мензелос устремил на Джеррарда пристальный взгляд, безмолвно изучая его лицо, и вдруг, протянув руку, ловко выхватил коробочку с образцами у него из кармана.

— А теперь передайте мне свои документы, док!

— То есть как?..

— Документы, живо, они у вас в кармане. Не отpirайтесь, мы их видели собственными глазами.

Джеррард нерешительно залез во внутренний карман пиджака и вытащил бумажник. Мензелос тут же взял его.

— Говорю вам, я и знать не знаю, чем вы занимаетесь. Я...

— Напрасно вы полагаете, док, — сказал Мензелос, — что я безмерно доверчив. Слушайте меня внимательно. Ваши образцы у меня, документы тоже. Я доктор Джеррард, а вы — никто. Они там, — он показал пальцем вдоль улицы, — людей не задерживают, выпускают в темпе. Вам надо доставить ее, — он помахал коробочкой, — в больницу, вам надо выручить своих друзей из подземки. Мы в вас больше не нуждаемся, это вы нуждаетесь в нас. Так что давайте-ка выберемся все вчетвером наружу спокойно и без шума, и тогда вы получите свое имущество, а мы — свое. Договорились?

— Откуда я знаю, что вы действительно отадите ее мне обратно?

— Вы правы. Ниоткуда.

— А почему бы в самом деле не пристукнуть его прямо здесь? — вставил Олфорд.

— Ни к чему, — отмахнулся Мензелос. — Теперь, док, помалкивайте, теперь вы самый заурядный обычатель. Они ведь никого не задерживают. Они заинтересованы, чтобы в зоне не осталось ни души...

— Но должен же я сказать им, что мои друзья в ловушке! — Джеррард почти сорвался на крик.

— А разве для того, чтобы сказать, обязательно нужно быть доктором? — Мензелос повернулся и двинулся через пустую улицу к памятнику, бросив уже на ходу: — Попевеливайтесь, мы теряем время...

Едва они подошли к проволочному заграждению, перед ними выросли двое солдат с автоматами наизготовку. Солдаты были в защитной форме: на лицах шлемы с прозрачными щитками, резиновые костюмы, толстые перчатки, громоздкие ботинки. Один из часовых повелительно указал на короткую очередь у ступеней, ведущих в оливковый фургон.

Немного потоптавшись на пронизывающем ветру, все четверо поднялись во влажное теплое нутро дезинфекционного фургона. Мензелос предъявил документы Джеррарда и стал втолковывать усталому сержанту медицинской службы, приставленному к душевым кабинкам, что коробочку с образцами стерилизовать никоим образом нельзя. Сержант не замедлил засыпать Мензелоса недоверчивыми вопросами и в конце концов вынудил его раскрыть коробочку, но, увидев внутри флаконы, удовлетворенно хмыкнул и, подхватив ее щипцами, распорядился протереть спа-
ружки дезинфицирующим составом.

За следующие полчаса вся четверка совершила все, что предписывалось процедурой: разделась, передала свою одежду солдату, который разложил ее по проволочным сеткам, и вымылась в горячей воде с каким-то сильным запахом. Потом, растерпшись грубыми желтыми армейскими полотенцами, они получили сетки со своими костюмами из стерилизатора и наконец были выпущены на волю. После изнуряющей, как в турецкой бане, жары наружный воздух показался вдвое холоднее. Вскоре они вышли на Парламент-сквер.

Здесь на тротуарах толпились кучками молчаливые люди. У входа в Палату общин стояли два автобуса телекомпаний. Рабочие возились с юпитерами и камерами. Комментатор бормотал что-то в микрофон, спрятанный в рукаве. На крышах полицейских патрульных машин, развернутых поперек тротуара, беззвучно вращались синие «мигалки», а по Вестминстерскому мосту медленно удалялась карета скорой помощи, и выхлопные газы позади нее казались на морозе струйками пара.

Над головами, с надрывным воем перемалывая винтами воздух, пролетел вертолет. Мензелос обернулся к Джеррарду:

— Вот теперь разделим наши образцы.

Он достал мешочки, обернутые поверх бархата в алюминиевую фольгу, закрыл коробочку и вручил ее канадцу вместе с бумажником.

— Простите за любопытство, — произнес Джеррард, — но все-таки: что вы там прятали?

— Фантики, приятель, — без улыбки ответил Экермен.

Перейти Вестминстерский мост и по набережной дотащиться до больницы святого Томаса стоило Джеррарду последних остатков сил.

Много часов спустя он очнулся в маленькой госпитальной палате. Постепенно, по мере того как прояснялось сознание, он припомнил всех, кто собрался вокруг, едва он переступил порог больницы, и прежде всего Бьюкена. Потом им овладел панический страх: а сказал ли он, где и как оставил Анну и Слейтера?

Прошла еще минута, он воспринимал окружающее все яснее и, наконец, вспомнил еще одно лицо. Здоровенного полицейского инспектора — ну да, конечно! Полисмен говорил что-то про веревки, спасательное

спаряжение, Риджентс-парк, — должно быть, все уже сделано. С огромным трудом он заставил себя оторвать голову от подушки и посмотреть на часы. Соображал он тую, но все-таки вычислил, что проспал не меньше восьми часов. Джеррард уронил голову обратно на подушку и в который раз попытался преодолеть состояние счастливого изнеможения. Наверное, ему тут дали чего-нибудь...

Прежде чем сон окончательно сморил его, он вновь подумал об Анне.

Огромный беспорядочный комплекс строений и переходов Лондонского аэропорта постепенно впадал в оцепенение. Один за другим пустели залы, и обычные запахи кофе, керосина и дорогих духов сменялись влажной аммиачной вонью мутанта-59.

Наконец из всех вокзалов порта остался в действии только один. В комнате для транзитных пассажиров был организован дезинфекционный пункт, обслуживающий тех, кто имел специальные пропуска на вылет с какой-то из немногих машин, которым разрешалось подняться в воздух.

Только что началась посадка на рейс 1224, следующий в Нью-Йорк. Пассажиры, все еще морщась от едких ароматов дезинфекционного центра, предъявляли свои документы полицейским и иммиграционным чиновникам, сидящим за стеклянной перегородкой. Никто не нарушал молчания — вездесущий смрад мутанта напоминал всем и каждому об оставшемся позади умирающем городе.

Рабочие в защитных костюмах и масках обрызгивали фюзеляж дезинфицирующим раствором, и над гигантским реактивным самолетом висело облачко тумана; вокруг трапа раскатывали армейские патрульные джипы.

В предотъездной спешке Креймер едва не забыл свою инкрустированную золотую авторучку, в последнюю секунду сунув ее в портфель.

Затягивая привязной ремень, он в пол-уха прислушивался к безлично-ласковому голосу бортпроводницы:

— ...и воздержитесь от курения. Через несколько минут мы вылетаем в Нью-Йорк бесспадочным рейсом по маршруту Шенон — Гандер — Кеннеди. От имени компании «Метро Эрлайнз» командир корабля Говард и весь экипаж приветствуют вас на борту нашего самолета. Благодарю за внимание...

В пассажирском салоне зазвучала варварская магнитофонная запись. В кабине экипажа командир вместе со вторым и третьим пилотами и бортинженером начал предполетную проверку аппаратуры.

В кухонном отсеке позади пассажирских кресел старший стюард и три стюардессы принялись раскладывать на аккуратные кучки стандартные пакеты с питанием и громоздить друг на друга штампованные пластмассовые подносы: порция сыра в изящной оберточке — в одной ямке, укутанный в целлофан бисквитик — в другой, пока каждый поднос не стал походить на продовольственную лавку в миниатюре.

Креймер устроился поудобнее в кресле, тщательно осмотрел препараты, убедился, что они запечатаны, как полагается, не теряя времени, достал из портфеля приготовленный для НАСА доклад и, вооружившись авторучкой, углубился в чтение.

Никакое обостренное осязание не помогло бы ему почувствовать, чего именно коснулись его пальцы, охватившие металлический корпус ручки. Самый острый глаз не приметил бы мельчайшей высохшей капельки студенистого вещества всего-то в одну десятую миллиметра в поперечнике.

Химический анализ, наверное, обнаружил бы в этой капельке микрограммы белка, воды, некоторых фосфорных и магниевых солей. Более тонкие исследования могли бы показать следы сложных молекул ДНК и навести на мысль о какой-то жизни на микроскопическом уровне. Ведь ДНК и их неизменные спутницы — РНК — являются носителями генетического кода. В их спиралевидных молекулах незыблемо запечатлены чертежи строения целого организма, сверхмикроскопический план его поведения.

ДНК на авторучке Креймера вовсе не была свободным химическим веществом, а входила в состав спор и их оболочек — в состав мутанта-59, уgneздившегося в засохшей капельке. Каждый организм занимал в длину едва одну семитысячную долю миллиметра. Каждый был слеп и бесчувствен, но каждый при всей своей хрупкости располагал закончённой программой поведения в короткий отрезок времени, определенный ему от рождения до смерти. От разделения родительской клетки на две до разделения этих двух на четыре, четырех на восемь — и так до бесконечности с прекрасной, хотя и вечно недооцениваемой нами математической точностью.

Обычно скорость деления бактерий не остается постоянной: законы их собственного микромира диктуют им, что на смену изначальному быстрому размножению должна прийти фаза замедленного развития, которая, в конце концов, ведет к угасанию и смерти.

Если бы определенные факторы не противодействовали математической неотвратимости их размножения в прогрессии 1—2—4—8 и так далее, то, по расчетам, потомство двух бактерий, делящихся раз в секунду, через двадцать два часа покрыло бы всю поверхность земного шара.

Бактерии не замедлят скорости своего роста лишь в двух случаях. Во-первых, если будут регулярно получать все новую и новую пищу, и, во-вторых, если они мутируют, чтобы лучше приспособиться к окружающей среде. Тогда клетки начинают делиться чаще. Насколько чаще — это нередко зависит от адекватности среды и ни в малейшей степени не связано с нормальной скоростью развития. На ранних стадиях деления каждое поколение бактерий живет считанные минуты, а при особо благоприятных условиях — секунды.

Покойный доктор Эйнсли, никем давно не оплакиваемый, мастерски воспользовался этим. Мутант-59 не знал замедлений роста, не знал фазы угасания.

Для бактерий, очутившихся на золотой авторучке Креймера, обстоятельства сложились неблагоприятно. Бактерии почти высохли и, не коснись он их, погибли бы. Но едва он задел умирающие микроорганизмы влажным от пота пальцем, их оболочки впитали малую толику воды. Исчезающее малую — но все же достаточную, чтобы напоить обезвоженный клеточный механизм.

Поток невидимых сигналов пронизал клетки, они расправились, приготовившись вновь выполнять единственную свою задачу: жить, питаться и размножаться.

Креймер потянулся к спинке расположенного впереди кресла и опустил откидной столик; пальцы его задели пластмассовую рамку, поддерживающую прямоугольник из меламина.

Командир корабля Говард тем временем получил от диспетчера разрешение на запуск двигателей. Бортинженер провел последнюю предстартовую проверку, с особым вниманием проконтролировав герметичность дверей. Техник в противопылевом шлеме, оставшийся внизу на дорожке, убедившись, что их на-

ружные замки стали на место, в знак подтверждения поднял вверх большие пальцы обеих рук.

Бортинженер по очереди включил все четыре системы топливных насосов. Из баков, расположенных в крыльях и фюзеляже, топливо стало поступать к четырем гигантским турбовентиляторным двигателям, подвешенным в гондолах под плоскостями, словно бомбы.

Говард привел в действие стартеры, начиная с двигателя номер четыре правого крыла.

Медленно и неохотно, утробным голосом взвыла турбина. Очень скоровой перешел в надрывный визг. Двигатель номер три добавил к стенаниям исполинской машины свою ноту, за ним затянули свои партии двигатели номер два и номер один, и вот уже весь фюзеляж затрясся в низкочастотной вибрации.

Бортинженер сделал нужные пометки в журнале, а третий пилот проверил рули и закрылки. Наземный тягач отвел самолет задним ходом от посадочной галереи, и двигатели тихо запели в предвкушении полета.

Водитель тягача — тоже в противошумовом шлеме да еще и в куртке с капюшоном — в свою очередь поднял вверх оба больших пальца и, отсоединив от передней стойки шасси буксировочную штангу, укатил восьмойся.

Крошечным — пятнадцати сантиметров в поперечнике — штурвальчиком Говард направил неуклюжую громадину самолета по высвеченным темно-синими огоньками дорожкам. Бортинженер, вслух считывая показания приборов, произвел еще одну проверку.

Креймер, на мгновение прервав работу, посмотрел в иллюминатор на процльывающую мимо панораму освещенного аэропорта. «Интересно, — подумал он, — будут ли эти огни еще гореть, когда я вернусь?..»

В буфетной обслуживающий персонал прекратил, наконец, возню с подносами, и стюардессы, усевшись

по своим местам, пристегнулись; хотя они уже разучились сознавать опасность своей профессии, их лица под слоем косметики явно побледнели.

Получив разрешение на взлет, воздушный корабль развернулся, и нос его нацелился туда, где на поверхности взлетной дорожки во множестве чернели следы авиационных шин.

Командир Говард послал рычаги управления двигателями от себя, и расслабленное пение турбин вновь сменилось басовым громом. Приборные доски затряслись, задрожали, и вся машина слегка подалась вперед — бешеная тяга двигателей боролась с силой тормозов. И как только Говард отпустил тормозную педаль, самолет устремился вдоль осевой линии. Громыхая и подпрыгивая на стыках бетонных плит, он разгонялся с ускорением куда большим, чем у любого спортивного автомобиля. Он покачивался из стороны в сторону, он вгрызался в морозный воздух.

По мере нарастания скорости рули начали реагировать на упругость воздушных потоков, и на смену наземной неповоротливости пришла плавная стремительность полета. Нос машины приподнялся, она подпрыгнула, опираясь на струи копоти, бьющие из сопел, и одним скакком оторвалась от бугристого бетона полосы.

Бортинер крикнул невразумительно: «Вторая!..» Это слово тут же снижает частоту пульса у любого летчика гражданской авиации, поскольку означает, что достигнута вторая критическая скорость, достаточная для безопасного взлета с полной загрузкой.

Снова глянув в окно, Креймер увидел, что кромка облаков надвигается все ближе и ближе; он бросил последний взгляд на залитую желтым электрическим светом паутину лондонских улиц и откинулся в кресле — облака закрыли всякую перспективу.

В хвосте самолета стюардессы, расстегнув ремни, вновь принялись за подготовку стандартной трапезы.

Напряженная озабоченность, царившая в кабине экипажа перед взлетом, сразу спала. Командир Говард вызвал первый путевой радиомаяк в Фальмуте для сверки времени и уточнений курса.

Пассажиры в свою очередь отстегнулись от кресел и с наслаждением вдыхали сигаретный дымок. Стюардессы засновали взад-вперед по наклонному полу — самолет продолжал набирать высоту.

Креймер с головой ушел в свой доклад, торопливо набрасывая заметки на листке блокнота. Он не сразу понял, что стюардесса, перегнувшись через незанятое кресло у прохода, обращается именно к нему.

— Чай или кофе, сэр?

— Да? Что? Кофе, пожалуйста...

Девушка вставила пустую пластмассовую чашечку в углубление на подносе.

— Сейчас принесу.

Он опять склонился над блокнотом. Стюардесса, держа поднос с такими же чашечками в одной руке, попробовала, хорошо ли закреплен столик, и перешла к следующему ряду кресел.

Экипаж окончательно успокоился — теперь предстояли шесть часов относительно безопасного полета над Атлантикой. Позади отворилась дверь, и стюардесса спросила:

— Вам что-нибудь нужно, ребята?

— Кофе. Только не того, которым наша компания потчует пассажиров. Настоящего...

— Хочешь, я помогу тебе помыть посуду?..

Реплики были непринужденными, привычно-плутливыми. Девушка улыбнулась и, записав заказы пилотов, вышла.

Креймер по-прежнему яростно писал на откидном столике, даже не подозревая о роковой активности

сти микроскопического пятнышка у самого его края.

По пути назад стюардесса увидела над одним из кресел зажженную лампочку и, наклонившись к раздетой девице, пославшей вызов, между делом позавидовала ее сверхмодному пластиковому плащу.

А тем временем остальные стюардессы уже начали разносить подносы с едой; старший стюард шествовал впереди, толкая перед собой тележку с напитками. По желанию пассажиров он вручал им бокальчики поддельного хрустяля — в действительности они тоже были пластмассовыми — и миниатюрные бутылочки спиртного.

К тому моменту, когда в девяти километрах под крылом самолета проплыл остров Уайт, пассажиры и экипаж словно бы заключили с гигантским реактивным лайпером безмолвное соглашение, и, по условиям сделки, все системы корабля и люди на борту стали единым целым ради решения общей задачи.

Третий пилот вышел к пассажирам и ревностно заметил про себя, наверное, в сотый раз в своей жизни, что уровень шума здесь гораздо ниже, чем в кабине. На полпути через салон первого класса он обратил внимание на пассажира, который, развалившись в кресле, заснул с безвольно открытым ртом; годы излишеств избороздили лицо этого человека прожилками и грубыми складками.

Последние лучи заходящего солнца окрашивали передние кромки крыльев в ярко-оранжевый цвет. Самолет несся над серым холодным морем все дальше и дальше на запад. Мало-помалу солнечный свет стал угасать, уступив место вначале густой лиловатой синеве, а затем полной темноте с леденящими точками звезд.

Температура воздуха за бортом была минус сорок три; а здесь, в этом теплом, светлом коконе никто и не задумывался о беспощадной враждебности страто-

сферы, простирающейся сразу за панелями внешней обшивки. Воздух в салон нагнетали два компрессора, расположенных в носовом отсеке, он тут же пропитывался привычными запахами сигарет и виски. Пассажиры оживленно переговаривались между собой и лишь мельком поглядывали на забортную темень, защищенные от ярости наружных штормов герметическими пластмассовыми прокладками иллюминаторов.

Экипаж в кабине спокойно расправился с кофе и в ожидании, пока кто-нибудь явится за чашками, сложил их на полочку.

Креймер на секунду прервал работу, чтобы получше закрепить свой столик — самолет слегка накренился. При этом он вновь коснулся рукой злополучного края. Потом он встал и направился вперед по проходу в туалет.

В кухонном отсеке стюардесса разбирала свободные пластмассовые чашки. Сняв одну из них с подноса, она обратила внимание, что та покрыта чем-то неприятным и липким. Девушка посмотрела на свои пальцы — на них был тонкий серо-белый налет. Понюхав его, она скривила гримаску и поставила чашку обратно на стол.

В кабине на глазах у бортинженера стрелка главного вольтметра внезапно качнулась вниз. И хотя она тут же выпрямилась, он протянул руку вверх, открутил два винта и выдвинул ящичек с наклейкой «Дроссели стабилизатора напряжения». Из другого ящичка, на котором значилось «Контрольные клеммы», он достал две проволочки и подсоединил их к первому ящичку, о чем, разумеется, сделал соответствующую пометку у себя в журнале.

Говард запустил бортовой метеолокатор, включил развертку и всматривался в оранжевый экран, по которому металась полоска света, отмечая впереди по курсу скопления наэлектризованных воздушных масс.

Затем командир отвернулся, вызвал радиомаяк в Шеноне и подождал, пока в громкоговорителе над головой не пропела морячка — их опознали. Покончив с этим, он вытянулся в кресле и заложил руки за шею.

Второй пилот взялся за штурвал и скорректировал курс по указаниям из Шенона, после чего передал управление автоматике. Отняв руки от штурвальной колонки, он на мгновение замер, глядя на них в безмолвном недоумении.

На одной из ладоней осталось черное клейкое пятно. А на штурвале, там, где лежала его рука, черная пластмассовая поверхность казалась влажной и блестящей. Явственно были видны вмятины от пальцев.

— Что за черт!..

Командир пока ничего не заметил.

— Что там еще?

— Вон на колонке, погляди сам.

— Какой-то растяпа пролил растворитель. Оберни ее бумагой или чем-нибудь еще...

— Растворитель, как же, посмотри хорошенько!..

Второй пилот сунул руку прямо под нос командиру; тот поморщился, но понюхал.

— Пахнет обычным дерьямом. Бенни, не забудь отметить это в своем журнале.

Бортинженер ухмыльнулся:

— Что прикажете отметить — что мы пилотируем ассенизационную бочку?

— Тут еще и другой запах. Какой же? Ну конечно! Аммиак...

Второй пилот продолжал принюхиваться.

— Хватит, — бросил командир повелительно. — Обмотай чем-нибудь колонку и вымой руки.

Креймер кончил писать, спрятал доклад в портфель, а авторучку в карман и расслабился, намереваясь поспать.

За окнами среди облаков мелькали голубоватые вспышки — где-то внизу бушевала гроза.

Стюардесса в кухонном отсеке стерла с пальцев липкий налет и случайно еще раз взглянула на стол. Глаза у нее округлились, она не могла им поверить.

Чашка постепенно меняла форму. Она прогнулась с одного края и оплывала каплями на стол. Затем, словно находясь в пылающей печи, обмякла и превратилась в вязкую лужицу. Несколько долгих секунд девушка смотрела на эту лужицу, потом выскочила в салон и кивком подозвала старшего стюарда, который все еще возил по проходу свою тележку с напитками. Тот поднял глаза и, уловив на лице девушки испуг, быстро вышел в буфетную.

— Она... она расплавилась! — взволнованно сказала девушка. — Прямо у меня на глазах, я ничего с ней не делала. Можете убедиться...

Старший стюард на миг задумался, всматриваясь в ослизлое озерцо на столе.

— А ты, часом, лак с ногтей ацетоном не снимала?

— Да нет, говорю вам, это случилось только что. Расплавилась, и все...

Старший стюард дотронулся до озерца пальцем.

— А другие чашки целы?

— По-моему, да...

— Ладно, не расстраивайся. Не стоит того...

Бортинженер поставил стабилизатор напряжения на место и сделал в журнале запись о его неисправности. Мутант-59 нашел себе в этом устройстве подходящую пищу.

Пожилая женщина, вернувшись из туалета, потянулась за сумочкой, оставленной под креслом. Нашупала ручку, попыталась поднять ее — но ручка вдруг растянулась, точно дряблая эластичная лента, и оборвалась. Женщина чертыхнулась, вытащила сумочку

за верх и вызвала стюарда. Тот незамедлительно явился.

— Что прикажете, мадам?

— У вас там под креслом что, радиатор?

Женщина продемонстрировала ему оторванную ручку.

— Простите, мадам?

— Смотрите сами! — Она всучила ручку стюарду. — Я поставила сумочку под кресло, и вот, полюбуйтесь, она сторела.

— Извините, мадам, у нас в салоне нет радиаторов. Должно быть, сумочка была старая. Пластик, к сожалению, не так долговечен, как кожа.

— Никакая она не старая, дочка подарила мне ее две недели назад!

— Я постараюсь договориться с компанией, мадам, чтобы вам преподнесли одну из наших фирменных сумок. Вы получите ее сразу после приземления...

Он подкрепил свои слова профессиональной улыбкой. Женщина, смягчившись, откинулась в кресле.

— С вашего разрешения, мадам, я выброшу эту ручку, — сказал стюард и с задумчивым видом направился в свой отсек.

Бортинженер в очередной раз глянул на приборы-близнецы, под шкалами которых протянулась надпись: «Распределение подводимой мощности». Сняв показания, он сел посвободнее и вынул зачитанный детектив. А над его головой, в лабиринте разноцветных проводов стабилизатора, питался, набирал силу, делился мутант...

Изоляция расползлась, обнажилась жила, сверкнуло короткое замыкание, и добрая сотня ампер обрушилась на проволочки, рассчитанные от силы на два ампера. Последовал мгновенный взрыв, в кабину вплыло облачко едкого дыма. Бортинженер подско-

чил как ужаленный и с маху ткнулся в спину второго пилота, склонившегося над колонкой управления.

В ту же секунду самолет начал входить в пики, и пассажиры пережили тошнотворное ощущение, что пол проваливается у них под ногами.

Быстро оправившись, второй пилот потянул колонку на себя — нос самолета задрался вверх, а пассажиров вдавило в кресла. Командир приоткрыл ящичек на панели и достал специальные противодымные очки. Дыма из поврежденного узла сочилось столько, что вытяжную вентиляцию пришлось включить на полную мощность, чтобы избавится от удушья.

Говард наклонил к себе микрофон внутреннего оповещения и произнес по возможности спокойно и бодро:

— Говорит командир корабля Говард. Мы летим на высоте девять тысяч пятьсот метров при встречном ветре, который задержит наше прибытие в порт назначения примерно на тридцать пять минут. Вскоре мы войдем в зону турбулентных потоков, поэтому пропусти вас пристегнуть ремни и не вставать со своих мест. Благодарю за внимание...

Как только он умолк, в салонах вновь загорелись красные предупредительные табло.

Креймер, разбуженный внезапным нырком самолета, заворочался в кресле, стараясь устроиться поудобнее, и его колени уперлись в столик, который свисал со спинки расположенного впереди сиденья. Он решил убрать этот столик, выпрямился и тут, наконец, увидел, что краешек стола уже совсем размягчился и вязкой струйкой стекает ему на брюки — под коленом образовалось серое, с молочным отливом пятно. Бросив исподтишка взгляд в сторону соседа и убедившись, что тот ни на что не обращает внимания, Креймер наклонился пониже и приюхался. Потом

медленно, осторожно отодвинулся и поднял было правую руку к кнопке вызова — но передумал, отдернул руку и положил ее на подлокотник кресла ладонью вверх. Пошарив вокруг глазами, он левой рукой поднял карандаш, тыльным его концом надавил на кнопку и принялся ждать, больше не шевелясь.

Подошедший стюард обратил внимание на напряженную позу Креймера:

— Вы звали, сэр? Принести вам что-нибудь?

— Я хотел бы поговорить с командиром корабля.

— Вы не могли бы сообщить мне, о чем, сэр?

— Пока не могу. Тут случи... — Креймер снова удостоверился, что его сосед по креслу спит глубоким сном, но тем не менее понизил голос: — Случилось неизвестное, самолету угрожает опасность. Я хочу поговорить с командиром. Пожалуйста, позовите его, и без лишних слов!

Стюард, исподволь глядываясь в лицо Креймера, подумал: наверное, сумасшедший или пьяный.

— Прошу вас пройти вперед, в салон первого класса, сэр. Я вызову кого-нибудь из членов экипажа.

— Слушайте меня внимательно. Быть может, вам трудно в это поверить, но я не вправе встать с этого кресла. Я должен оставаться на том самом месте, где нахожусь сейчас!

«О боже, — подумал стюард, — не хватало нам только психа. А если у него еще и бомба за пазухой?..»

Вслух он сказал умирающее:

— Хорошо, сэр, я понял вас, оставайтесь здесь, а я пройду в кабину и поговорю с командиром.

Он удалился. Креймер, уловивший в тоне стюарда некую снисходительность, свирепо глядел ему вслед. За переборкой, разделявшей два салона, стюарду пришлось притиснуться сквозь небольшую толпу — пассажиры ждали очереди в туалет.

Стюард докладывал, не теряя хладнокровия:

— Выглядит он странно, сидит съежившись, словно боится к чему-нибудь прикоснуться...

— И что он, по-вашему, намерен сделать? — спросил Говард.

— Трудно сказать. Угроз никаких не было, по крайне мере пока...

— Ладно, пойду взгляну на него.

Креймер ждал в нетерпении. Командир бросил сдержанно:

— Добрый вечер, сэр. Стюард сообщил мне, что у вас что-то случилось...

Креймер показал на своего спящего соседа:

— Уберите его... — он запнулся и взял себя в руки. — Хорошо. Прежде всего я не сумасшедший и не собираюсь похищать самолет, хотя то, что я собираюсь вам сказать, вероятно, покажется в высшей степени неправдоподобным...

— А именно?

— Моя фамилия Креймер, доктор Креймер. Я ученый. — Командир и стюард безмолвно слушали. — Каким-то не совсем понятным мне самому образом я пронес с собой на борт самолета микроорганизмы, и это опасно.

— Микроорганизмы? Нельзя ли яснее?

— Командир, вы несомненно знаете о событиях в центре Лондона...

— Знаю.

— Я являюсь членом правительственной комиссии, расследующей причины этих событий. В настоящий момент я направляюсь в Нью-Йорк, в НАСА, для срочного доклада о природе происходящего.

— Вы можете удостоверить это, сэр?

— Что? Да, конечно, могу. — Креймер потянулся за портфелем, но, остановившись на полпути, сказал: — Командир, я достану свои документы и предъ-

явию их вам, но вынужден просить вас не брать их у меня из рук, а прочесть, не прикасаясь...

Стюард и командир обменялись взглядами, а Креймер вынул из портфеля доклад, предназначенный для НАСА, и личные документы и раскрыл их, не выпуская из рук. Спящий пассажир заворочался и перевернулся на другой бок. Командир и стюард пробежали документы глазами и кивнули Креймеру, чтобы он продолжал.

— Командир, у нас есть серьезные доказательства, что катастрофа в Лондоне вызвана единственным в своем роде микроорганизмом. Проще говоря, микробом...

Говард припоминал, чему его в свое время учили; он старался восстановить в памяти лекцию психиатра о ранних симптомах параноидной шизофрении, о том, как распознавать, кто из пассажиров потенциально опасен.

— Простите, мистер Креймер, — произнес он, — что, вы сказали, делает этот микроб?

Креймер пристально посмотрел на них и ответил уныло:

— Он пожирает пластмассу.

— Мистер Креймер, — выговорил Говард с more, чем прежде, — я, безусловно, обязан принимать близко к сердцу все, что касается безопасности полета, но, по-моему, вы злоупотребляете моим временем. Прощу вас больше никого не беспокоить, иначе...

— А что вы скажете об этом? — Креймер ткнул пальцем в край столика и в пятно у себя на колене. Командир наклонился и присмотрелся внимательнее. — Не трогайте руками! Понюхайте — вы ощущаете запах?

— Мистер Креймер, подобный эффект может быть вызван десятком разных причин. Вы могли плеснуть сюда растворителем, могли прижечь зажигалкой...

— Он не обуглен. Да вы что, не верите своим глазам?

— Командир, — нервно вмешался стюард, — могу я попросить вас на два слова? Я хотел бы вам кое-что показать.

Он поманил Говарда знаками в кухонный отсек. Вязкое озеро на том месте, где раньше стояла чашка, теперь вспенилось, и над ним колыхалась круглая шапочка из пузырей.

— А потом еще сумочка у той женщины. Взглядните на ручку, я выбросил ее вот сюда...

Стюард нагнулся к баку для отбросов. Но едва он откинул крышку, они оба оцепенели от неожиданности. Из квадратной горловины вывалился грязноватый ком клейкой пены, переполз через край и беззвучно распластался по полу. И там, где пена касалась синей блестящей виниловой поверхности, она почти мгновенно впитывалась в пластмассу, подобно тому как масло впитывается в поржавевший металл.

— Так! — заявил Говард решительным тоном. — Соседа этого, как его зовут? — Креймера... Пересадите-ка соседа на другое место.

Вернувшись к себе в кабину, Говард первым делом понюхал перебинтованную штурвальную колонку. Затем обратился к бортинженеру:

— Сделал ты что-нибудь с этим стабилизатором напряжения?

— Я его отключил. Обойдемся и без него.

— Но ты хоть вскрывал его, чтобы найти неисправность?

— Ни к чему. Все равно в полете мне его не починить. Доберемся до Кеннеди, его просто заменят.

— Бенни, я прошу тебя вскрыть его.

— Стабилизатор-то? Да мы спокойно и без него проживем. Согласен, есть какой-то риск, что генератор вдруг даст пиковый импульс, но...

— Вскрой его, Бенни.

Видя озабоченность командира, бортинженер молча встал и отвинтил панель стабилизатора. Выдвинул его на себя — и вытаращил глаза.

— Боже праведный, что же это такое?..

С шасси прибора свисал многокрасочный шевелящийся волдырь. Пока они сидели, словно громом пораженные, волдырь вытянулся, оторвался и шлепнулся на пол. Инженер двинул было рукой, норовя потрогать клейкую массу.

— Не прикасаться! — крикнул Говард.

— Почему? В чем дело?

— Поставь стабилизатор на место и ничего больше не трогай!..

В дверь просунулась голова стюарда.

— Все в порядке, я его пересадил.

— Хорошо. А теперь попросите доктора Креймера сюда в кабину.

— Слушаюсь, сэр.

— Потом возвращайтесь к себе в отсек. Девочкам расскажите только то, что совершенно необходимо, и не уходите оттуда, поняли?

— Слушаюсь, сэр.

Оба пилота и бортинженер заговорили разом:

— Послушайте, шкипер, что это значит?

— Что, собственно, случилось?..

— Кто такой Креймер?..

Говард пристально посмотрел на каждого из них, прежде чем ответить:

— Я хочу, чтобы вы услышали все собственными ушами.

Вошел Креймер.

— Садитесь, пожалуйста. — Говард показал на пустое кресло, предназначенное для стажеров. — Будьте любезны повторить моим ребятам то, что вы рассказывали мне там...

Он махнул рукой в сторону пассажирских салонов. Креймер неловко сел, все еще стараясь ни к чему не прикасаться. Пятно у него на брюках рассосалось, оставив на ткани темный след.

— Как я уже сказал командиру, — поспешил начальник, — я состою в следственной комиссии, созданной Британским правительством для выявления причин катастрофы в центре Лондона...

Сжато, в немногих словах он поведал им всю историю.

Оборудование пассажирских салонов реактивного лайнера конструируется исходя из трех основных требований. Во-первых, оно должно быть легким, во-вторых, не должно требовать сложного ухода и, в-третьих, не должно быстро изнашиваться, а равно подвергаться коррозии. Практически это привело к тому, что салон едва ли не на 80 процентов состоит из пластмасс. Потолки, стены и отделка сидений выполнены из виниловой пленки. Багажные полки штампуются из полистирола. Панели с кнопками над каждым креслом отформованы в вакууме из полипропилена, а иллюминаторы заделаны в специальные высокосортные пластмассовые ободки. В общем тут хватило бы писци на миллион поколений мутанта-59.

Тем временем постепенно, зачастую почти невидимо, мутант становился в самолете полноправным хозяином. Табличка «Для использования полотенец», висевшая в туалете, вдруг начала выгибаться, и буквы неузнаваемо вытянулись в высоту. Пассажир, вернувшийся из туалета, сел к окну — и герметический ободок стал растягиваться и коробиться. А пластмассовая подметка на ботинке пассажира вдруг расплющилась под его весом...

Креймер в пилотской кабине закончил свое повествование. Экипаж хранил молчание; что касается второго пилота, он, казалось, не интересовался ни-

чем — он вел самолет, не отрывая взгляда от приборной доски.

Наконец Говард, постукивая ногтем большого пальца по зубам, промолвил:

— Если я задержу всех на своих местах, если никто не шелохнется — тогда мы, может, и сумеем сесть в Кеннеди...

— Только не в Кеннеди, — нахмурился Креймер. — На это мы не имеем права. Разве вы не понимаете: мы сейчас вроде прокаженных...

— И нас будут изолировать? — спросил третий пилот.

— Разумеется. Нам придется пройти полный круг дезинфекционных процедур...

— Пожалуй, — вмешался Говард, — можно использовать Тейор Крик.

— А что это такое?

— Аварийная полоса примерно километрах в шестидесяти к югу от Бостона, на атлантическом побережье.

— Нам понадобится полная обработка. Каждый пассажир должен будет раздеться, вымыться под душем, отдать одежду на стерилизацию, — по мере перечисления Креймер загибал пальцы. — Самолет придется оцепить...

— Но кто, к дьяволу, возьмется за это? — вслух подумал Говард. — Медицинская служба аэропорта и снаряжения-то такого не имеет...

— Свяжитесь с Дагуэем.

— А это что такое?

— Испытательный полигон для микробиологического оружия. Они вполне могут перебросить в Тейор Крик несколько человек вертолетом — защитные костюмы и все, что полагается. — Креймер мрачно усмехнулся. — Хоть однажды поставьте перед ними позитивную задачу!..

Герметическая прокладка иллюминатора, ближайшего к женщине с сумочкой, капля за каплей вытекла на боковую отделочную панель — все происходило беззвучно.

Иллюминаторы в реактивной машине, — в сущности, уступка пассажирам со стороны конструкторов; конструкторы охотно обошлись бы вовсе без окон, поскольку те увеличивают стоимость и снижают прочность фюзеляжа. Каждый иллюминатор состоит из трех-четырех слоев прозрачной пластмассы, и каждый слой в отдельности герметически закреплен в соответствующем слое корпуса. В пространство между внутренними слоями воздух нагнетается бортовыми компрессорами, расположенным под пилотской кабиной. Делается это во избежание конденсации водяных паров; воздушная прослойка за внутренней обшивкой поддерживается при том же давлении, что и воздух в салоне. Зато между внешними слоями корпуса давление и температура воздуха те же, что и за бортом.

В безмозглой своей решимости микроскопическая капелька мутанта-59 перебросилась через двухсантиметровый зазор между слоями внутренней гермопроплакадки. Клетки выделили ферменты, и те разрушали хитросплетения созданных человеком молекул.

Молодая особа в пластиковом плаще спала, пока какой-то пассажир, шествуя по проходу, не задел ее за плечо. Это разбудило девицу, она попыталась пошевелиться, но, словно в дурном кошмаре, никак не могла оторвать голову от спинки кресла. Наконец, ей удалось чуть приподнять голову, высвободив ее, как мокрый леденец из обертки: между щекой, воротником и сиденьем образовалось хлюпающее полужидкое месиво. Достаточно было пошевельнуться — и месиво тянулось длинными сырьими язычками. Девица в панике повернулась и увидела, что ее новомодный плащ расползся на плече, как ветхое рубище. Она сидела,

словно парализованная, с застывшим лицом, потом вскрикнула. На крик прибежала стюардесса.

В салоне первого класса дородный багровощекий пассажир по-прежнему сладко похрапывал — он так и не просыпался с самого начала полета. Безразличный ко всему на свете, благоухающий парами бренди, он, разумеется, не мог заметить, как меняется форма его очков. Сначала размягчилась рыжая пластмассовая дужка на переносице, и очки под весом линз карикатурно съехали к скулам. Затем одно стекло выскоило из перекошенной оправы и скатилось хозяину на колени. По изборожденному складками лицу, прямо к раскрытыму рту потекла шоколадная струйка. По мере ее движения лицо непроизвольно подергивалось, но пассажир не просыпался.

Девица в пластиковом плаще немного успокоилась; стюардесса беседовала с ней, прилагая все усилия, чтобы она не поднялась с места и не попла умыться.

Из динамиков донесся голос командира:

— Говорит командир экипажа Говард. Вследствие небольшой неисправности в электропроводке мы немного не долетим до нью-йоркского аэропорта Кеннеди. Посадка будет произведена на одном из аэродромов южнее Бостона. Вследствие... вследствие неисправности должен просить вас оставаться на своих местах и не расстегивать ремней. Прошу извинить за небольшое неудобство. Обслуживающий персонал постарается создать вам максимально возможный комфорт, но попрошу вас воздержаться от курения...

Говард отключил микрофон.

— Но ведь перед посадкой придется сказать им правду, — заметил Креймер.

— Безусловно, но если я скажу ее сразу, поднимется паника. Лучше уж по частям... — Говард обернулся ко второму пилоту: — Есть успехи?

— Да, они уже вызывают Тейор.

— Хорошо. — И снова к Креймеру: — А теперь, доктор...

Дверь позади них внезапно открылась и тут же захлопнулась. Послышалась какая-то возня. Когда дверь распахнулась снова, в ней показался пассажир из салона первого класса с лицом, измазанным рыжими полосами. Глаза его метали молнии.

— Где командир? — заорал он. — Что происходит на вашей чертовой посудине?..

Он ринулся вперед. Но Бенни, бортинженер, стремительно повернулся в кресле и схватил незваного гостя в охапку прежде, чем он успел коснуться Говарда.

— А ну, давайте назад, на место!

— Послушайте, я владелец акций вашей паршивой компании. Я знаю ваших директоров. И даю вам гарантию, что я...

Бортинженер, вскочив на ноги, навис над приспешником, с грохотом прижав его к двери. Все тревоги Бенни нашли выход в этом акте насилия.

— Молчи и слушай! — крикнул Бенни. — Самолет в опасности, а ты, явившись сюда, увеличиваешь эту опасность. Ты слышал приказ командира? Возвращайся в салон, сядь, привяжись и молчи! И если ты еще раз попадешься мне на глаза, я вобью тебе голову в живот, понял?..

Пассажир сверкал глазами, но молчал, и на лице его отражалась борьба между гневом и страхом.

— А ну, выметайся отсюда!

Гнева как не бывало: теперь акционера била дрожь. Наконец, он в полном изнеможении прислонился к двери, и у него от ужаса отвисла челюсть.

— Что вы делаете? — Он вытирал лицо, размазывая рыжие пятна по щекам. — Что... что происходит? Я хочу знать — мы... мы разобьемся?

Бортинженер, не отвечая, вытянул руку и отворил дверь у него за спиной. Потом отвел своего недавнего противника на место и собственноручно застегнул ему ремень.

Теперь во власти бактерий был уже почти весь самолет. В сотнях различных точек отделочные пластиковые пленки, багажные полки, материал под ногами беззвучно преображались — вспучивались, приобретали влажный блеск и в конце концов покрывались пузырьками зловонной пены. Вентиляционная панель над головой одного из пассажиров медленно прогнулась и провисла до его затылка, словно протянула к нему послушную конечность.

Голос командира, звучавший по системе внутренней связи, был теперь неузнаваем. Привычная учтивость и доверительная озабоченность уступили место суворой беспрекословности приказа:

— Происходящее сейчас на борту непосредственной опасности для жизни не представляет. Разрушению подвергаются лишь пластмассовые детали самолета. Как я уже сообщил, мы приземлимся на одном из аэродромов близ Бостона, и вплоть до посадки вставать со своих мест категорически запрещается. Вы не должны ходить по самолету — это особенно важно: иначе вы будете переносить инфекцию на все новые и новые детали и предметы и неизбежно поставите под угрозу благополучное завершение полета.

Старший стюард попытался задержать человека, потерявшего голову от страха и выскочившего в проход. Поскользнувшись, они вместе рухнули на мокрый блестящий пол, разукрасив свою одежду цветными кляксами.

Женщина с сумочкой сидела, объятая ужасом: клокочущая шапка черной пены вырастала у нее прямо из-под ног.

Стюардессы стайкой пятились прочь из кухонного отсека, не отрывая глаз от происходящих там жутких перемен. Груды подносов оплывали, чашки лежали в лужах пениящейся слизи, а аккуратные пакетики с ножами и вилками срастались вместе, принимая безумные, сверхъестественные очертания.

Смрадная пена с десятков пораженных участков ручейками сбегала в главный проход. Некогда расфранченная девица еле ворочалась в пухлом облаке, которое еще недавно было ее плащом.

Большинство пассажиров хранили гробовое молчание, кто-то молился, кто-то плакал. Стюарду помимо приходилось усаживать обратно тех, кто порывался встать. Воздух становился все тяжелее — возрастала концентрация газа...

В пилотской кабине также никто не произносил ни слова. Креймер сгорбился в своем кресле. Говард вел самолет, а оба других пилота вместе с бортинженером сосредоточенно наблюдали за приборами.

Конец наступил быстро. Над головами, за потолочной панелью, соприкоснулись два обнаженных проводника, и газовая смесь, порожденная мутантом-59, воспламенилась и взорвалась.

Далеко внизу, во льдах восточнее острова Нантукит, капитан маленькой рыболовной шхуны услышал где-то над собой гул и слабый грохот взрыва. Взглянув вверх, он увидел лишь вереницу огненных точек, перечеркнувшую ночное небо.

И вызвал по радио береговую охрану.

Анна пришла в себя в отдельной палате больницы святого Томаса. Около изголовья терпеливо сидел Бьюкен — несмотря на все уговаривания врачей и сестер, он упорно отказывался сдвинуться с места.

Только что стало известно о гибели Креймера, и Бьюкен хотел сообщить ей печальную новость сам и раньше, чем она услышит об этом по радио. Джеррард все еще спал в другом крыле больницы и, конечно, ни о чем не догадывался.

Увидев Бьюкена, Анна протянула ему руку. В этом худом шотландце с его застегнутым на все пуговицы твидовым костюмом и копной седых волос на голове было что-то солидное и надежное.

Мало-помалу она узнала о событиях последних часов. Команда солдат взрезала решетку, спустилась в старую шахту на Портленд-плейс со спасательным снаряжением и вызволила ее и Слейтера. Вся операция при содействии специалистов-транспортников заняла не более получаса. Начальника станции тоже вытащили и отправили в больницу. А Первиса нашли в заброшенном тоннеле мертвым.

Она осведомилась об обстоятельствах катастрофы, и Бьюкен сообщил ей последние сведения. Тогда она забеспокоилась о Креймере. Она все-таки ожидала, что он окажется рядом. Почему его нет?

Бьюкен помедлил, прежде чем ответить:

— Случилось несчастье...

— Несчастье?

— В воздухе, — уточнил Бьюкен. — Он вчера вылетел в Штаты, и самолет пропал без вести. Искренне вам сочувствую...

Анна села в постели.

— Ничего не понимаю...

Бьюкен, помедлив, стал объяснять. Сказал ей, что Креймер решил выступить перед комиссией НАСА лично. Анна немного изменилась в лице и отвела глаза, силясь совладать с собой.

— Он что, разве не знал, что я?..

Она не закончила фразы.

— Он думал, что ничем не может вам помочь,—
ответил Бьюкен. — Надеялся вернуться к тому времени,
когда вас спасут.

— Но откуда он знал, что меня спасут? Откуда он знал, что я не погибла где-нибудь в тоннеле?..

Она была разъярена. Бьюкен попытался взять ее за руку, но Анна гневно отдернула руку. Шотландец помолчал. Анна на минуту задумалась.

— Разве так уж важно было явиться туда лично?

— Он полагал, что да. Вы же его знаете, уж если он что-то решил...

— Но ведь он знал, что я в беде!..

— Он поехал не просто защищать свое агентство,— сказал Бьюкен. — Он искренне считал, что если эти микробы когда-нибудь попадут в космос, скажем, на другую планету, тогда они могут стать — как бы это поточнее выразиться? — бомбой замедленного действия, нацеленной в будущих астронавтов.

Анна откинулась на спинку кровати. Слезы подступили к глазам. Внезапно ошеломляющий факт его смерти дошел до ее сознания. Она забилась в рыданиях.

Выплакавшись, она обессиленла. Слишком много противоречивых чувств обрушилось на нее, сейчас она хотела только одного — покоя, убежища от всего и от всех. Она повернулась к Бьюкену и протянула ему обе руки.

— Дружище, — произнесла она, — я очень вам благодарна. Спасибо вам!

— За что, девочка? Я не сделал ничего особенного.

— А теперь я хочу домой.

— Не уверен, что вам следует спешить с выпиской.

— Я здорова. Правда, мне очень нужно домой.

— Я позову сестру, — сказал Бьюкен с сомнением в голосе. — Если они действительно разрешат вам выписаться, тогда я отвезу вас.

— Не стоит, — ответила Анна. — Пожалуйста, не надо, вы и так столько для меня сделали. Вас, наверное, ждут в лаборатории. Оставьте меня, — правда, так будет гораздо лучше. И еще раз спасибо...

Бьюкен вышел. И только когда она кончила одеваться и приготовилась к встрече с сестрой — только тогда она вспомнила про письмо.

Повлияло ли письмо на решение Креймера? На восьмом году замужества Анна знала его не больше, чем в самом начале. Предсказать его поступки было трудно. Быть может, он прочел письмо и тогда уехал?

Она отвергла эту мысль. Разумеется, все было не так. Откуда он мог знать, что самолет разобьется? Такое уж никак не в его характере. А вот умыть руки, выкинуть кого-то из памяти — это очень на него похоже. Анна ощущила мгновенный озноб, припомнив, что письмо не оставляло места примирению. Креймеру оно наверняка показалось бесповоротным, и во все не удивительно, что он оставил столь холодную и бесчувственную жену на произвол судьбы.

Имеет ли она право порицать его? В ее распоряжении было множество способов справиться с возникшей перед ней задачей. А что если — обожгла ее нечаянная догадка — она вообще все придумала?

Что если поездка в Кембридж никак не была связана с той женщиной? Что если она возвела всю постройку на песке?

Ну нет, письмо Шарон служило доказательством их близости. Но что из того? Может, это было чисто плотское увлечение? Может, женщина вкладывала в эту интрижку много больше чувства, чем Креймер? Ведь Анне не доводилось видеть ни одного письма

Креймера к Шарон. И на таких-то, с позволения сказать, основаниях она сломала собственную жизнь и, похоже, послала мужа на смерть?..

Врач долго не соглашался выписать Анну домой и взял с нее подпиську, что она отказывается от лечения по добной воле. Честно говоря, в больнице были рады-радешеньки получить лишнюю койку для более тяжелых пациентов. Ей посоветовали хорошенъко отдохнуть и на следующий день обязательно показаться своему постоянному доктору, потом вызвали такси и отпустили.

У себя в квартире Анна без сил рухнула в одно из исполинских кресел. Знакомая обстановка, знакомые запахи успокоили ее. В сущности, здесь сейчас все в большей степени соответствовало ее привычкам, чем привычкам Креймера. Это было ее убежище, едва ли не ее монашеская келья. О муже, по правде сказать, ничто и не напоминало.

Ей вдруг пришло на ум, что квартира и раньше никогда не носила на себе отпечатка его личности. Словно бы он пользовался ею, как комнатой в отеле,— проездом. Неизменно проездом: мимолетный поцелуй — извини, дорогая, вечером мне надо быть в Женеве... извини, дорогая, поужинать с тобой сегодня не смогу... извини, дорогая... извини... извини...

Слова эхом отразились от стен — Анна слегка задремнула в кресле, затем неторопливо открыла глаза. Ей так не хватало дружеской поддержки и заботы! Родители давно умерли, и, невзирая на уйму деловых знакомств, друзей оказалось совсем немного. Она обвела комнату взглядом — что-то привлекло ее внимание. Вскочила на ноги.

Нет, ей не померещилось — вот оно, письмо, на камине. Анна подбежала, взяла конверт в руки. Его никто не вскрывал.

Небольшая — десять метров от форштевня до юта — океанская яхта Мензелоса лежала на якоре в гавани Чичестера, качаясь на легкой волне; ее бело-золотые обтекаемые контуры отчетливо отражались в темной воде.

Сам Мензелос возился в машинном отделении, готовя мощный двухрядный двигатель к долгому рейсу в Бордо. Экермен мрачно следил за боссом с бутылкой виски в руках, а Кэрол Мензелос набивала шкафчики камбуза жестянками с провизией, доставая их по одной из сумки.

До побережья они добрались без осложнений. Олфорд отстал, поскольку принял решение отсидеться с дружками в черте города, а таможенники с должным пониманием отнеслись к намерению владельцев яхты отдохнуть два-три дня во Франции: ведь в Лондоне им пришлось несладко. По правде говоря, Мензелос хотел отправиться в путь вдвоем с женой, но Экермен в припадке подозрительности настоял на том, чтобы отплыть вместе с ними.

Сейчас он вдруг решил проверить, не исчезли ли драгоценности. Они висели на нейлоновом шнурке в полиэтиленовых мешочках, опущенных в главный топливный бак. Самый ревностный таможенный чиновник никогда не нашел бы их здесь: крюк, к которому цеплялся шнурок, был впаян внутри бака, по дальше от наливного отверстия.

Навинтив крышку горловины на место, Экермен ни с того, ни с сего решил испытать прочность медных соединительных муфт, взялся за пластмассовый бензопровод от бака к двигателю и слегка потянул его на себя.

Мутант-59 получил новую пищу.

Девять часов спустя по левому борту показался мыс Рошель. Гладкий фибергласовый корпус рассе-

кал крепнущую бискайскую волну. Все трое то и дело подремывали под гипнотический рокот мотора.

Бензопровод, подводящий топливо к правому ряду цилиндров, стал прогибаться.

Экермен сидел в каюте, злился и пил. Кэрол Мензелос пыталась читать роман в бумажной обложке, а сам Мензелос поднялся в рубку, силясь разглядеть хоть что-нибудь впереди, за волной.

Скорость деления мутанта-59 все возрастала, пока он не проел бензопровод насквозь. В конце концов тот лопнул, и поток высокооктанового бензина хлынул прямо на под запертого машинного отделения. Уровни поплавков в обоих карбюраторах вмиг упали, двигатель каплюнул и смолк.

Мензелос посмотрел на приборы перед собой и раздраженно нажал на красную кнопку стартера.

Протестующе взвыл электромотор, воюя с мертвым весом обескровленного двигателя, с обмоток якоря слетело облачко искр.

Бензиновые пары, скопившиеся в машинном отделении, мгновенно воспламенились. Главный топливный бак со страшным грохотом раскололся, и гигантский огненный шар поглотил Мензелоса, рубку, трап и ворвался в каюту.

Удар взрывной волны пробил днище, вода фонтаном хлынула внутрь и смыла обугленные останки Гарри Мензелоса в океан.

Экермен с опаленным, искаженным болью лицом попытался прорваться сквозь потоки ледяной воды к дверям каюты. Но в этот момент яхта резко накренилась и начала тонуть.

Вода стремительно поднималась, прижимая его к потолку каюты, и последнее, что он успел еще сделать в жизни, — тщетно потянутся к одному из мешочков с бриллиантами, который пронесся мимо, прежде чем капнуть в пучине.

В бактериологических лабораториях день и ночь шла неистовая работа.

Лаборанты высевали культуру мутанта-59 в плоские чашки, дно которых покрывал тонкий слой застывшего питательного бульона. Работать им было крайне неудобно — попробуйте повозиться с чашками и препаратами в резиновых перчатках, намертво впаянных в стенки герметического шкафа. Изнутри шкафы заливали резкий свет ультрафиолетовых ламп. Чашки с высеванной культурой складывали стопками. Раз в несколько минут приходил еще один лаборант, открывал сбоку шкафа особую дверцу, вынимал очередную стопку и перемещал ее в термостат, после чего неизменно делал пометку в блокноте, подвешенном подле термостата.

Усталые и небритые ученые сосредоточенно таращились в бинокулярные микроскопы. Осмотр очередного стеклышка, запись в блокноте, и стеклышко направлялось в ведро с дезинфицирующим раствором.

Тут же проводились опыты на чувствительность бактерий к антибиотикам. Чашки, используемые для этой цели, отличались тем, что поверх ровного слоя желе с выращенными в термостате бактериями накладывались кружочки из фильтровальной бумаги. На каждый кружочек наносилась капля какого-то определенного антибиотика, так что любое замедление роста бактерий, вызванное антибиотиком, выглядело бы как прозрачное колечко вокруг накладки.

В иммунологическом отделении три женщины в белых халатах сидели у вытяжных шкафов, за самодельными экранными фильтрами, и разносили по сотням стеклянных пробирочек, установленных на штативы, капельки чистой сыворотки. Как только штативы наполнялись, их забирали в расположенную по соседству водяную баню, где они медленно подогревались до температуры человеческого тела.

Надо всей этой кипучей деятельностью висел несвежий суповой запах питательных сред. Воздух был пропитан сыростью — в соседней комнате располагались паровые стерилизационные печи. По запотевшим окнам струйками сбегала влага.

В углу главной лаборатории стеклянными стенами был отгорожен отсек. Здесь было сухо и прохладно, сюда не проникало тропическое лабораторное злование. За столом сидел профессор Кенделл. Он был худ и похож на птицу, голову его покрывали мягкие седые волосики. Пока он присматривался к остальным, предоставляя им возможность оживленно спорить.

Райт присел на краешке стола. Джеррард тяжело опустился в кресло. Потом вошел и Скэнлон — он оседлал жесткий стул рядом с Кенделлом.

— Если быть совершенно честными, — произнес профессор, дотошно выговаривая каждый звук, — то мы потерпели почти полное фиаско. Учтите — мы уже перепробовали все известные антибиотики. Из всех из них бактерии сколько-нибудь чувствительны лишь к одному — к неомицину «Д».

— Так почему же мы его не используем? — вмешался Райт.

— Потому что, дорогой мой доктор Райт, в целом мире неомицина хватит лишь на то, чтобы стерилизовать несколько квадратных метров. Боюсь, от нас потребуется куда большая изобретательность. Нет, нет, здесь мы потерпели неудачу и, увы, должны это признать.

— Уверен, что развитие мутанта связано с полимером, который был использован для самораспадающихся бутылок, — сказал Джеррард. — На заброшенной станции метро мы убедились в этом своими глазами: вокруг каждого кусочка бутылки наблюдалась повышенная активность микробов. Я доставил вам образцы, вы их видели.

— Ну, и что из того? — ответил Райт. — Если мутанту нравятся наши бутылки, это еще не значит, что в них и есть причина всех зол...

— Я этого и не утверждал, — парировал Джеррард. — Я сказал лишь, что тут есть какая-то связь.

— Что вы предлагаете? — мягко спросил Кенделл.

— Мне еще самому неясно, — ответил Джеррард рассеянно. — Есть какая-то смутная догадка, что-то такое бродит в голове, но что? — Он задумался. — Почему, собственно, не помогают обычные дезинфицирующие препараты?

— До известной степени помогают, — ответил Кенделл. — Дезинфекционные команды в настоящее время ничем другим и не пользуются. Беда в том, что все эти препараты оказывают лишь поверхностное воздействие. А нам нужно что-то более радикальное. Нужен метод, добирающийся до корней проблемы. Чтобы добиться успеха с помощью лишь дезинфицирующих препаратов, пришлось бы буквально залить центр Лондона лизолем или чем-то в этом роде. Нет, надо найти специфический метод, который исходил бы из свойств самого мутанта...

— Предположим, что я прав, — продолжал Джеррард. — Предположим, что в пластмассе, использованной при изготовлении бутылок, действительно есть что-то особенное. — Он повернулся к Райту: — Когда вы впервые задумались над строением молекулы деграна, каковы были ваши посылки? Каким путем вы пришли к окончательному решению?

— Главное требование, — ответил Райт, — заключалось в том, чтобы создать длинную полимерную цепь с нестабильными связями. Использовать светочувствительность отдельных звеньев таким образом, чтобы воздействие света размыкало прежние связи и связывало оставшиеся валентности с кислородом...

— Извините, я что-то не совсем понимаю, — встал Кенделл.

Джеррард пояснил:

— Длинные молекулярные цепи дегрона под воздействием света и кислорода распадаются.

— Весьма изобретательно, — пробормотал профессор.

— А вы могли бы нарисовать нам эту молекулу? — обратился Джеррард к Райту.

— Разумеется. — Райт взял фломастер и начал быстро водить им по листу бумаги. — Основная цепь выглядит вот так. Здесь расположены аминокислотные остатки, — на листе росла сеть линий, точек и символов, — здесь оксифенил, а здесь хинонное кольцо. Вот эти связи, как видите, нестабильны, и если часть цепи разрывается, это сразу же приводит к образованию чрезвычайно активных радикалов. Достаточно буквально нескольких квантов света...

— И что тогда? — спросил Джеррард.

Райт не сдержал удивления:

— Ну, неужели вы не понимаете? Тогда молекула распадается на четыре составляющие. Вот, вот, вот и вот. — Он указал на рисунок. — Затем эти составляющие становятся добычей обыкновенных бактерий.

— Но почему? — упорствовал Джеррард.

Райт начал терять терпение.

— Послушайте, мы с вами обсуждали это добрую сотню раз...

— Прекрасно! И все-таки, пожалуйста, объясните еще раз. Где-то тут и таится то самое, в чем я пытаюсь разобраться. Расскажите мне снова, какие свойства молекул делают их добычей обыкновенных бактерий.

— Но это отнюдь не обыкновенные бактерии! — прервал его Кенделл. — На всей планете нет больше ничего подобного. Это совершенно новый вид...

— Ну хорошо,—согласился Райт.—Получив молекулу, которая под воздействием света распадается на более мелкие части, мы постарались придать этим частям возможно большее сходство с полипептидами...

— С полипептидами? Извините, я опять не...— начал Кенделл.

Джеррарду пришлось вмешаться снова:

— Полипептиды — молекулы среднего размера, которые составляют основу белков.

— Яспо! — отозвался профессор.— Вы хотели, чтобы остаток пластмассы был похож на белок.

— Совершенно верно,—согласился Райт.— Нашей целью было создать пластмассу, половинчатую по своей структуре: вначале вполне надежный материал для отливки сосудов, но как только отрывной полоски не стало и на пластмассу попал свет, она превращается в вещество, разлагающееся самым естественным образом, в нечто такое, что можно бросить в кучу удобрений...

— Действительно, остроумная идея,—заявил Кенделл.— Но вы не приняли во внимание мутанта, так, что ли?

— А как мы могли принять его во внимание? Его же никогда не существовало! Согласно всем учебникам, этого треклятого мутанта не было и нет...

— Откуда нам знать, быть может, именно наши бутылки и помогли ему развиться? — заметил Джеррард.

— Какие у вас доказательства? — воскликнул Райт.

— Но ведь такая возможность не исключается.

— Ради бога! — взмолился Райт.— Не исключается и возможность, что мутант свалился с Луны!..— Он бросил на Джеррарда насмешливый взгляд.— Давайте лучше придерживаться твердо установленных фактов.

— Уверен, что между мутантом и нашей пластмассой существует прямая связь,— настаивал Джеррард.— Я же говорил вам: вокруг каждого обнаруженного огрызка бутылки бактерии росли прямо-таки с удвоенной скоростью!

— Это ровным счетом ничего не доказывает!..

Райт уже не скрывал своей враждебности. Джеррард окинул его пристальным взглядом.

— Вы попросту не хотите вовлекать агентство в эту историю, только и всего. Хотите во что бы то ни стало реабилитировать нашу бутылку, и чтобы нас никто ни в чем не обвинил...

— Даже если в ваших утверждениях есть капля здравого смысла, в чем я лично очень сомневаюсь, мы все равно никакой ответственности не несем. Корень вопроса в мутанте, отнюдь не в свойствах пластмассы!

— Ничего подобного! Если ответственность за все это бедствие хоть отчасти на нашей совести, мы обязаны признать свою вину...

Райт неприязненно расхохотался.

— Совершенно не понимаю вашей логики. Допустим, мы выпускаем горючее. Потом мы его продаем, и кто-то на нем подрываются и сгорает заживо. Что же, по-вашему, мы в ответе за эту смерть лишь потому, что выпускаем горючее?

— Тут огромная разница,—возразил Джеррард.— Прежде всего мы знали, что выпускаем вещество, распадающееся под действием бактерий, что тем самым передразниваем естественный процесс. Мы знали также, что...

— Ради бога!.. — воскликнул Райт.— Ничего мы об этом мутанте не знали и знать не могли. Что же, по-вашему, мы должны были сказать себе: нет, мы не станем пускать бутылки в обращение, потому что вдруг появится новый штамм, а потом, быть может, возникнут мутации... И ведь вся идея ваша чисто умо-

зрительна, у вас нет абсолютно никаких доказательств, и тем не менее вы требуете от нас, чтобы мы смиренно вышли на улицу и воскликнули: *mea culpa**! Знаете, мне, кажется, вы просто жаждете признать себя виновным. Вы жертва, ищущая повода, чтобы быть обезглавленной...

Кенделл, встревоженный склерозом, вставил:

— Джентльмены, по-моему, мы могли бы...

Джеррард жестом попросил его помолчать.

— Согласен, меня захлестывает чувство вины, ну, и что из того? Вы же пальцем не хотите пошевелить...

— Докажите мне необходимость каких-то действий, и я буду действовать, — опять парировал Райт.

— Хорошо. Во-первых, мы имеем микроорганизм, пожирающий пластмассу. Во-вторых, мы имеем пластмассу, которая под влиянием света и кислорода разлагается на белковоподобные вещества. Оставим на время вопрос, откуда взялись эти бактерии, но мы знаем, что они взаимодействуют...

— Ничего мы не знаем. Вы гадаете, не имея никаких доказательств.

— Пусть даже так. Но если они взаимодействуют, почему бы не воспользоваться этим?

— Не понимаю, — снова начал Кенделл.

Джеррард выступал с каждым словом все увереннее.

— Да, вот именно, почему бы и нет? — Он опять обратился к Райту: — Можно ли видоизменить молекулярную структуру дегрона?

— Зависит от того, что именно вы хотите с ней сделать, — ответил химик осмотрительно.

— Ничего сверхъестественного. Сложно ли, скажем, заместить в ней один из аминокислотных остатков?

---

* Моя вина (лат.).

— Легче легкого. Подвергните вещество гидролизу, и...

— Методика неважна, — возбужденно перебил Джеррард. — Важно, быстро ли это произойдет.

— Да. Я сказал бы, да, — Райт снова начал раздражаться. — Но я не вижу...

— Можно ли ввести в состав цепи дегрона азидную или цианидную группу?

— Разумеется, можно. Я пробовал это в одном из ранних экспериментов. Ничего не вышло — пластмасса стала дьявольски ядовитой.

— Вот именно! — воскликнул Джеррард.

Кенделл так и подпрыгнул.

— Понял! Изменить строение пластмассы с тем расчетом, чтобы она...

— ...стала ядовитой, — докончил Джеррард, дрожа от возбуждения. — И подкинуть ее бактериям, как крысиную отраву. Они поглотят ее и погибнут...

— Боже праведный! — взорвался Кенделл. — Блистательная идея! Положительно, она мне нравится. Хотя что выйдет дальше?..

— Да ничего не выйдет. Пустая трата времени, — заявил Райт.

Джеррард игнорировал его заявление.

— Опытная установка у вас в лаборатории? Она не демонтирована? — Райт опять попытался что-то возразить. — Да или нет?!

Канадец двинулся на Райта едва ли не с кулаками. Химик поднял глаза — Джеррард возвышался над ним как башня.

— Да, она в лаборатории и в общем-то на ходу. Еще на прошлой неделе на ней работал Скэнлон. Он хотел...

— Вы можете запустить ее?

— Могу, только это, повторяю, потеря времени. Кроме того...

— Вы запустите установку?

Джеррард почти кричал. Райт уставился на него с откровенной неприязнью. Потом он вдруг отвел взгляд в сторону.

— Ладно, — произнес он безжизненно. — Я это сделаю.

Морозный зимний воздух над опустевшими улицами был пропитан стойким смрадом бацилл Эйнсли. Густо падал снег, и тишину нарушали лишь дизинфекционные команды — солдаты в своем защитном обмундировании шагали по вымершим улицам, как космонавты, исследующие незнакомую планету. Тяжелые их ботинки с хрустом давили снег.

Вокруг зоны оцепления, у выходов и дизинфекционных станций, сгрудились фургоны передвижных телепередатчиков. Пылали дуговые лампы, репортеры приставали к ошалевшим людям, которые вываливались из зоны, одетые в какие-то немыслимые халаты, в платье с чужого плеча.

Озабоченные родственники топтались у выходов в надежде узнать что-то о своих близких.

По пустынной Трафальгар-сквер юзом скользнула карета скорой помощи и, мигая синим фонарем на крыше, умчалась вверх по Черинг-кросс-роуд. Нетронутый снег вздымался из-под колес нарядными белыми облачками.

Невысоко над крышами прошел вертолет. Кинооператор с риском для жизни свесился из раскрытой двери, запечатлевая на пленку уникальные кадры.

Мутант-59, созданный Эйнсли, в поисках пищи осваивал все новые и новые районы. Одни колонии погибали на металлических и каменных плоскостях, другие находили возможности продолжения рода в пластмассовых кабелях и проводах под землей. Мед-

ленно и неуклонно бактерии выедали у города его сердце.

С лицом, посеревшим от усталости, Джеррард стоял у доски, исписанной многоэтажными формулами, и проверял их на настольной счетной машине, которая, жужжа, выстукивала свои ответы по мере того, как заглатывала перфорированную ленту с заданием. Было три часа утра. Райт, Скэнлон и Бьюкен склонились над громоздким аппаратом, который состоял из переплетения стеклянных трубок, опирающихся на ненадежные металлические подпорки. По трубкам и сочленениям переливались цветные струйки, и в конце концов получалась тягучая бурая жидкость, медленно капавшая в коническую колбу. Райт завернул стеклянную втулку, взял колбу, перенес ее на стол к Джеррарду и изнуренно опустился на стул. Потом сказал вяло и небрежно:

— Должно быть, это он. Полиаминостирен с ядовитыми клыками...

Джеррард оторвался от счетной машины:

— Вы совершенно уверены?

— Конечно, уверен. Впрочем, мы проведем проверку на хроматографе. Должно было произойти замещение нитрозаминной группы в четвертый боковой цепочке радикалом циана.

— А будет он действовать? Вы случайно не сгладили его свойства?

— Химия у нас на высоте, не беспокойтесь, — раздраженно ответил Райт. — А уж проводить испытания — ваша забота...

Джеррард устремил на противника долгий пристальный взгляд, затем ответил:

— Когда мы пришли сюда, в лабораторию, я поместил культуры мутанта в термостат. Вероятно, они уже чуть не ключом кипят. Сейчас я их достану...

Подойдя к термостату, он вынул оттуда три больших открытых стакана. На дно каждого из стаканов была опущена плоская чашечка Петри. Канадец бережно перенес их в главную лабораторию; Райт следил за ним, не выпуская из рук коническую колбу с отравленной пластмассой. Джеррард взял квадратное фарфоровое блюдо, вытер его досуха, положил на стол и налил с краю немного тягучей бурой жидкости из колбы. Слегка покачал блюдо, пока жидкость не растеклась тонким слоем и не заняла половину его поверхности. Затем извлек из одного стакана чашку Петри и осторожно поднес ее к свету, ни на йоту не отклоняя от горизонтали.

На свету было ясно видно, что чашка заполнена густой пузырящейся кашецией. Сняв с чашки крышечку, Джеррард не спеша вылил пенистое ее содержимое на другой конец блюда, подальше от пластмассы, сдобренной цианидом вслед за тем он вновь пошевелил блюдо, чтобы край бактериальной культуры липь чуть-чуть не дошел до края расплеснутой пластмассы. Трое остальных без особого восторга ощутили сырой аммиачный запах. На конец Джеррард накрыл блюдо стеклом, пустил секундомер, придинул вилотную настольную лампу и стал ждать.

Минуты шли за минутами. Все четверо сидели без движения и ели глазами линию пузырьков, которая очень медленно приближалась к границе бурой жидкости. Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем они соприкоснулись. Джеррард так и подался вперед, напрягшись всем телом. Но ничего не случилось: мутант по-прежнему рос, пузыри продолжали распространяться по пластмассе, не вызывая никаких признаков недомогания.

Райт бросил мимолетный взгляд на канадца, и в уголках его тонкого рта мелькнула тень улыбки. Скэнлон молчал, сосредоточенно поджав губы. Бью-

кен с неизменно непроницаемым видом посасывал свою трубочку.

Пена захватывала все новые участки, скорость ее движения словно бы даже нарастала. Джеррард чуть слышно выругался. Каждый из них отдавал себе отчет в том, что под стеклом перед ними решается судьба города, быть может, всего цивилизованного мира. Стекло над блюдом отбрасывало на их лица блики света, вокруг было полутемно, и это делало их похожими на средневековых алхимиков.

И вдруг Джеррард воскликнул:

— Замедляется! Да, да, я уверен, замедляется!..

Остальные вслед за ним стали приглядываться еще пристальнее. Пузырьки на переднем крае наступления бактерий стали мельче, само наступление заморозилось. И, наконец, к их восхищению, прямо на их глазах оно прекратилось совсем. Пузырьки лопались — а новых на том же месте не возникало.

Мутант-59, попав на блюдо, объелся до смерти. В слепом своем движении, в безмозглых поисках новой пищи он поглощал молекулы полиаминостирена, всасывал их каждой клеткой. Но результат был иным, чем прежде. Как только молекулы проникали во внутреннюю структуру клетки, за дело принимался цианид и нарушал ее жизненные функции одну за другой. Биохимическое совершенство — мутант, заботливо выведенный Эйнсли, — потерпело крах.

— Но у нас всего десять граммов, — сказал Райт.

— А там целый город. Понадобятся тонны и тонны... Джеррард был вне себя от радости.

— Это понятно. Засадим «Политад» за массовое производство. У них есть все необходимое оборудование. А потом разбросаем такую пластмассу по всему району. В тоннелях, в коллекторах — точно крысиный яд...

Он упал на стул, чувствуя, как полное изнеможе-

ние овладевает каждой мышцей его тела. Скэнлон озабоченно посмотрел на него.

— Надо еще провести полевые испытания. Поехать туда, где только что произошла вспышка...

— Ну что ж, — согласился Джеррард, — согласен. Сколько вы сможете сделать такой же отравы, скажем, за шесть часов? — осведомился он у Райта.

Тот подумал минуту-другую и ответил:

— На этой аппаратуре примерно граммов триста.

— Трехсот граммов ни на что серьезное не хватит, — объявил Скэнлон.

— Ну, положим, если развести их растворителем, а потом распылить... — возразил Джеррард. — Растворитель улетучится, а остаток — мутанту. Свяжитесь с «Политадом», — отдал он распоряжение Скэнлону, — предупредите, чтобы готовились запустить оборудование на предельную мощность. — И к Райту:

— Нам понадобится все, что вы сделаете, до последнего грамма. Пожалуй, можно сообщить в центр, что мы этого мутанта прихлопнули. Только стоило бы проверить, хватит ли у нас растворителя — толуола, например, — чтобы сусpenзия лучше распылялась.

Он на мгновение замолк и снова заглянул в блюдо, будто хотел удостовериться, что успех ему не помешался. Пузырьки исчезли с поверхности.

— Черт возьми! А ведь и вправду получилось!..

Бьюкен заговорил впервые за всю ночь:

— Ну, и что прикажете по этому случаю? Дать вам Нобелевскую премию?..

Воздух в подземном контрольном центре был теперь гнилым и спретым. Три из четырех гигантских вентиляторов, обслуживающих весь комплекс тоннелей и бетонных спален, пришлось отключить, поскольку их заборные устройства

располагались в зоне поражения и вполне могли разнести инфекцию во взвешенном состоянии по всей системе. Четвертый вентилятор, в зарешеченной башенке за пределами опасной зоны, крутился изо всех сил, но свежего воздуха, который он пагнетал, хватало лишь на то, чтобы кое-как дышать, но вовсе не на то, чтобы рассеять зловоние мутанта-59, уже проникшее сюда. Запах — аммиак с сероводородом — вызывал у всех такие приступы тошноты, что консервированная пища в столовых оставалась почти нетронутой. Кроме того, этот запах намертво пропитывал одежду и мягкую мебель.

Наверху, на улицах, зловоние висело в морозном безветрии, как похоронный звон.

Слейтер расположился за одним из столов, заляпанных пролитым кофе, делая вид, что заинтересованно слушает человека, который сидел напротив. Тот разглагольствовал о системе водоснабжения в районе — как она спланирована и как управляетя. Слейтера это не занимало, мысли его были далеко отсюда, в тоннелях метро. Внезапно он уловил по тону собеседника, что тот закончил свое выступление, и понял, что вообще ничего не понял.

Пришлось идти на риск.

— Действительно, кто бы мог подумать! — сказал он, надеясь, что не попал впросак.

К большому его облегчению, на лице собеседника не возникло недоуменной усмешки.

— Да, представьте себе, — подхватил тот, — и ведь до сих пор не составлено даже полной подземной карты района. Это, право же...

Слейтер вздрогнул и поднял глаза — в комнату ворвался Бьюкен.

— Доктор Бьюкен! Вот уж не ждал! Как вы сюда попали?

— Не имеет значения. Я должен с вами погово-

рить. — Высокий худой шотландец был просто не в состоянии сдержать себя. — Поздравьте меня, я нашел его!..

— Кого, что?

— Связующее звено, общий фактор, корень зла!

— Успокойтесь! — Слейтер показал на стул рядом. — Садитесь. Между прочим, это мистер Паркин, из исследовательской группы при управлении водоснабжением. Мистер Паркин, позвольте представить вам доктора Бьюкена из агентства Креймера...

— Мужчины обменялись короткими кивками. — А теперь рассказывайте, в чем дело.

— Так вот, — сказал Бьюкен, — помните ли вы, что в компьютере, который управлял вашей дорожной сетью, обнаружился неисправный узел? Помните ли вы о неисправности датчика топливного насоса и о катастрофе в Хитроу?

— Да, конечно.

— Экспертиза показала разрушение изоляции, не так ли?

— Да, я прекрасно все это помню. Мы, собственно, пошли еще дальше и установили, что катастрофа в Хитроу произошла по аналогичной причине, а командование флота считает, что нечто подобное, вероятно, случилось и на затонувшем «Тритоне».

— Совершенно верно. Три происшествия, а причина — одна!

— Вовсе нет, — покачал головой Слейтер. — Это еще ничего не доказывает. Допускаю, что разрушение изоляции — действительно общий фактор, однако...

— Согласен, согласен, — перебил его Бьюкен, — но что вы скажете, если выяснится, что разрушение однотипное?

— Что вы имеете в виду?

— Если выяснится, что разрушилась изоляция у одной и той же детали?

— Да, пожалуй, на меня это произведет впечатление.

— Так вот, последние три дня я, без преувеличения, жил у телефона. Я провел собственное расследование, и, представьте себе...

— Продолжайте.

— Представьте себе, — Бьюкен даже руками всплеснул, — это действительно одна и та же деталь! Одна и та же! В датчике топливного насоса самолета была такая маленькая электронная штучка — логическая ячейка. В вашем компьютере та же самая штучка составляла жизненно важную часть адаптивной схемы, и, представьте, — я созвонился с военно-морским исследовательским институтом в Портсмуте — эта же ячейка была и в компьютерах дальности запуска на подлодке ее величества «Тритон»...

— Прекрасно, значит, вы нашли общую деталь, но это опять-таки ничего не доказывает. С равным успехом вы могли бы заявить, что болты и гайки оказались выпущенными одной фирмой. Ну, и что из того?

— Согласен. *Post hoc* *, примитивная логика и все такое прочее, — Бьюкен сегодня был явно в ударе, — но ведь дело на том не кончается! Несчастье с «Кондором-6» — вы читали о нем?

— Читал.

— Та же самая деталь была в командном модуле! Я проверял через НАСА.

— Доктор Бьюкен, извините меня за упрямство, но это же и впрямь несущественно: сколько бы раз вы ни встретились с этой деталью, вы все равно...

— Но вы готовы признать это веским косвенным доказательством?

---

* После этого (лат.). Часть поговорки *Post hoc ergo propter hoc* — «После этого — значит вследствие этого», высмеивающей псевдопоследовательное мышление. — Прим. перев.

— Не слишком веским, но совпадение странное, не спорю.

Бьюкен расстегнул свой портфель.

— Ну, а теперь перейдем к прямым доказательствам. — Он извлек из портфеля стальную коробочку, а из коробочки — запечатанный полиэтиленовый конверт, в котором лежал крошечный пластмассовый кубик с десятью выступающими наружу проволочками, и положил все это на стол. — Вот она, логическая ячейка М-13. То есть так она выглядит, пока ее не использовали, прямо со склада.

— Как это понимать — пока ее не использовали?

Бьюкен коснулся крошечного электрического кубика.

— Когда мне стало известно, что эта штучка принимала участие во всех трех катастрофах, я позвонил изготовителям и попросил прислать мне несколько экземпляров для исследования. Одну из них я тут же разобрал и отправил Бэрону...

— Бэрону?

— Моему знакомому из Института здравоохранения в Колиндейле.

— При чем тут здравоохранение?

— Бэрон проверил этот кубик на микроорганизмы. — Слейтер изумленно поднял брови. — И что вы думаете? В пластмассе оказались споры.

Слейтер медленно откинулся назад, теперь он, не мигая, смотрел на Бьюкена.

— Вот это да!..

— Вы угадали. Споры принадлежали бактериям, пожирающим пластмассу.

— И все-таки вы еще ничего не доказали! — воскликнул Слейтер. — Все, что вы до сих пор сообщили мне, сводится к тому, что один электронный прибор применили в трех вышедших из строя схемах и что в отдельных экземплярах этого прибора вы обнаружили

ли споры бактерий, разрушающих пластмассу, — ну, и что дальше? Споры подобны семенам — они должны еще прорости. Как вы опровергнете такое возражение?

Бьюкен только усмехнулся — попытки Слейтера сбросить его с седла доставляли шотландцу удовольствие.

— Что нужно микробам для жизни?

— Ну, — начал Слейтер, — я не бактериолог, но дайте сообразить: пища, тепло и...

— Отлично! — почти выкрикнул Бьюкен. — Тепло! Что происходит с большинством ценей и приборов после того, как их включили?

— Мой бог! — Слейтер выпрямился, чуть не подпрыгнув. — Мой бог, конечно!..

— Вы уже поняли, — торжествовал Бьюкен. — Как только прибор включили, будь это в компьютере или в любой иной системе, по как только его включили, он стал нагреваться, споры вернулись к жизни и принялись пожирать...

— ...окружающую их пластмассу, — докончил Слейтер.

— Да, но это еще не все. Я консультировался с Бэроном и с фирмой-изготовителем. Бэрон утверждает, что развивающимся спорам нужна, и притом немедленно, вода. Тут я не испытываю стопроцентной уверенности, но мы полагаем, что как только прибор включили и он стал нагреваться, на этой кадмевой пластинке, — он показал где, — конденсировались капельки воды. Совсем немного — и все-таки достаточно, чтобы бактерии пробудились и начали делиться. А раз они пробудились и начали делиться, то рано или поздно доберутся и до изоляции на этих проволочках, — он показал на проволочки, выступающие наружу, — а отсюда уже куда угодно, от провода к проводу, лишь бы они были связаны между собой...

Слейтер сидел не шевелясь.

— Значит, едва эта штучка заработала, микробам открыт путь к любому устройству, с которым она связана...

— Совершенно верно, — Бьюкен удовлетворенно откинулся на спинку стула.

— И вы можете это доказать?

Не говоря ни слова, шотландец достал из портфеля другую коробочку, такую же, как и первая, и бережно опустил ее на стол. Из коробочки он вынул замкнутый стеклянный сосуд и осторожно поставил его рядом.

— Вот вам тот же прибор, — пояснил он. — Только этот экземпляр работал пять часов без перерыва...

Он подтолкнул сосуд к Слейтеру. Внутри был такой же крошечный кубик, но перекошенный и оплавивший. Изоляция на одной из выступающих проволочек пожелтела и отваливалась прямо на глазах, обнажая блестящую медную жилку.

— Биологическая бомба замедленного действия, — тихо сказал Слейтер. — Достаточно включить ее, и она начнет заражать все вокруг...

— Одно меня беспокоит, — продолжал Бьюкен, — ведь никто из тех, кто расследовал катастрофы до нас, не обнаруживал следов размягчения, одни обнаженные провода. Бэрон, с которым я обсудил это противоречие, считает, что наш микроб, откуда бы он ни взялся, попачку точит пластмассу очень-очень медленно и лишь с течением поколений учится пожирать ее все быстрее и быстрее...

— Вот почему первые его проявления были относительно слабыми, — откликнулся Слейтер.

— Именно так. Но постепенно он приспособливался, становясь все более всеядным. А сегодня весь центр Лондона на смертном одре.

— Одна малюсенькая деталька, — задумчиво произнес Слейтер. — Уму непостижимо...

— Нам уже удалось сделать многое. Фирма-изготовитель карликовая, она расположена неподалеку, возле Кингз-кросс. Так вот, фирма сумела установить адреса большей части своих покупателей. Через два-три дня эта работа будет доведена до конца, но пока что все сходится. Самыми крупными покупателями оказались самолетостроители, фабриканты компьютеров и НАСА. Есть, правда, один экземпляр прибора, с которым уже просто ничего не поделаешь...

— Это почему?

— Потому что этот прибор отправлен в адрес «Калифорния ракет корпорейши». Той самой, которая взялась за постройку «Аргонавта-1», автоматического разведчика Марса.

— Не понимаю. Почему же ничего не поделаешь?

— Потому что он стартовал шесть недель назад, — флегматично ответил Бьюкен.

В бистоновском защитном костюме Джеррарду было очень неловко и неуютно. Тело еще болело после акробатического подъема из метро.

За прозрачным щитком, прикрывающим лицо, чувствовался назойливый запах резины и дезинфекции. Он неуклюже шагал по улице следом за тремя своими спутниками, складки грубой ткани безжалостно терли под мышками и в коленях. Даже дыхание в этой тесной индивидуальной парилке казалось преувеличенно резким.

Подошвы сухо поскрипывали по снегу. Рядом с Джеррардом плелся солдат с портативным распылителем в руках — в распылителе была отравленная пласти масса. Двое других, тоже в форме, сверялись с картой; на плече у одного из них поблескивали лейтенантские звездочки. Он-то и обратился к канадцу:

— Ну вот, мы уже почти пришли...

Оторвавшись от карты, офицер повернулся на жалюзиках и направился к магазину на углу — вывеска крупными пурпурными буквами возвещала: «Новинки сезона». В витрине вперемежку с рекламой были выставлены рубашки, раскрашенные во все цвета радуги, и куртки искусственной кожи. Позади рубашек прямо к оконной раме были пришпилены наимоднейшие плащи и сапоги из пластика — не поймешь, для какого пола, все это в окружении этикеток и зазывных плакатиков. Поверх шли в два ряда рамки-экранчики. В одной из них вдруг отдернулась занавеска, появилось чье-то лицо, бросило беглый взгляд на приближающиеся фигуры и исчезло. Лейтенант решительно подошел к стеклянной двери и резко постучал в нее кулаком.

Ожидая, пока им откроют, он с неодобрением окинул суровыми карими глазами кричащую витрину. Затем послышалось звяканье отодвигаемых засовов. Дверь распахнулась. Выражение неудовольствия на лице лейтенанта стало еще явственнее, когда он увидел в дверях человека лет тридцати пяти с копной тщательно подвитых седоватых волос. На хозяине был розовый свитер из тонкой шерсти, белые вельветовые брюки с бубенчиками и такого же цвета штиблеты. У него было довольно миловидное гладкое округлое лицо, а говорил он не как-нибудь, а ритмическим речитативом:

— О господи, благодарение небу, вы пришли! У нас здесь совершенное светопреставление, вы даже представить себе не можете... Весь мой запас, все — разорено. И я не знаю, право, не знаю... Может быть...

Лейтенант бесцеремонно перебил его:

— Где очаг поражения?

— У меня за спиной, — хозяин глупо усмехнулся. — Но я уверен, вы совладаете с бедствием...

Лейтенант отстранил хозяина и прошел в магазин, остальные последовали за ним — и замерли у порога, не веря собственным глазам.

Ряды сапог словно в танце без музыки неспешно кружились в волнах пены. Многоцветные панели из пластика бесстыдно обвисли со стен, пуская яркие сочные пузыри, окрашенные в соответствии с замыслом декоратора. Пластиковые плащи сползли с плечиков, оголив хромированную вешалку. Впрочем, один плащ еще держался на месте, но совершенно утонул в пене и корчился, будто надетый на невидимку. Весь магазин извивался в медленном кошмарном танце. Воздух был насквозь пропитан смрадом — спутником бацилл Эйнсли.

Хозяин пыл, заламывая руки:

— Нет, это поистине ужасно. Мои чудесные интерьеры — теперь я никогда не сумею восстановить их...

Лейтенант круто обернулся к нему.

— Сделай милость, старый хрыч, помолчи!

Хозяин надулся, а лейтенант нервно махнул солдату с распылителем:

— Пускай!..

Солдат перешагнув в торговый зал и припался качать рукоятку распылителя, разбрызгивая ядовитую пластмассу бурым туманом. Туман оседал на поверхность пены, и лейтенант с нескрываемым удовольствием наблюдал за выражением душевной муки, которое появилось на лице хозяина. К зловонию прибавился бензиновый запах толуола, который быстро испарялся, а поверх пузырящейся бурлящей массы ложился еще один тонкий, вязкий коричневый слой.

Сделав свое дело, они уселись и стали ждать. Джеррард, отвернув перчатку, засек время. Первые две минуты не происходило ничего нового, в магази-

не продолжало шипеть и всхлипывать — мутант пытался. Но вот мало-помалу движение на полу стало замирать; пузыри опадали, пена шипела тише и тише. Примерно семь минут спустя она смолкла совсем. Правда, нет-нет да и возникали еще в каком-нибудь закутке, куда не достал распылитель, маленькие очажки активности, но главное было ясно: пластмасса с введенной в ее состав цианидной группой сделала свое дело. Мутант-59, бацилла Эйнсли, был приголоврен к гибели.

Лейтенант, устремив на Джеррарда суровый взгляд, неожиданно улыбнулся:

— Для начала неплохо...

Хозяин магазина приплясывал вокруг, изображая безмерную благодарность.

— О, как быстро и как чудесно, как ужасно оструумно, что же это вы применяете? Вы все должны, право, должны подняться ко мне и выпить...

Солдаты начали складывать свою амуницию. Лейтенант повернулся, чтобы уйти, но не удержался и бросил через плечо хозяину:

— Обойдемся без твоих ласк, милашка...

За несколько недель фирма «Политад» поставила производство аминостирена с введенными в него циан-группами на поток. По мере выпуска вереница грузовиков доставляла новое вещество к границам оцепленной зоны.

Затем за дело брались воинские команды с распылителями и, прослышав про очередную вспышку инфекции, заливали заболевшую пластмассу бурым вязким настоем отравленного аминостирена. Постепенно число таких вспышек уменьшилось; бациллы Эйнсли прекращали борьбу за свое господство, и обескровленное сердце Лондона вновь возродилось к жизни.

В течение всех этих дней Джеррард был занят почти беспрерывно. К собственному удивлению, он обнаружил, что такая спешная, неослабная работа ему очень по вкусу. Бой врукопашную с уже известным врагом нравился ему куда больше, чем длительные и зачастую безрезультатные лабораторные поиски оригинальных идей.

Неоднократно он предпринимал попытки связаться с Анной, но каждый раз выяснялось, что либо она только что вышла, либо передавала ему неубедительную просьбу перезвонить в такое-то время туда-то. А когда он выполнял эту просьбу, Анны там, разумеется, не оказывалось. В конце концов он все-таки ухитрился поймать ее, но она была подчеркнуто холодна и нарочито ограничила разговор темами, связанными с мутантом.

Как только обстановка в центре Лондона улучшилась, Джеррард решил, что его миссия здесь окончена.

Он уехал в Истборн и, погуляв там по меловым холмам и побережью, постепенно расслабился. На это ушло три дня. На третий вечер он сидел апатично в холле отеля, размышляя, не пора ли возвратиться в Лондон. Но агентство Креймера по-прежнему не давало о себе знать. Очевидно, он был в немилости.

Подошел официант и сообщил, что Джеррарда просят к телефону. С первых же слов не без удовольствия он узнал сочный южношотландский говор Бьюкена. Агентство, сказал ему Бьюкен, в опасности. Нависла угроза банкротства, предъявлено несколько серьезных исков, предстоит неизбежная и длительная юридическая война. Анна Креймер, ставшая теперь главным акционером, вернулась к делам и призывает их продолжить работу.

— Только без меня, — ответил канадец. — Я выступаю в амплуа подлого предателя. Уж меня-то не

взьмут ни за какие деньги. Да я и сам, признаюсь, не уверен, хочу ли я, чтобы меня взяли.

На другом конце провода долго молчали.

— Вот уж не думал, что вы станете упиваться жалостью к себе, — сказал Бьюкен после паузы. — Но если это искренне, тогда я умываю руки.

Джеррард почувствовал себя уязвленным и принял яростно защищаться, критикуя принятый Креймером курс. Он громил и громил перестройку агентства с былой ответственности за свои начинания на чистую погоню за прибылями. Проповедь получилась длинной и, пожалуй, слишком наставительной; Бьюкен на другом конце провода хладнокровно разрешил ей развиваться сколько влезет, пока Джеррард не остановился, чтобы перевести дух. Тогда шотландец спросил:

— Ну что, высказались?

— Да, черт возьми! И делайте с этим что хотите!..

— Если бы вы дозволили мне вставить хоть словечко, я давно сообщил бы вам, что многое из сказанного вами отнюдь не лишено смысла. Только, наверное, я не стал бы выражаться столь эмоционально...

Теперь молчание водарилось на другом конце провода — на том, где был Джеррард.

— Ничего не понимаю. Вы со мной согласны?

— Некоторым образом, — заявил Бьюкен. — Поэтому-то я и хотел бы, чтобы вы все-таки приехали на совещание.

— Какое еще совещание? Вы ничего не говорили ни о каком совещании.

— Неужели? Ну что ж. Совещание назначено на завтра, именно поэтому я, собственно, и звоню. Меня просили вам позвонить.

— Они что, в самом деле просили меня приехать?

— Ну, не сказал бы, что с большим энтузиазмом — ковровых дорожек перед вами не расстелят, но

вы, между прочим, штатный сотрудник агентства, — ответил Бьюкен.

— До поры до времени.

— Поживем — увидим. В общем приезжайте. Отель «Ройял Йоркшир», зал Коннот, завтра в два сорок пять. Рад буду с вами встретиться...

И прежде чем Джеррард нашелся, что ответить, Бьюкен повесил трубку.

Тогда канадец отправился в ресторан и, словно возмешая себе за все заботы и сомнения, методично уничтожил одно за другим несколько самых дорогих блюд, какие нашлись в меню. Затем, дымя огромной сигарой, он еще посидел в одиночестве над великолепным коньяком.

Раздумья его касались тех, с кем он прежде работал. Райт и Скэнлон почти наверняка объединятся, чтобы выкинуть его вон. Они не так-то легко забудут, что именно Джеррард первым выдвинул обвинение против дегрона, что именно он объявил дегрона принципиальной предпосылкой лондонской катастрофы. Интересно, каким путем пойдет агентство дальше. Когда он поступал сюда, то рассчитывал, что под руководством Креймера они станут утверждать идею возрастающей ответственности науки перед обществом. Многие их замыслы были тогда четко направлены на охрану окружающей среды, исходили из интересов грядущих поколений. Был, например, заключен контракт с одной из текстильных фирм на севере Англии на разработку более совершенной системы фильтров, которые освободили бы сточные воды от примеси ядовитых красителей.

Однако в дальнейшем Креймер направил всю свою энергию на упрочение финансового положения агентства и получение прибылей, и все общественно значимые начинания оказались заброшенными. Воля Креймера, и только она, сосредоточила усилия всех

сотрудников на выполнении относительно несложных заказов, обещающих скорые и высокие барыши.

Он вернулся в номер и лег, но, несмотря на все выпитое, мысли продолжали обгонять друг друга. Какой у него, собственно, выбор? Перейти в министерство? Сделать это нетрудно, было бы желание. Но что потом — давать второсортные советы третьестепенным политиканам, помирать со скуки ради того, чтобы снабжать дополнительным капиталом людей, в представлении которых интеллектуальная честность нужна лишь для возведения более правдоподобной лжи? Пожертвовать наукой во имя лицемерия?

Назад в Канаду? Ну нет, только не это. Он вспомнил факультетский клуб с его тщательно отмеренным радушием и пустотой. Интеллигентные улыбки и иссушенные лица. И пять месяцев зимы — невыносимая перспектива.

Заботы и сомнения множились с каждой минутой, и в конце концов он понял, что все его раздумья приводят лишь к одному — к сердцебиению. Напоследок он начал даже, посмеиваясь над собой, беспокоиться о том, найдется ли у него на завтра чистая рубашка.

Как только он заснул, ему вновь привиделось лицо Анны. Одна половина его существа страстно желала бы, чтобы она была сейчас рядом, другая отвергала ее за рассудочность и подчеркнутую холодность.

На следующее утро он выехал в город спозаранку. Зашел домой, побрился, принял ванну, переоделся, но о еде не хотелось и думать, и он сразу же спустился обратно к машине и направился в отель, где было назначено совещание.

В пути он пытался представить себе, к чему оно приведет. Зачем в отеле, почему не в лаборатории? Уверенности в себе он уже не ощущал. Бьюкен — странный, непростой человек. Может, он играет свою

игру? Хочет подбить Джеррарда на выступление и тем самым уязвить Райта?

А если он промолчит, что тогда? Он дорого бы дал, чтобы по-прежнему работать в агентстве. По крайней мере ради того, чтобы встречаться с Анной. Но был ли у него хоть единственный шанс наладить отношения с Райтом? В душе опять вскипел гнев. Он будет выступать, будет, и наплевать на последствия!

Как только он добрался до отеля, настроение его вновь круто переменилось. Он ожидал, что совещание задумано конфиденциальным, что они рассядутся по креслам в каком-нибудь уютном холле. А оказалось, что заказан небольшой конференц-зал. В правлении агентства, вероятно, насчитывалось больше членов, чем он предполагал.

К своему неудовольствию, он обнаружил, что приехал слишком рано: начало совещания перенесли на три часа. Пришлось слоняться вокруг стола, пока не соберутся остальные. Бетти придала столу официальный вид, поставив стаканы с водой и разложив блокноты и карандаши.

Но вот один за другим появились все, кроме Анны. Она позвонила и сообщила, что задерживается, и просила начинать без нее.

В отсутствие Анны председательское место занял Райт. По правую руку от него расположился финансовый опекун агентства сэр Гарви Филлипс. Надево от председательского было собственное место Райта, сейчас пустовавшее, затем сидели Скэнлон и главный бухгалтер агентства Саймон Макс, темноволосый, моложавый человек; Джеррард поневоле обратил внимание на его жесткие глаза.

Бьюкен сидел рядом с Филлипсом, потом было место Джеррарда. В дальнем конце стола пристроился юрисконсульт,— кажется, он являлся также и пайщиком агентства,— Алистер Макдональд. Это был

худой и хитрый шотландец с севера, отличавшийся нарочитой учтивостью. Попутно Макдональд представлял еще и коммерческий банк, субсидировавший агентство в начале его деятельности.

Совещание открылось формальной речью, в которой Райт выразил сожаление по случаю безвременной смерти Креймера. Едва он кончил, за его спиной отворилась дверь, и вошла Анна. Все встали.

Джеррард следил за выражением ее лица, но она обвела взглядом всех, кто сидел вокруг стола, и оно осталось бесстрастным. Единственное, что она сделала — коротко кивнула Райту в знак благодарности и села на его место, оставив химика председательствовать.

Она все так же смутила Джеррарда. Он приехал сюда разъяренным, горя желанием выступать, а сейчас, в ее присутствии, почувствовал, что вряд ли сумеет произнести хотя бы слово, не заикаясь.

Совещание шло своим чередом: Анне Креймер были выражены соболезнования, настало время для обзора и анализа событий последних месяцев. Был момент, когда Джеррард мог взять слово. Бьюкен даже слегка подтолкнул его локтем, но канадец притворился, что не заметил этого. Благоприятный момент миновал, и старший коллега Джеррарда откинулся в кресле недовольно и разочарованно. Совещание перешло к другим вопросам. Макдональд, юрисконсульт, поделился некоторыми соображениями насчет того, как им выпутаться из затруднительного положения, связанного с тем, что продукция агентства оказалась причастной к трагедии.

После Макдональда заговорил Макс — он сделал скучный, но вполне квалифицированный доклад о финансовом положении агентства, который не оставлял сомнений в том, что оно выживет.

Настала очередь Райта. Джеррард слушал его скеп-

тически. Ни слова раскаяния, ни тени упрека в свой адрес, — а ведь Райт, пусть косвенно, оказался виновником гибели тысяч людей! Он словно и не отдавал себе отчета в том, насколько близка была всёобщая катастрофа.

Излагая свою версию событий, Райт представлял дело так, будто самым ужасным их последствием стали задержка в работе агентства и недоверие к его продукции. Потом канадец понял, что Райт кружным путем подбирается к нему, Джеррарду. Им-де пришлось столкнуться с действиями, которые ставят под угрозу самое их будущее.

Неожиданно для себя Джеррард обнаружил, что стоит на ногах, и осмотрелся. Анна, очевидно, не заметила его порыва — она сосредоточенно глядела в блокнот, выводя там какие-то каракули. Бьюкен скучающей миной изучал свою трубку. Скэнлон ухмылялся просто от того, что шотландцу не по себе.

В сердце Джеррарда вновь поднялся гнев, но теперь холодный и суровый. И он внятно произнес:

— Прошу слова.

— Но, кажется, я еще не кончил. — Райт смерил его ледяным взглядом.

— Вы сказали более чем достаточно.

Райт вспыхнул:

— Наше совещание придерживается...

— Какое совещание, побойтесь бога! Нас здесь всего-навсего восемь человек, и собрались мы в связи со смертью основателя агентства и в связи с тем, что чуть не погиб целый город. Теперь буду говорить я.

Райт попытался сказать еще что-то, но Анна положила ему на руку свою ладонь.

— Пусть говорит.

Райт колебался еще мгновение, потом капитулировал:

— Прошу вас, доктор Джеррард.

Канадец прочистил горло, обвел взглядом аудиторию.

— Ну что ж, я тут человек новый, и не похоже, что задержусь здесь надолго, поэтому я начну прямо с заявления, что такого сбираща самодовольных и своекорыстных лицемеров я не видел никогда во всей своей жизни. Я не собираюсь подробно разбирать ни тошнотворную цепочку полуправд, с которыми здесь выступил доктор Райт, ни его поведение за последнее время в целом, поведение, несовместимое, на мой взгляд, с лежащей на нас ответственностью...

Райт, побледнев, вскочил:

— Я протестую...

— Будьте любезны выслушать меня, — перебил Джеррард. — Я ждал от вас хоть одного слова сожаления или раскаяния. Хоть одного слова, которое свидетельствовало бы, что эта история не прошла для вас даром. Что вы хотя бы частично признаете себя ответственным перед обществом за свои действия.

Когда Креймер задумывал свое предприятие, перспективы казались большими и вдохновляющими. У него были плодотворные идеи, и он был заинтересован в их воплощении. Его заботили подчас печальные последствия технического прогресса.

Назовите меня романтиком, согласен, но когда я впервые встретился с Креймером, он передал мне свое понимание роли науки. Он показал мне, что можно и нужно направить усилия ученых на пользу людям. И вырвать нас всех из отравленной клоаки, в которую превратился мир. Затем его позиция, как вам известно, изменилась. Его — но не моя.

Мы можем объединить в своем агентстве ученых множества различных специальностей и знаний. Используя эти знания, творчески осмысливая их, мы могли бы уже сейчас вести исследования и разраба-

тывать конструкции, действительно необходимые людям. Не только получать прибыль — сейчас мы, очевидно, почти разорены, — а направить все свое достояние на пользу обществу.

Никто никогда не вычислит в точности, какова наша доля ответственности за произошедшее. Мы создали дегрон, мы придумали бутылку. Не в наших силах было предвидеть, какие именно бактерии распространяются на этой основе, но наша продукция — плод нашей мысли, нашей изобретательности — сыграла в их развитии существенную роль. Ни один из нас не заботился ни о чем, кроме технического остроумия своих предложений. Мы преуспели — Лондон едва не погиб. И этого, безусловно, более чем достаточно, чтобы впредь решительно изменить направление нашей деятельности. В следующий раз погибнуть может весь мир. Если агентство уцелеет — на что я очень надеюсь, — оно обязано немедленно и твердо решить, что ему делать и зачем. Разумеется, мы акционерное предприятие, и каждый хочет иметь доходы на вложенный капитал. Но и при этих условиях мы можем и должны найти пути, чтобы наша работа строилась творчески и в интересах общества. — Он запнулся на мгновение и закончил: — Вот... вот, пожалуй, и все, что я хотел сказать...

Он сел на место. Воцарилась мертвая тишина. Джеррард вновь обвел взглядом всех сидевших за столом. Единственным, кто встретился с ним глазами, оказался Бьюкен, но в насмешливом взоре шотландца никто не смог бы прочитать ничего — ни одобрения речи Джеррарда, ни упрека за излишнюю пылкость.

Анна, что называется, опустила очи долу. Райт, как и Джеррард, внимательно всматривался в лица присутствующих, и было очевидно, что изучение этих лиц принесло ему облегчение и удовлетворение. По

всем внешним признакам, выступление Джеррарда достигло той самой цели, к которой вел дело сам Райт,— восстановило против канадца всех участников совещания.

— Благодарю вас, доктор Джеррард,— сказал химик, привстав.— Уверен, что выражу общее мнение: мы весьма заинтригованы вашими идеями и предложениями. Испытывает кто-либо желание про-комментировать... гм... проповедь доктора Джеррарда?

Джеррард смотрел на противника не мигая. Если когда-нибудь он ненавидел кого-то лютой ненавистью, то это был именно Райт.

— Я полагал, что ответить мне должны вы,— сказал канадец.— Метил я в вас.

— Что-что, а это я понял,— криво усмехнулся Райт.— Быть может, в один прекрасный день мы про-ведем на этот счет дискуссию, скажем, на Тауэр-хилл или в Гайд-парке. Но сейчас, прошу меня извинить, мы вернемся к повестке дня данного совещания.

Никто не возразил ему. Скэнлон ухмылялся, Бью-кен набивал свою трубочку. Юрисконсульт Макдо-нальд разглядывал потолок. Анна писала что-то у се-бя в блокноте.

— Благодарю вас,— повторил Райт.— Теперь пе-реходим к неотложному вопросу о выборах нового председателя правления агентства. Прошу называть кандидатуры.

Наступила пауза, затем слово взял Скэнлон.

— Я вижу единственного достойного кандидата — старшего из сотрудников агентства, который внес в нашу работу наиболее крупный вклад. Вас, доктор Райт.

Сэр Гарви кивнул с достоинством:

— Я поддерживаю эту кандидатуру.

— Благодарю вас, джентльмены. Есть другие предложения?

Райт был польщен, но старался не показать этого. Бьюкен положил свою трубку на стол.

— Да, есть. Я выдвигаю кандидатуру доктора Джеррарда.

— Доктора Джеррарда? — На лице Райта читалось совершенное изумление.— Прикажете понимать вас всерьез?

— Я никогда еще не был так серьезен. То, что он сказал здесь сегодня, в высшей степени справедливо. Я лично очень хотел бы, чтобы агентство пошло именно таким путем. Выдвигаю доктора Джеррарда.

Райт вспыхнул от ярости:

— Извините, но я не могу принять эту кандидатуру и расцениваю ваше предложение как поразительное легкомыслie. Доктор Джеррард работает у нас без году неделя. Он абсолютно не осведомлен ни о становлении, ни о структуре агентства, ни об объеме его работы. И если откровенно, то эмоциональный взрыв, свидетелями которого мы были сегодня, на мой взгляд, полностью исключает возможность дальнейшего его сотрудничества в агентстве, не говоря уже о полномочиях директора...

Бьюкен глубоко затянулся и сказал:

— Вы ведете себя так, словно вас уже поставили во главе всего предприятия. Да у вас, если угодно, нет даже права председательствовать, пока обсуждается ваше назначение...

Райт вопросительно взглянул на Анну, и та откликнулась:

— Вероятно, будет действительно лучше, если я займусь теперь председательское место, доктор Райт.

Они поменялись местами. Анна посмотрела на юрисконсульта, сидящего в дальнем конце стола.

— Просим вашего совета, мистер Макдональд. Играет ли в данном случае какую-то роль время пребывания доктора Джеррарда в штате агентства?

Макдоальд решительно покачал головой.

— С моей точки зрения, ни малейшей.

— Тогда продолжим обсуждение.— Райт порывался что-то сказать, но Скэнлон удержал его.— Кто еще выступает за кандидатуру доктора Джеррарда?

Анна обвела взглядом одного за другим всех присутствующих. Наконец Макдоальд решился:

— Да, я тоже хотел бы выступить за эту кандидатуру.

Райт недоуменно уставился на него, но юрист консультант уже уткнулся в свои бумаги.

— Кто еще? — спросила Анна. Ответом ей было долгое молчание.— Хорошо, приступим к голосованию. Думаю, вполне достаточно будет поднятия рук. Кто за назначение доктора Райта?

Руки подняли Скэнлон и сэр Гарви.

— Двое. Кто за кандидатуру доктора Джеррарда?

Бьюкен и Макдоальд.

Джерард никак не мог привести мысли в порядок, не мог понять причин внезапного поворота фортуны. Что все это значит, какими мотивами руководствовались эти двое? Анна обратилась к главному бухгалтеру:

— А вы, мистер Макс?

— Я присутствую здесь в качестве консультанта, у меня нет права голоса.

Макс явно радовался тому, что ему не надо ввязываться в сложную ситуацию. Остальные замерли в напряжении.

— Два голоса за каждого из кандидатов,— сказала Анна.— Выходит, я должна использовать свой решающий голос.

Райт посмотрел на нее с благодарностью. Он был не слишком прозорливым человеком и полагал, что совещание утвердит его назначение автоматически; неожиданное сопротивление выбило его из колеи.

Анна не спеша сняла темные очки и сложила их.
«Черт бы тебя ваял,— подумал Джеррард,— смакуешь
свой крошечный триумф? Ну, и подавись им!..»

— После всего, что мы сегодня слышали,— сказала Анна,— я полагаю, что должна поддержать кандидатуру доктора Джеррарда.

В наступившей тишине Райт чуть заметно покрутил головой, словно не веря своим ушам. Джеррард сидел совершенно ошеломленный. Наконец химик обрел дар речи и поднялся на ноги.

— Не могу поверить... Не понимаю...

Анна не выдержала его изумленного взгляда и отвернулась. Все самообладание Райта исчезло бесследно, он едва не плакал.

— Но почему? Почему?.. — повторял он.

— Потому что мои представления о дальнейшей судьбе агентства в корне отличаются от ваших,— произнесла она.

— Но как это может быть? Я просто не понимаю! — выкрикивал Райт.

— Мой покойный муж правил агентством как са-модерхец. Его это устраивало. Он был... он был Арнольд Креймер. Он основал агентство. Но в результате мы понесли серьезный урон, и, по-моему, доктор Джеррард очень хорошо обрисовал стоящую перед нами проблему. Мы попросту не делаем того, что намеревались делать. И наши идеалы...

— Идеалы?

— Да, идеалы. Некогда они у нас были.

— Я не могу согласиться с вами. Тем более я не могу работать с этим... — Райт ткнул трясущимся пальцем в сторону Джеррарда,— с этим человеком. Предупреждаю вас, миссис Креймер, вы вынуждаете меня подать в отставку, и да будет вам известно — патенты на аминостирен и дегрон уйдут вместе со мной!..

Теперь Анна взглянула ему прямо в глаза.

— Ну и что? — спокойно спросила она.

Райт запнулся.

— Вы готовы к тому, что я заберу их?

— Я хочу, чтобы вы их забрали. Они повинны в смерти моего мужа, они едва не убили доктора Джеррарда и меня, они не принесли нам ничего, кроме поозора. Я хотела бы расторгнуть все старые обязательства и начать все сначала.

— Хорошо сказано!

Бьюкен в свою очередь уставился на Райта с вызовом.

— Но на эти патенты приходится львиная доля всех финансовых поступлений, — ввернул Скэнлон, озабоченно подавшись вперед.

— Не совсем так, — отозвался Бьюкен. — И к тому же, Райт, дегрон запатентован на имя агентства, а отнюдь не на ваше...

Райт резко оттолкнул кресло.

— Интересно узнать, что скажет обо всем этом сэр Гарви?

Финансист пожал плечами.

— У миссис Креймер — контрольный пакет акций, значит, ей и решать. Моя основная забота в данном случае — чтобы мне гарантировали прежние проценты на капитал...

— В таком случае мне придется уйти. — Райт встал и бросил взгляд на Скэнлена. Однако тот увернулся от этого взгляда — он смотрел исключительно на сэра Гарви. — Если в дальнейшем у вас возникнут ко мне вопросы, вам придется обратиться к моему адвокату.

Райт медленно повернулся, собрав все свое достоинство, выпрямив спину и высоко подняв голову, и вышел из конференц-зала. В эту секунду Джеррарду было почти жаль его. Невзирая на горделивую позу

или, может, именно благодаря ей химик внезапно со-старился прямо на глазах. Конченый человек.

— Доктор Джеррард,— произнесла Анна,— вас избрали на пост председателя правления. Принимаете ли вы этот пост?

Возникла пауза, и Джеррард вдруг ощущил себя в центре внимания.

— Ну что ж... Пожалуй, да...

Это прозвучало совсем не убедительно, даже для него самого, и он заметил, что по лицу Анны скользнула тень разочарования. Только тут до него, наконец, дошло, что он теперь новый босс, преемник Креймера. Что от него ждут указаний. Уход Райта явился для всех потрясением. Он обязан приободрить их, дать им определенную линию, которой они могли бы придерживаться. Анна поднялась с кресла.

— Теперь, когда у нас есть новый председатель, я чувствую себя здесь не совсем на месте. Пожалуйста, продолжайте совещание, доктор Джеррард.

Канадец кивнул и, постаравшись изобразить на лице уверенность, которой отнюдь не испытывал, сел во главе стола. Огляделся.

— Миссис Креймер, джентльмены, нам с вами выпало сегодня участвовать в драматических событиях. Я не вижу особого смысла продолжать совещание с места в карьер и предлагаю отложить нашу встречу до следующего месяца.— Он сверился с календариком на наручных часах.— Могу назначить точную дату, двадцатое. К этому времени я постараюсь разработать и предложить вашему вниманию план дальнейшей деятельности агентства. А теперь, если у вас нет других срочных вопросов, — он еще раз взглянул на часы, — я позволю себе закрыть заседание. На том и закончим.

Как только совещание закрылось, Скэнлон и сэр Гарви удалились, взволнивенно переговариваясь.

«С ними я еще хлебну горя», — подумал Джеррард. Подошел Бьюкен, поздравил с избранием.

— Но всякую самостоятельную работу придется свернуть, это вы понимаете?

— Мне, признаться, жаль Райта.

Бьюкен посмотрел на него с насмешкой.

— А мне нет. Небольшое хирургическое вмешательство подчас бывает весьма полезно. — И добавил, глядя вслед Скэнлону, который в дверях почтительно пропустил сэра Гарви вперед: — Я, в сущности, не уверен, что нож уже отсек все, что необходимо. Впрочем, — улыбнулся он, — вспомните евангелие от Матфея: «Довольно для каждого дня своей заботы». Я намерен разрешить себе скромный торжественный ужин в «Принце Уэльском». Не желаете присоединиться?

Джеррард украдкой взглянул на Анну — она стояла по другую сторону стола и беседовала с Максом и Макдональдом.

— Спасибо, нет.

Бьюкен перехватил его взгляд.

— А, понимаю. Ну что ж, желаю удачи. Сдается мне, что удача вам отнюдь не помешает...

Шотландец ретировался. К Джеррарду подошел Макс, а затем и Макдональд; оба поздравили его и заверили в своей поддержке. Бетти, собрав со стола бумаги, тоже подошла:

— Я могу быть свободна, сэр?

Не без некоторого внутреннего ликования он отметил, что тон у нее явно переменился.

— Разумеется. До понедельника.

Ушла и Бетти, и он наконец остался с Анной наедине. Он принял решение. Он столько выиграл за какие-то несколько часов! Хороший игрок обязательно воспользовался бы тем, что счастье улыбнулось ему.

— Анна!..

Она повернулась, оторвавшись от кредитных и завещательных документов, которые передал ей Макдональд.

— Да?..

Она все еще была по другую сторону стола. Он перегнулся через стол.

— Я очень вам благодарен. Больше, чем могу выразить...

Она холодно подняла на него глаза.

— Не за что. Я защищаю собственные интересы. Из вас двоих я выбрала того, кто лучше справится с работой. Только и всего.

— Я не уверен, что справлюсь с ней самостоятельно.

— Зато я уверена, что вам помогут. Приспособятся к новому положению вещей и помогут.

— Я вовсе не это имел в виду.— Он обошел стол и приблизился к ней.— Я прошу именно вашей помощи.

— Конечно, я сделаю все, что смогу.

И она опять отвернулась, став спиной к столу.

— Вы знаете, о чем я прошу.— Она замерла. Теперь он был с ней рядом. Она молчала.— Работы до черта. Слишком много для меня одного. Я не справлюсь без вас. Вы нужны мне как полноправный партнер.

— Партнер? А мне-то казалось, что я и так...

Он схватил ее за руки и повернул к себе лицом.

— Не водите меня за нос. Быть может, сегодня еще слишком рано. Но я хочу вас. Я просто не смогу работать, если вас не будет со мной.

Ответом было молчание. Она по-прежнему смотрела в сторону.

— Пожалуйста, выслушайте меня до конца. Я хочу работать здесь, очень хочу! Но вы для меня неиз-

меримо важнее. Если на это нет никаких шансов, тогда не поминайте лихом. Тогда я здесь не останусь.

Она по-прежнему не отвечала. Он медленно выпустил ее руки из своих и пошел прочь. Он уже открывал дверь, когда она окликнула:

— Люк!.. — Он обернулся. — Вы должны дать мне время...

Он присмотрелся к пей издали.

— Сколько вам только понадобится. А пока что, — он взглянул на часы, — ровно пять минут. Я повезу вас поужинать...

Она вплотную подошла к нему и подняла лицо. Поцелуй был долгим и нежным. Джеррарду стоило немалых усилий удержать свой голос от предательской дрожи:

— А теперь пойдем, хорошо?..

Когда они вышли из жарко натопленного вестибюля на зимнюю улицу, уже совсем стемнело. Небо было морозное, ясное, в ярких звездах. И оба они, не сговариваясь, посмотрели вверх, в эту словно ледком подернутую высь.

В небе был отчетливо виден Марс, бледно-красная точечка света. Ни Джеррард, ни Анна никогда и не слышали о равнине Конрада.

Равнина эта лежит в трехстах километрах к северу от марсианского экватора. Ее знали до сих пор по фотоснимкам, переданным с пролетевшего вблизи планеты космического аппарата, и именно ее, лишеннюю заметного рельефа, выбрали как идеальное место для мягкой посадки первого автомата-разведчика.

Двадцатичетырехчасовой марсианский день близился к концу. Маленький кровавый солнечный диск прятался за крутые холмы у кратера на горизонте, и фиолетовые тени бежали по песку и скалам будто исполинские пальцы.

Единственным звуком здесь было слабое посвистывание студеного ветерка, там и сям вздывающего кратковременные песчаные смерчи. Холмы венчали сероватые шапки инея, а в глубине расщелин у основания кратера виднелись лоскутки лишайников со странными очертаниями.

По темно-лиловой чаше неба плыли редкие тонкие облачка, и ничто более не нарушало мертвого покоя ландшафта. Ландшафта, который оставался неизменным год за годом, столетие за столетием.

Ничьи глаза не замечали игры красок, ничьи уши не прислушивались к ветерку, ничьи руки не посягали на дикость скал. Одни лишайники цеплялись за жизнь во влажных расщелинах.

И некому было различить слабый грохот, пришедший из глубин неба. Затем лучи заходящего солнца высветили крохотную искорку, летящую среди звезд.

Мало-помалу отдаленный грохот превратился в падсадный рев ракетного двигателя — на поверхность планеты, опираясь на хвост буйного пламени, спускался «Аргонавт-1».

Он приближался — ввысь кипящей тучей взметнулся невесомый песок, над равниной закрутились обломки скал, поднятые со своих мест выхлопами ракеты. И вот неуклюжий паукообразный силуэт оперся на свои гидравлические ноги. Спружинив от удара, они неторопливо выпрямились. Двигатель смолк. Тучу пыли постепенно развеяло ветром.

Раскаленное сопло, потрескивая, быстро остыло в разреженной атмосфере.

Где-то в верхней части насекомоподобного корпуса звукомотор, раскрылся маленький люк, из него высунулась и, щелкнув, развернула свою паутину сложная радиоантенна.

Автоматически включились электронные цепи, оживляя лабиринт хитроумных приборов на борту.

Созданное человеком существо приступило к работе. В основании корпуса приоткрылась дверца, оттуда вылезла членистая рука с лопatkой, зачерпнула мягкий марсианский песок и утащила свою добычу внутрь. Измерительные устройства установили температуру, скорость ветра, уровень радиации, содержание кислорода в воздухе.

Мощные передатчики, получив результаты измерений, превратили их в радиоимпульсы и метнули туда, где торжествовали победу, — на Землю, в командный центр на мысе Кеннеди.

В течение всей морозной марсианской ночи «Аргонавт-1» настойчиво добавлял все новые и новые радиоштрихи к картине древней планеты. И по мере того как он выполнял свою задачу, свитые в плотный клубок провода и схемы неизбежно разогревались.

Тепло постепенно добралось и до логической ячейки М-13.

Наутро, через два часа после восхода солнца, «Аргонавт-1» внезапно прекратил свое существование. В клетках его глянцевитого тела начала размягчаться пластмасса.

ОПЫТ ПОСЛЕСЛОВИЯ В ТРЕХ НОВЕЛЛАХ

В письме «К одному читателю» Карел Чапек писал:

«...Даже самый малый фрагмент действительности — это нечто огромное: оно лежит на перекрестке разных дорог и может быть открываемо с диаметрально противоположных сторон... Нам, людям, дан кусок Вселенной, чтобы мы познавали ее, мы добираемся до ее глубин не единственным путем; мы зондируем ее своими поступками, наукой, поэзией, любовью и религией; нам нужны разные методы, чтобы измерить ими свой мир» *.

Разные! Именно в этом все дело. В наш век примата науки как метода познания следует помнить и о возможностях искусства. Мы знаем, что достижения современной науки обещают с избытком удовлетворить все потребности человечества. Во всяком случае — основные. Наука избавила мир от опустошительных эпидемий, она позволяет родиться и выжить таким детям, которые еще двадцать лет назад неминуемо погибали! За какие-нибудь сорок-пятьдесят лет продолжительность человеческой жизни возросла почти вдвое.

Но это победа, которая постоянно нуждается в подтверждении. Ослабление научных усилий недопустимо ни на одном рубеже. Нет таких завоеваний, которые позволили бы человеку почтить на лаврах и обрести заслуженный отдых. Антибиотики, которые избавили нас от эпидемий, привели к возникновению нечувствительных к ним вирусов. Стоит только утратить бдительность, как на мир может

---

* К. Чапек, Собр. соч. в 5-ти т., т. 4, Гос. изд. худ. лит-ры, 1959, стр. 612.

обрушиться какой-нибудь совсем новый губительный мор. Только сохранение статус-кво требует все больших и больших затрат. А ведь надо двигаться и дальше... При этом нельзя надеяться, что, развивая одни отрасли науки и технологии, можно притормозить другие. Мир един, и все в нем взаимосвязано. И в том слепке с объективной реальностью, который мы зовем научной картиной мира, эти взаимосвязи проявляются в полной мере. Чтобы яснее понять это, достаточно вспомнить, что, скажем, цветной горошек и крохотная плодовая мушка открыли нам коренные тайны нашего собственного биологического бытия. Правда, для этого пришлось хорошо потрудиться и в области высокомолекулярной химии (это ее заводы отравляют атмосферу и реки) и на поприще гамма-лучей (это с ними связаны известные аспекты атомного оружия).

Каждая новая победа человеческого гения рано или поздно отзывалась на повседневной жизни людей. И отзывалась благом. Во всяком случае, благо превышало зло. Возьмем, к примеру, самое последнее завоевание — космос. Полеты в безвоздушное пространство требуют колоссальных денежных затрат. Именно поэтому кое-кому идея затормозить исследование Вселенной может показаться весьма привлекательной. Тем более, что ее вроде бы легко подкрепить и здравым смыслом, и соображениями гуманности. Мне не раз приходилось читать статьи, авторы которых предлагали приостановить освоение космоса, а высвобожденные средства направить на повышение жизненного уровня.

Но уже сегодня спутники предсказывают погоду, предупреждают о надвигающихся циклонах, помогают искать ценные ископаемые, они незаменимы в качестве телекоммуникационных объектов. Я нарочно не говорю об основных выгодах, которые нельзя измерить узкими рамками расхода-прихода, — о познании тайн окружающего нас мира.

А ведь именно жажда открыть неизвестное влечет нас вперед и вперед. Попробуем разобраться в том, насколько чревато опасностями это почти инстинктивное стремление.

Американский физик и писатель Ральф Лэпп как-то сказал, что даже самые выдающиеся ученые нашего времени не знают по-настоящему, куда ведет нас наука.

Попробуем оспорить эту мысль. В качестве наглядной модели возьмем вымышленную, но весьма близкую к реальности ситуацию. Короче говоря, призовем на помощь искусство: научно-фантастический роман англичан Педлера и Дэвиса «Мутант-59». Кит Педлер — биолог и врач, заведующий кафедрой офтальмологии Лондонского университета, и журналист Джерри Дэвис детально исследовали очень интересную для нас ситуацию, когда случайное совпадение трех совершенно независимых друг от друга факторов вызвало цепную реакцию распада пластмасс, что едва не поставило на грань гибели всю человеческую цивилизацию. Причем факторы эти выглядели вполне невинно, во всяком случае, они ничего общего не имели ни с атомом, ни с космосом. Саморазрушающаяся не загрязняющая среду бутылка, казалось бы, никак не грозила миру бедствиями. Но таков наш век натянутых, непредсказуемых взаимосвязей, когда простые вещи неожиданно обретают истиине дьявольскую изнанку. Разве не дьявол, не джин, бездумно выпущенный из бутылки, — в прямом смысле последнего слова — увлек героев романа в адское пекло?

Проще всего было бы, идя вслед за Лэппом, увидеть в кошмарных, хотя и несколько искусственно ограниченных по масштабам, катастрофах «Мутанта-59» иллюстрацию модного на Западе мифа об ученых, которые не видят дальше собственного носа. Но простота, даже если это «святая простота» латинских апокрифов, не лучшее средство разобраться в сложных противоречиях современного мира.

Забудем на минуту, что перед нами научно-фантастическое произведение, и попробуем взглянуть на пластмассовую «чуму» как на реальную опасность, угрожающую нашей цивилизации. Для этого есть известные основания. Достаточно вспомнить об «оловянной чуме», неожиданно прокатившейся лет двести назад по Европе и оставившей

трактиры без ложек и мисок, а солдат без пуговиц. А недавние события, связанные с пресловутым «энергетическим кризисом», когда во многих городах Запада нормальная жизнь готова была вот-вот приостановиться. Аналогии с пластмассовым бумом напрашиваются сами собой. Машинная цивилизация второй половины двадцатого века, несмотря на удивительные достижения и победы, стала слишком зависима от самых разнородных факторов, чересчур уязвима. Аварии, прокатившиеся по миру, по вине безвредной бациллы и столь же мирной бутылки, выпущенной на волю совершенно случайно и в то же время с закономерной неизбежностью, как это с мастерством продемонстрировали нам Педлер и Дэвис, лишь раз напомнили нам эту банающую в сущности истину. Полимерные материалы в самом деле пронизывают все сферы человеческой деятельности. Стоит всыхнуть реальной «пластмассовой чуме», как одна за другой последуют аварии космических аппаратов, сверхзвуковых лайнеров, атомных подводных лодок и т. д. и т. п. Одним словом, почти по Педлеру и Дэвису. Но подобная ситуация может сложиться и в случае «порчи» (поломки, исчезновения) любого из основных элементов машинной цивилизации. Оловянная чума, оставившая солдат какого-нибудь гессенского курфюрста без пуговиц, могла бы ныне обернуться настоящим апокалипсисом. Представьте себе, что серебристые точечки пайки бесчисленных электронных устройств превратятся в серую пыль. Это, пожалуй, будет почище «Мутанта-59». Или менее драматическая, но куда более реальная ситуация — отсутствие горючего на всех без исключения бензоколонках!

Таким образом, есть основания отнестись с полной серьезностью к роману-предупреждению, который вы только что прочли. А чтобы наглядно убедиться в том, насколько близко подошли его авторы к истине, предпримем маленький эксперимент. Он понадобится нам не для того, чтобы найти истинного виновника пластмассовой (или любой другой; фантасты писали, например, о мгновенной кор-

розии, охватившей вдруг все железные и стальные предметы) болезни. В самом деле, вопроса о том, кто повинен в бедствиях, разыгравшихся в романе,— наука как таковая, ученые, бизнесмены или просто несчастный случай? — не возникает. Это вполне очевидно. Есть иные проблемы, ждущие нашего исследования.

Итак, перед вами первая из трех новелл. Почему именно из трех? Но ведь совпадение трех различных факторов во времени и пространстве вызвало цепную реакцию распада полимеров у Педлера и Дэвиса, и каждая из новелл как бы подменяет фантастическую коллизию ее действительным аналогом.

1. РАССКАЗ О ДИХЛОРДИФЕНИЛ- ТРИХЛОРМЕТИЛМЕТАНЕ

Это соединение с мудрым названием известно всем и каждому. Дабы не интриговать без нужды, сократим же невскую номенклатуру до общеупотребительного ДДТ.

Впервые этот наиболее популярный из всех существующих пестицидов был синтезирован еще в 1874 году, но только в 1937 году швейцарец П. Мюллер открыл его инсектицидные свойства, за что год спустя и получил Нобелевскую премию.

Но не прошло и четверти века, как употребление ДДТ оказалось приостановленным во многих странах мира. Не было ни взрывов, ни аварий, ни пожаров, столь характерных для страниц научной фантастики, а потому последствия всемирной, без преувеличения, катастрофы стали ясны только через два десятилетия. Напомним ее основные вехи.

Шведская академия отнюдь не преувеличила заслуги Мюллера. ДДТ в борьбе с паразитами не имел себе равных. В первые годы казалось, что возбудителям сыпного тифа, энцефалита и малярии пришел копец. Применение инсектицида спасло жизнь десяткам миллионов людей. Не менее эффективен оказался препарат и при охране плантаций и

нив. Защищив хлопок от долгоносика, ДДТ способствовал двукратному росту урожайности.

И все-таки чудо обернулось бедствием. Уничтожив вредителей, бесцветные практически нерастворимые в воде кристаллы только наращивали свою истребительную деятельность. Тем же путем, что описан в «Мутанте», они проникли в реки, чтобы продолжить свой путь в морях. Унесенные ветром, белой пылью опали на листья и лепестки. По подсчетам ученых две трети из полутора миллионов тонн ДДТ, произведенных за четверть века, бесконтрольно ушли в биосферу. Миллион тонн, миллиард килограммов, триллион граммов, несусветное число смертельных микроДоз...

Ныне ДДТ легко обнаруживается в каждом живом существе, обитающем в воде, на земле и в воздухе. Особенно наглядно последствия его непродуманного применения для уничтожения вредных насекомых дали о себе знать на острове Калимантан. После обработки территории инсектицидом ящерицы устроили настоящее циркество из мертвых бабочек, кузнечиков, мух и, разумеется, тоже пали жертвой яда. На пих набросились змеи и кошки, чтобы погибнуть в свою очередь. Зато для крыс «операция ДДТ» обернулась поистине благоденствием. Лишившись своих естественных врагов, они размножились в таком числе, что не только пожрали все запасы продовольствия, но и привели к взрыву эпидемий среди людей. Бумеранг замкнул круг.

Были и другие последствия, не столь, может быть, наглядные. Стал непригоден для еды лосось, обитающий в озере Мичиган. Оказались обреченными на вымирание из-за нарушения кальциевого обмена белошайные орланы и соколы-сапсаны. Яйца, которые они откладывали после «употребления» ДДТ, стали настолько хрупкими, что их скролупа крошился задолго до того, как проклюнется птенец. Не обошла беда и людей. По американским данным, содержание ДДТ в материнском молоке в 2—3 раза превышает допустимый уровень.

Пестицид дает знать о себе повсюду. Он проник даже в организмы антарктических пингвинов, которые, как известно, питаются рыбой. И тогда люди забили тревогу. После того как в уловах сельди было зарегистрировано присутствие яда; шведы на несколько лет наложили запрет на его применение. Голландцы и датчане полностью сняли ДДТ с производства. Советский Союз обратился к прибалтийским странам с предложением срочно разработать меры по очистке от него моря. Если удастся спасти Балтику, будет осуществлена и обширная международная программа по спасению океана. Дело в том, что за угровой для жизни рыб и птиц притаилась беда всей биосферы. Опасность не только в том, что человек, замкнув на себя великие пищевые цепи природы, все в больших количествах потребляет обитателей воздуха и воды. Гораздо страшнее, что пестицид угрожает фитопланктону. По мнению известного биолога Чарльза Уирстира, даже концентрация в одну миллиардную долю может блокировать фотосинтез в океане. Если вспомнить, что именно фитопланктон поставляет в атмосферу две трети кислорода, то картина вырисовывается весьма мрачная. Ограниченнная вспышка «полимерного синдрома» не идет с ней ни в какое сравнение.

В конечном счете повторилась «Сказка о рыбаке и рыбке». Финалом победного шествия ДДТ стало разбитое корыто. Массовое его применение привело к образованию устойчивых к действию яда форм, «мутантов», которые не погибают даже при десятикратном увеличении доз. 150 видов вредителей, считавшихся чувствительными к действию ДДТ, ныне практически к нему не восприимчивы.

Простая логика подсказывала выход: синтезировать новый, более сильный яд, но с учетом печального опыта менее стойкий, чем ДДТ, способный через некоторое время саморазрушаться.

С образцом подобной логики мы как раз и встретились в романе. К счастью, вообладала более трезвая точка зре-

ния. Благодаря международным усилиям от идеи универсального яда решено было отказаться, и ученые направили поиски на разработку биологических мер защиты.

2. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ИЗЮМИНКА

Предметы, которые поступают с конвейеров в залы универсальных магазинов: от поливиниловой «соломки» для коктейля до лимузина с новейшими сервомоторчиками и автоматикой, отличает ныне одна общая черта. Она заключается в том, что товары, помимо утилитарного предназначения, несут в себе еще и некую психологическую начинку, такую импонирующую покупателю изюминку. Со всей обнаженностью подобные психологические изыски предстают перед счастливыми владельцами машин и электроприборов последних систем. Чем дороже предмет, тем больше в нем всякого рода кнопок, рычажков и приспособлений, в подавляющей массе совершенно не нужных на практике. Но психологи, состоящие на службе фирмы, знают, что человеку бывает лестно соизнавать себя повелителем более сложного, чем у его соседа, устройства. При этом совершенно не важно, имеет ли под собой почву столь эфемерная власть. Это сознательная ставка на запрограммированное могущество поработленных.

С учетом подобной психологии потребителя создаются ныне всевозможные механизмы и приспособления, новейшие образцы сигарет, виски и моющих средств.

«Даже подъемные краны, которые мы строим сегодня,— говорит Эммануэль Демби, президент исследовательской корпорации «Мотивейшнл программерс»,— создаются с учетом этого принципа. Их кабины имеют гладкую и обтекаемую форму, как бы взятую из ХХI века. Так поступают компании «Катерпиллер», «Интернэшнл», «Харвестер», «Фергюсон». Почему же? Их механические чудовища не стали копать лучше или поднимать большие грузы только потому, что кабина оператора красивее. Но подрядчику, кото-

рый покупает эти краны, они больше нравятся... Таким образом, даже фабриканты промышленного оборудования начинают обращать внимание на неутилитарные, то есть психологические, факторы».

Психологические факторы равно учитывают и замаскированную рядами кнопок лесть, и, что особо для нас важно, ставку на так называемое «уменьшение психологического напряжения», сопровождающее потребление определенных видов продукции.

За примером не надо далеко ходить. Производители всякого рода гигиенических средств прекрасно знают, что покупательницы нередко отказываются от них из-за опасения засорить канализацию. Препятствие, мешавшее спросу, было преодолено самым простейшим образом — выпуском бумажных салфеток и туалетной бумаги. Дадим опять слово Демби: «Был создан новый продукт, который немедленно растворяется в воде. Он не лучше выполняет свое основное назначение. Но он несколько снимает то напряжение, которое с ним ассоциируется. Это ли не учет психологического фактора?»

Согласимся с доктором Демби. Учет психологии, конечно, налицо. Но, памятуя о только что прочитанной одиссее самораспадающейся бутылки, поостережемся разделить его восторг.

О том же, что наука и бизнес — понятия отнюдь не адекватные, здесь нет нужды напоминать.

3. МЕТАМОРФОЗЫ КИШЕЧНОЙ ПАЛОЧКИ

Итак, последняя история из нашего короткого цикла новелл. С той поры, как двадцать лет назад была расшифрована структура молекулы ДНК — основного носителя наследственности, перед человечеством открылись головокружительные перспективы «генной инженерии». Внесение новых генов в генный набор организма и удаление из него

дефектных, потенциально опасных для здоровья, могло на-
всегда избавить человечество от тяжелейших наследствен-
ных недугов. Да разве только это? Можно было бы преобра-
зить весь окружающий нас животный и растительный мир.
Приведу пример с пшеницей, о котором писал академик
В. А. Энгельгардт. Введение в ее хромосомный набор генов
фиксации азота привело бы к появлению нового вида пше-
ницы, который не требовал бы внесения в почву азотистых
удобрений. Растение удобряло бы само себя. Нужно ли го-
ворить, что молекулярная биология поставила решение по-
добного рода задач во главу угла?

Материалом для исследования послужили, разумеется, простейшие организмы — бактерии. На первых порах уда-
лось пересадить в их ядра наследственный материал, взя-
тый у более высокоорганизованных существ. Так бактериям
были «пересажены» не свойственные им свойства. По сути,
руками человека были созданы принципиально иные типы
существ, которые могли стать помощниками в борьбе с бо-
лезнями, союзниками в битве за урожай. Это с одной сто-
роны. «А на другом полюсе,— как писал Энгельгардт,—
вырисовываются возможности искусственного создания, ска-
жем, таких форм вредоносных генов, которые были бы
способны самопроизвольно размножаться и внедряться в
генный аппарат высших организмов, вплоть до человека,
что может принести с собой неисчислимые бедствия»*.

Но продолжим наше повествование об этапах «генной
инженерии», о логике на сей раз научного исследования.

Основным носителем генов, как известно, являются хро-
мосомы. Но могут существовать и более мелкие их образо-
вания — кольцеобразные плазиды.

Именно они и сделались главным объектом экспери-
ментов. После того как был найден фермент, способный
расщеплять ДНК на отдельные звенья, в Стэнфордском

---

* «За рубежом», 1974, № 31.

университете приступили к расщеплению плазмидов для внедрения в них чужих генов. Вначале удалось пересадить однотипные гены родственным бактериям, а потом гены стафилококковых бактерий были пересажены плазмидам совершенно иного вида, так называемой «кишечной палочке». В итоге образовался совершенно новый гибрид, обладающий свойствами как стафилококков, так и кишечной палочки. А совсем недавно в Институте Карнеги группы Джона Морроу удалось ювелирный эксперимент по введению в кишечную палочку генов южноамериканской жабы.

Не правда ли, опыты доктора Эйнсли, сообщением о смерти которого открывается роман, не идут ни в какое сравнение с головокружительными достижениями реальной науки?

Следующим этапом должен был стать перенос в кишечную палочку генов, ответственных за производство стрептомицина. В случае успеха человечество могло бы получить мощное средство в борьбе с болезнями.

Но опыты неожиданно были прекращены самими исследователями. Национальная академия наук США не только приняла такое беспрецедентное в истории науки решение, но и обратилась с призывом к ученым мира установить добровольный мораторий на исследования по генной инженерии с кишечной палочкой. Американские биохимики призвали приостановить эксперименты, могущие вызвать заражение человеческого организма гибридными бактериями, свойства которых невозможно заранее предсказать. Ведь кишечная палочка составляет значительную часть нашего «внутреннего населения»!

«Штаммы этой бактерии,— как говорится в сенсационном заявлении ведущих американских ученых,— обитают в кишечнике человека и обладают способностью обмениваться генетической информацией с другими типами бактерий, среди которых есть и болезнетворные. Таким образом, не исключено, что новые элементы ДНК, введенные в кишечную палочку, могут широко распространиться среди чело-

вческих, бактериальных, растительных или животных популяций и последствия этого явления сейчас невозможно предсказать».

В романе «Мутант-59» катастрофа возникла из-за трагического стечения трех различных явлений, связанных с последствиями научно-технического прогресса. Мысленно мы могли поставить подобный эксперимент и с другими тремя независимыми процессами, о которых повествуют наши новеллы. Я выбрал для этого нарочито сходные ситуации. Не надо обладать большой фантазией, чтобы увидеть куда более страшные картины. Тем более, что реальная биосфера не признает локальной осторожности Педлера и Дэвиса, которые отвели для своего «светопреставления» весьма скромный участок в центре Лондона. Ограничение, наложенное на идею, мгновенно мстит ограничением художественной убедительности. Нам остается неясным, что спасло от заражения пластмассовой чумой остальной мир. Во всяком случае, не Темза, свободно сбрасывающая все свои нечистоты в море.

Но это, конечно, частность. Главное для нас в том, что наука с честью вышла из весьма серьезного испытания.

Подведем итоги мысленного эксперимента с подменой условных фантастических коллизий реальными, причем далеко не однозначными проблемами научно-технического прогресса. Фантастика как отрасль художественной литературы часто не задается целью прямой популяризации научных идей. Но в своей внутренней логике, в принципах анализа и синтеза она очень близко подходит к науке. Для нее характерно как бы размышление вслух о путях и превращениях идеи, тот внутренний монолог, который теперь заново открыл авангардистский кинематограф.

Писатель-фантаст, как и ученый, прежде всего, ставит эксперимент. Первая ненаписанная фраза многих произведений могла бы звучать так: «Что будет, если...». Именно такой вопрос и поставили английские писатели своим «Му-

тантом-59». Они создали своего рода испытательный полигон. Цели такого мысленного эксперимента ничем не отличаются от чисто научных.

Фантастика лишь вносит в обсуждаемую проблему недостающий ей человеческий элемент и превращается тем самым в своеобразное эстетическое зеркало науки. Наука безразлична к проблемам морали, тогда как ученый — со знательный член общества не может и не должен быть безразличным. Нельзя языкам математики, физики, биологии, химии излагать моральные аспекты тех или иных открытий. Фантастика дает такую возможность. И язык у нее, о какой бы науке ни шла речь, единый — общедоступный. Легендарный Персей мог видеть в зеркале своего щита и прекрасное лицо Андромеды, и змееволосую голову Медузы Горгоны. Без этого щита, как мы помним, меч был бессилен. Эти обстоятельства и позволили нам взять для оценки моральных и целевых аспектов науки научно-фантастическое произведение. В катастрофах «Мутанта-59» менее всего виновна наука сама по себе.

Комментируя заявление американских биохимиков, В. А. Энгельгардт сказал: «Главная угроза заключается не в самих опытах как таковых, а в том, чтобы они не стали предметом оперирования в руках людей легкомысленных и беспечных или же в руках злонамеренных элементов. Против этих опасностей и должны быть направлены первоочередные усилия».

Это прекрасный ответ на вопросы, которые поставили перед нами Педлер и Дэвис.

Научный поиск — это не слепая езда по неведомым магистралям. Все зависит от того, где проложены его многоизвестные колеи: на твердом фундаменте социального равенства и продуманного планирования или же на болотистой почве так называемой «частной инициативы».

Обратимся вновь к «Мутанту-59», который послужил нам своего рода наглядной моделью. Обычно при анализе произведения, даже если это беглый «опыт» анализа, при-

нято выделять основную мысль. Не будем отступать от традиций. Благодаря своевременно принятым мерам зло было наказано и катастрофы на Земле удалось избежать. А навсегда замолкшая среди марсианской пустыни автоматическая станция?..

В наши дни, когда политика международной разрядки завоевала всеобщее признание, а многостороннее сотрудничество стран с различным политическим строем стало неизбежной реальностью, забота о нашем общем доме — биосфереочно утвердилась в сердцах людей. Именно ей мы обязаны удовольствию прочитать умную и остро написанную книгу Кита Педлера и Джерри Дэвиса.

Мыслями, на которые она навела меня, я поделился здесь с вами. Иначе как «опыт послесловия», я не могу их назвать.

Еремей Парнов

К. Педлер, Дж. Дэвис

МУТАНТ-59

Редактор А. Белевцева

Художник Ф. Инфанте

Художественный редактор Ю. Урманчеев

Технический редактор Н. Толстякова

Корректор Н. Матюхина

Сдано в производство 18/X 1974 г. Подписано
к печати 25/II 1975 г. Бум. тип. № 3.
70×100 $\frac{1}{32}$ -5 бум. л. Усл. печ. л. 13. Уч.-изд.
л. 13,61. Изд. № 12/7797. Цена 73 коп. Зак. 702

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
Москва, 1-й Рижский пер., 2

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграф-
прома при Государственном комитете Совета
Министров СССР по делам издательств, полиг-
рафии и книжной торговли. 150014, Ярославль,
ул. Свободы, 97

*Книги,
выпущенные издательством «Мир» в серии
«ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА»*

1965 год

- Ф. Кашшаи. **Телечеловек.** Пер. с венг.
Р. Бредбери. **Марсианские хроники.** Пер. с англ.
Экспедиция на Землю. Пер. с англ.
Туннель под миром. Пер. с англ.
Ф. Поол и С. М. Кориблат. **Операция «Венера».** Торговцы космосом. Пер. с англ.
Ч. Оливер. **Ветер времени.** Пер. с англ.
К. Зайднер. **Сигнал из Космоса.** Пер. с нем.
С. Лем. **Охота на Ставра.** Пер. с польск.
Й. Несвадба. **Мозг Эйнштейна.** Пер. с чешск.

1966 год

- Белая пушинка. Пер. с рум.
К. Фиалковский. **Пятое измерение.** Пер. с польск.
Ф. Хайл и Д. Эллиот. **Андромеда.** Пер. с англ.
Р. Шекли. **Паломничество на Землю.** Пер. с англ.
Р. Уормсер. **Пан Сатирус.** Пер. с англ.
А. Азимов. **Путь марсиан.** Пер. с англ.
Г. Гаузер. **Мозг-гигант.** Пер. с нем.
К. Чапек. **Средство Макропулоса. Война с саламандрами.** Пер. с чешск.

1967 год

- К. Борунь. **Грань бессмертия.** Пер. с польск.
С. Лем. **Непобедимый. Кибериада.** Пер. с польск.
Как я был великанином. Пер. с чешск. и словацк.
Р. Бредбери. **Вино из одуванчиков.** Пер. с англ.,
Луна двадцати рук. Пер. с итал.
М. Кэйдин. **В пленау орбиты.** Пер. с англ.
К. Саймак. **Прелесть.** Пер. с англ.

Прищельцы ниоткуда. Пер. с франц.
Времена Хокусая. Пер. с япон.

1968 год

Человек, который ищет. Пер. с болг.

— Гости страны фантазии. Сб. научно-фантастических произведений писателей-нефантастов.

Г. К а т н е р. Робот-зазнайка. Пер. с англ.

К. С а й м а к. Все живое. Пер. с англ.

Случай Ковальского. Пер. с польск.

Пиршество демонов. Сб. научно-фантастических произведений ученых

1969 год

Карточный домик. США глазами фантастов. Пер. с англ.

Е. Ж у л а в с к и й. На серебряной планете. Рукопись с Луны. Пер. с польск.

Фантазии Фридьеша Каринти. Пер. с венг.

Звезды зовут. Сб. научно-фантастических рассказов о Космосе.

Музы в век звездолетов. Сб. научно-фантастических рассказов об искусстве

Э. Н о р т о н. Саргассы в космосе. Пер. с англ.

М. Ф р е й н. Оловянные солдатики. Пер. с англ.

Продается Япония. Пер. с япон.

1970 год

Вавилонская башня. Пер. с польск.

— Г. Г а р р и с о н. Тренировочный полет. Пер. с англ.

Бандагал. Пер. с итал.

А. К л а р к. Космическая Одиссея. 2001 год. Пер. с англ.

— С. К о м а ц у. Покитители завтрашнего дня. Пер. с япон.

Огненный цикл. Сб. научно-фантастических произведений о контактах с внеземными цивилизациями

Пески веков. Сб. научно-фантастических рассказов о времени.

1971 год

— Я. В а й с с. Дом в 1000 этажей. Пер. с чешск.

С. Л е м. Навигатор Пиркс. Голос неба. Пер. с польск.

Стальной прыжок. Сб. скандинавской фантастики.

М. К р а й т о н. Штамм «Андромеда». Пер. с англ.

- Шутник. Сб. научно-фантастических произведений о роботах
- **Фантастические изобретения**
- Через Солнечную сторону. Сб. научно-фантастических рассказов о планетах Солнечной системы

1972 год

- К. Саймак. **Заповедник гоблинов.** Пер. с англ.
- Х. Клемент. **Экспедиция «Тяготение».** Пер. с англ.
- Дж. Финней. **Меж двух времен.** Пер. с англ.
- Космический госпиталь.**
- Дальний полет.** Сб. научно-фантастических произведений о мыслящих обитателях космоса
- Двое на озере Кумран.** Пер. с итал.

1973 год

- С. Лем. **Солярис. Эдем.** Пер. с польск.
- Нежданию-негаданию.** Сб. юмористических научно-фантастических рассказов
- Э. Рассел. **Ниточка к сердцу.** Пер. с англ.

1974 год

- Практическое изобретение.** Сб. научно-фантастических рассказов о фантастических изобретениях
- Ф. Браун, У. Тени. **Звездная карусель.** Пер. с англ.
- Симпозиум мыслелетчиков.** Пер. с польск.

Зарубежная

фантастика

73 коп.